

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

СЕКТОР ГЕОПОЛИТИКИ И АНАЛИЗА ИНФОРМАЦИИ ЮНЦ РАН

СЕВЕРО-КАВКАЗСКАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

ЦЕНТР СИСТЕМНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ИППК ЮФУ И ИСПИ РАН

Южнороссийское обозрение

Выпуск 48

Э.Ф. ШАРАФУТДИНОВА

ЧЕЧЕНСКИЙ КОНФЛИКТ:
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Отв. редактор И.П. Добаев

Ростов-на-Дону
Издательство СКНЦ ВШ ЮФУ

2008

УДК 297.37.322

ББК 86.38

Ш 25_

Редакционная коллегия серии:

Акаев В.Х., Волков Ю.Г., Добаев И.П. (зам.отв.ред.), Попов А.В., Ханбабаев К.М., Черноус В.В. (отв.ред.), Ненашева А.В. (отв.секретарь)

Рецензенты:

Акаев В.Х., доктор философских наук, профессор
Патеев Р.Ф., кандидат политических наук

Шарафутдинова Э.Ф. Чеченский конфликт:
Ш этноконфессиональный аспект / Отв. ред.
25 И.П. Добаев. – Ростов-на-Дону: Издательство
_СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – 173 с.

В монографии представлено воздействие этноконфессионального фактора на возникновение и развитие чеченского конфликта. Разработана периодизация конфликта, показаны качественные отличия данного фактора в различные периоды конфликта, его состояние в настоящее время. Автор, основательно анализируя место и роль этнического и конфессионального компонентов, предлагает пути выхода из кризиса, повышения устойчивости политических институтов и процессов в этом субъекте Российской Федерации.

Книга адресована политологам, социологам, исламоведам, студентам и аспирантам-регионоведам, всем тем, кто интересуется современными проблемами Чечни.

Работа выполнена в рамках проекта «Стратегические интересы мировых держав в кавказском макрорегионе (история и современность)» Подпрограммы по Югу России «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

ISBN 978-587872-371-8

© ЮНЦ РАН, СКАГС, ЦСРИиП ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН

© Шарафутдинова Э.Ф.

Предисловие

Исламское движение на Северном Кавказе, в Чечне в частности, вследствие центробежных процессов конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. оказалось разобленным, что нашло свое отражение не только в новой институализации официального ислама (вместо единого духовного управления мусульман Северного Кавказа в начале 90-х гг. в северокавказском регионе появилось семь самостоятельных ДУМов), но и в появлении на прежде едином мусульманском поле принципиально новых акторов. Наиболее влиятельными среди них стали возникшие не без воздействия извне салафитские группировки, некорректно определенные некоторыми исследователями и публицистами как «ваххабитские». Они стали главным оппонентом традиционного и официального ислама.

Пришедшие на «постперестроечной волне» к власти в Чечне в начале 90-х гг. сепаратистски ориентированные элиты первоначально в целях идеологической консолидации чеченского общества пытались реанимировать элементы древней традиционной социальной системы общества в основе которой находятся кровнородственные кланы (дъозал, вар, варис) и образованные на их основе более крупные социальные образования – тайпы и тукхумы, которые в своей совокупности образуют чеченскую нацию. Однако наличие огромного числа тайпов и тукхумов, отсутствие у вайнахов на протяжении их истории собственной государственности не дали возможности реализовать эту идею. Тогда дудаевцы сделали ставку на идеологию традиционного ислама, прежде всего, суфийских вирдов Кунта-хаджи и Вис-хаджи, относящиеся к суфийскому кадирийскому тарикуту, известному в Чечне под брендом «зикризм». Однако и эта попытка не увенчалась успехом в силу разобленности чеченцев по нескольким десяткам суфийских структур. Тогда пришел черед «интегринтского ислама», не признающего деления мусульман на расы, этносы, тайпы, другие локальные этнические и конфессиональные группы, и ставшего известным в регионе как «ваххабизм» (салафизм).

События в Чечне 1994-96 гг. под лозунгом «наведения конституционного порядка» открыли двери для ускоренной интернационализации салафитского движения в регионе. Чеченское «межсезонье» (1996-99 гг.), ознаменовавшееся превращением ЧР в полигон международного терроризма, пристанище убийц, торговцев «живым товаром», наркотиками и оружием, позволило развиваться здесь экстремистскому движению, прикрывавшемуся исламом. В свою очередь, это обстоятельство предопределило вторжение банд международных террористов в августе 1999 г. на территорию Республики

Дагестан. Общими усилиями федеральных вооруженных сил совместно с дагестанским населением экстремистам был дан отпор. Осенью 1999 г. началась «вторая чеченская», которая эволюционно прошла ряд важных этапов: от фронтальных сражений, апогеем чего стал штурм Грозного, до процесса «чеченизации» конфликта.

Поражение сепаратистов в Чечне, распыление салафитского движения в других республиках Северного Кавказа трансформировало «сопротивление» частично в «партизанщину», частично в мобильные, слабо связанные между собой террористические группировки, построенные по сетевому принципу. Тенденция растекания терроризма в регионе, которую ранее прогнозировали лишь эксперты, стала реальной действительностью. Особенно сложная ситуация сложилась на Северо-Восточном Кавказе – Дагестане и Ингушетии. Она, в свою очередь, предопределила процессы в других республиках – Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии-Алании. В то же время, взятый в последние годы российскими властями курс на «чеченизацию» конфликта, т.е. его решение преимущественно руками самих чеченцев, безусловно, привел к позитивным результатам собственно в Чечне.

Современные чеченские войны, особенно вторая, привнесли в северокавказский регион самые последние идеологические наработки исламских экстремистов, стали кузницей наиболее идеологически подготовленных и непримиримо настроенных по отношению к России исламистов. Сепаратистски ориентированные носители исламистской идеологии продолжают привлекать в свои ряды молодых боевиков не только в Чечне, но и в соседних республиках Северного Кавказа. Поэтому следует констатировать, что квазиваххабизм в регионе распространился, прежде всего, в среде молодежи, и, хотим мы того или нет, стал серьезным и долгосрочным фактором. Наиболее характерной формой самоорганизации радикальной мусульманской молодежи на Северном Кавказе стали т.н. «молодежные джамааты».

Сегодня практически во всех субъектах Южного федерального округа сложились террористические сети «молодежных джамаатов». Если в конце 90-х – начале 2000 гг. эти сети были связаны друг с другом на уровне руководителей и даже рядовых членов, то сегодня самостоятельные сетевые структуры связаны с другими опосредованно, преимущественно, поставленными целями, т.е. идеологически.

Организационно структуры «молодых» копируются с ближневосточных: жесткое единоначалие, сплоченность рядов, широкая внутренняя благотворительность и взаимопомощь (как, например, у палестинского «Движения исламского сопротивления» - ХАМАС).

Анализ материалов, связанных с деятельностью «молодежных джамаатов» позволяет сделать прогноз на перспективу: эти сетевые структуры, доказали свою жизнеспособность, автономность и самовосстанавливаемость. Неизбежной политической практикой носителей идеологии религиозно-политического экстремизма всегда был, есть и будет терроризм. Поскольку в «джамааты» в последние годы приходят молодые северокавказские интеллектуалы, то в дальнейшем следует ожидать появления собственных, более жестких, нежели ранее привнесенных извне идеологических доктрин, а, значит, совершения все более дерзких диверсионно-террористических вылазок. Причем, вместо бандгрупп, действовавших до недавнего времени в горно-лесистой сельской местности, появились хорошо законспирированные сетевые структуры «молодых мусульман», основной опорой которых становятся уже российские города, пока, в основном, на Северном Кавказе.

Следует также подчеркнуть, что в каждой республике террористическое движение пополняется представителями коренных этносов. Помимо «ветеранов» боевых действий в составе НВФ, в него активно входят молодые люди, прошедшие соответствующую подготовку, в том числе идеологическую, в салафитских джамаатах. Особенно остро этот процесс фиксируется в наиболее исламизированной республике региона – Дагестане (РД), а в летне-осенние месяцы 2007 г. – в Ингушетии. Об этом свидетельствуют многочисленные террористические акты, посягательства со стороны радикальных исламистов на жизнь сотрудников государственных структур и правоохранительных органов в этих республиках, широкие слои населения.

Сегодня группировки боевиков-ваххабитов объединяются на новейшей идеологической основе, разработанной в зарубежных исламистских центрах и уже дополненной собственными идеологическими наработками. Они, совершенствуя свою боевую тактику и стратегию, отошли от практики фронтальных сражений, взяв на вооружение диверсионно-террористическую тактику «пчелиного роя». Они способны быстро менять места дислокации, маневрировать и, в случае необходимости, объединяться с другими аналогичными группами. Между этими структурами и их базами налажена устойчивая связь; действия, в случае необходимости, согласовываются и координируются. Иначе говоря, деятельность неоваххабитских бандгрупп приобрела все основные черты современного исламистского террористического движения, в основе структурного строения которого лежит сетевой принцип (принцип «паучьей сети»).

В этой связи исследование воздействия этноконфессионального фактора на развитие «чеченского конфликта», предпринятого Э.Ф.Шарафутдиновой, актуально, поскольку позволяет прогнозировать развитие ситуации в других субъектах ЮФО, а

также использовать накопленный опыт по решению самых разнообразных этнополитических конфликтов в регионе.

Добаев И.П.,
заведующий сектором геополитики и анализа
информации Южного научного центра РАН,
доктор философских наук

ВВЕДЕНИЕ

В наше политизированное время, изобилующее этническими и религиозными проблемами и противоречиями на передний план научно-теоретического анализа в теоретическом и практическом плане выдвигается необходимость и важность учета взаимосвязи этнонациональных и религиозных факторов в политических конфликтах, так как наибольшее влияние на реальную жизнь и текущую политику оказывают не столько отдельно взятые религиозные или национальные факторы, сколько их симбиоз. Взаимодействие и взаимопроникновение этих двух факторов продуцирует рост их влияния на сознание человека и способствует скорейшей общественной мобилизации.

Очевидно, что особую актуальность, рассматриваемая проблема имеет для полиэтнической (свыше 160 этносов) и многоконфессиональной (свыше 70 религиозных течений) России, где ныне происходит рост и активизация, как религиозных организаций, так и национальных движений, нередко совпадающих с региональным сепаратизмом¹.

Деликатность рассматриваемых в данной монографии вопросов также обуславливает особую необходимость четкого и ясного понимания используемых понятий и терминов, которое нередко отсутствует в бытовой лексике, а тем более в политизированной риторике (например, ислам и

---

¹ Мчедлов М.П., Кудряшова М.С. Вера, этнос, нация: религиозный компонент этнического сознания. М., 2007. С. 3-4.

исланизм, шахидизм и терроризм, ваххабизм и экстремизм и т.п.). Это в свою очередь часто порождает конфликтные ситуации и стычки среди гражданского населения.

Острота проблемы также обусловлена тем, что вооруженные конфликты влекут за собой длинную череду неприятных последствий: многочисленные жертвы, неисчислимые материальные потери порождают недоверие, межэтническую и религиозную вражду. Результатами таких конфликтов становятся этнический национализм, массовые миграции и др.

Исследуемый нами чеченский конфликт привел, прежде всего, к политико-психологическому напряжению в обществе, а также к возникновению различного рода фобий на национальной и конфессиональных уровнях (например, страх к людям кавказской национальности и мусульманского вероисповедания). В таких условиях изучение самого понятия «этноконфессиональный фактор» выходит на первый план, а определение его роли в конфликтной ситуации в Чечне приобретает несомненную актуальность для дальнейшего устойчивого развития не только Чеченской республики, но и Российской Федерации в целом.

Актуальность исследования связана и с тем, что на данном этапе многие конфликты в Северо-Кавказском регионе находятся в латентном состоянии. Неоднозначной оценки заслуживают этнополитические процессы на территории Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Ингушетии, на территории Республики Дагестан. На сегодняшний день ситуация, которая сложилась на Северном Кавказе, позволяет оценить его как политически и этнически нестабильный регион России, сохраняются тенденции продолжения и даже расширения конфликтов, а также возрастания этнического и религиозного сепаратизма. Сегодня практически во всех республиках на Кавказе в общий ход политического процесса тем или иным образом вовлечен этноконфессиональный компонент.

Необходимо заметить, что, начиная с 1990-х гг. XX. в. фиксируется рост влияния исламской религии в общественно-политической жизни многих республик Северного Кавказа. Исламские ценности стали восприниматься как основа возрождения духовности. Уже с середины 90-х гг. XX в., на Кавказе четко начинают проследиваться исламистские течения, принявшие форму религиозного радикализма. Первоначально наибольшее распространение и значимое влияние эти явления получили в двух республиках Северного Кавказа, в Дагестане и Чечне, но сегодня данные процессы четко отслеживаются и на территории других северокавказских республик (например, в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии). В результате этих процессов Чеченская республика пережила два вооруженных конфликта.

Существенное значение на динамику конфликта оказали не только внутренние (эндогенные), но и внешние по отношению к республиканскому социуму факторы влияния, среди которых можно выделить общую глобализацию, а также рост вовлеченности религиозного (исламского) компонента в общий ход политического процесса во многих странах мира (Афганистан, Пакистан, арабо-израильский конфликт, Ирак и т.д.).

Актуальность настоящего исследования заключается и в том, что одно из его важных направлений – это попытки разработки мер по блокированию этнорелигиозного терроризма и экстремизма, волна которого захлестнула в последние десять лет не только территорию Чечни, но и всю Россию в целом. Проблема, которая вынесена в заглавие данной работы, сама по себе ценна тем, что сегодня конфликт в Чечне, несмотря на явное затишье, все еще находится в стадии политического урегулирования.

Такой подход к исследованию позволил получить не только научный результат, но и определил политическую и общественную актуальность темы с точки зрения предотвращения и развития подобной конфликтной ситуации непосредственно в Чечне и на территории других республик Северо-Кавказского региона.

Литература по предмету исследования достаточно обширна и многообразна. За последние годы защищен ряд диссертаций, в которых в той или иной степени затрагиваются отдельные аспекты специфики чеченского конфликта (И.В. Алдамова, Л. С.-Э. Басханова, А. А.-Х. Ельсаев, О.А. Русанова, Н.Н. Шипилова)². Если внимательно проанализировать эти исследования, то становится очевидным, что акцент в основном делается на этнические и религиозные аспекты в чеченском конфликте по отдельности, а не в совокупности.

Учитывая характер нашего исследования, необходимо было привлечь работы, анализирующие особенности традиционного этносоциального и этноконфессионального устройства чеченского национального сообщества. Среди авторов, изучавших данный круг проблем, можно отметить – В.Ю. Верещагина, Г.Б. Гавриша, Э.А. Исаева, Ф.И. Леонтовича, М. Мамакаева, П.Я. Нечепуренко, Х.-А. Нухаева, И. Саидова, Я. Чеснова и др.³

В настоящее время проведены значимые исследования по проблемам межнациональных отношений, в которых анализируются возникшие осложнения и противоречия, которые привели к их перерастанию в конфликтную ситуацию. Анализ этнополитической ситуации на Северном Кавказе предложен в ряде работ авторитетных ученых – Р.Г. Абдулатипова, М.А. Астватацуровой, Э.А. Баграмова, М.Б. Беджанова, Д.Д. Гакаева, Г.С. Денисовой, А.Г. Здравомыслова, М.Р. Радовеля, Э.И. Скакунова, Л.Л. Хоперской, В.В. Черноуса и др.⁴.

---

² Алдамова И.В. Этнополитизация конфликта в Чеченской республике: причины, генезис и постконфликтное строительство. Дис. ...канд. полит. наук. М., 2004; Л. С.-Э. Басханова. Чечня: общественное мнение в условиях этнополитического конфликта. Дис. ...канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2004; Ельсаев А. А.-Х. Особенности модернизации политического процесса в условиях социальной депривации (на примере Чеченской Республики). Дисс. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2005; Русанова О.А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе. Дис. ...канд. соц. наук. М., 2004; Шипилова Н.Н. Региональные этнополитические конфликты: технологии продуцирования и урегулирования. Дисс. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2005.

³ Верещагин В.Ю., Гавриш Г.Б., Нечепуренко П.Я. Чеченская этнонациональная государственность: от самобытности к сепаратизму. Ростов н/Д, 2003; Исаев Э.А. Вайнахская этика. Назрань, 1999; Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883; Мамакаев М.А. Чеченский тейп в период его разложения. Грозный, 1973; Нухаев Х.-А. Теория и практика ханифитского традиционализма в контексте российско-чеченского конфликта. М., 2004.

⁴ См.: Абдулатипов Р.Г. Этнополитические конфликты в СНГ: наднациональные механизмы разрешения. М., 1997; Беджанов М.Б. Россия и Северный Кавказ: межнациональные отношения на пороге XXI в. Майкоп,

Среди исследователей, занимающихся религиозными (исламскими) аспектами, можно выделить Ю.М. Антоняна, В.О. Бобровникова, М.Д. Давитадзе, А.А. Игнатенко, Д.В. Макарова, В.И. Максименко, А.В. Малашенко, С.А. Мелькова, А.А. Г.В. Милославского, В.И. Сажина, Н.А. Смирнова, Л.Р. Сюкияйнена, Д.А. Хайретдинова, А.Г. Яндарова, Ярлыкапова⁵. Результатом этих исследований явилась оценка общественно-политических явлений, процессов политизации ислама в Северо-Кавказском регионе (в частности, в Чечне).

В научном дискурсе предметом обсуждения являются проблемы идеологической мотивации деятельности исламских фундаменталистов в конфликтах; соотношения религиозного и национального факторов. Эти аспекты раскрываются в работах Д.Б. Малышевой, Э. Томе, М. Хишама⁶.

На северокавказском уровне серьезный вклад в изучение данной проблематики внесли следующие исследователи-исламоведы: С.Е. Бережной, М.В. Вагабов, Н.М. Вагабов, К.С. Гаджиев, М.А. Курбанов, Б.В. Магомедов, Г.А. Мурклинская, Р.Ф. Патеев, К.М. Ханбабаев. Данные исследования ценны тем, что в них предлагается анализ теории и практики ислама,

---

2002; Гакаев Д.Д. Чеченский кризис: истоки, итоги, перспективы (политический аспект). М., 1999; Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология. Ростов н/Д, 2001; Здравомыслов А.Г. Межэтнические конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997; Скакунов Э.И. Чеченский конфликт // Международные исследования. 1996. № 10.

⁵ Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д. Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения. М., 2004; Максименко В.И. Фундаментализм и экстремизм в исламе // Ислам и исламизм. М., 1999; Игнатенко А.А. Средневековые поучения владыкам и проблематика власти // Социально-политические представления в исламе. История и современность. М., 1987; Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. М., 1988; Фантом, созданный ЦРУ. Усама бен Ладен – террорист, компрометирующий ислам // Независимая газета. 1999. 9 сент.; Зеленый Internetционал. Всемирное исламистское движение в преддверии XXI века приобретает парадоксальные формы // НГ-Религии. 1999. 7 апр.; Эндогенный радикализм в исламе. Доклад на семинаре в Московском Центре Карнеги. М., 2000; Исламский радикализм как побочный эффект «холодной войны» // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 1(13); Исламизм как глобальный дестабилизирующий фактор. Доклад на семинаре «Исламизм: глобальная угроза?» в Институте социальных систем МГУ им. М.В.Ломоносова. М., 2000; Максименко В.И. Фундаментализм и экстремизм в исламе // Ислам и исламизм. М., 1999; Малашенко А.В. Ислам и политика в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4; Исламское возрождение в современной России. М., 2006; Как выбирали в Чечне. М., 2006; Мельков С.А. Исламский фактор и военная политика России. М., 2001; Сажин В.И. К вопросу о цивилизациях, исламе и войнах // Ближний Восток и современность. М., 1998; Ярлыкапов А.А. Проблема ваххабизма на Северном Кавказе. М., 2000.

⁶ Малышева Д.Б. Конфликты в третьем мире и Содружестве независимых государств (религиозный и этнический аспекты). Дис. ...докт. полит. наук. М., 1997; Томе Э. Ислам и национальный вопрос (национальный и религиозный факторы на Арабском Востоке на современном этапе). Дис. ...канд. филос. наук. М., 1993; Хишам М. Теоретические основы и практическая деятельность исламских фундаменталистов в Египте. Дис. ...канд. ист. наук. М., 1996.

прослеживается степень включенности религиозного (исламского) фактора в общественно-политические процессы и отношения на Северном Кавказе (в частности, в Чечне) в тех или иных исторических условиях.

Вопросами религиозного терроризма и экстремизма не только на Кавказе, но и за рубежом, занимается крупный отечественный исследователь политического ислама И.П. Добаев⁷. В его работах четко прослеживаются этапы религиозной радикализации ислама на Северном Кавказе, достаточно полно освещается специфика традиционного ислама (суфизма) в Северо-Восточном Кавказе, а также процессы и стадии его политизации.

Пристальное внимание роли и месту политического ислама в событиях на Кавказе, сращиванию его радикального фундаментального направления с теорией и практикой международных радикально настроенных организаций уделял в своих исследованиях авторитетный дагестанский исламовед З.А. Арухов⁸.

Из авторов, рассматривающих процессы религиозных верований в прошлом и настоящем, следует выделить В.Б. Виноградова, Д.Д. Межидова, Г.И. Успаева. В их работах проведен анализ предпосылок проникновения и закрепления традиционного (суфийского) ислама в Чечне. Вопросы ментальности чеченского народа в своих работах освещает историк М.Х. Багаев.

Одними из конфликтогенных субъектов в Чечне выступили религиозные экстремистские организации, в частности т.н. «исламистские джамааты». Разобраться в тонкостях и нюансах данного аспекта нам помогли работы авторитетного чеченского ученого-исламооведа В.Х. Акаева. Его работы ценны тем, что, несомненно, внесли весомый вклад в изучение исламской риторики, современной этносоциальной и этнорелигиозной

---

⁷ См.: Добаев И.П. Геополитика исламского мира на Кавказе // Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственных интересов России. Ростов н/Д, 1998; Исламский радикализм в международной политике. Ростов н/Д, 2000; Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика. Дисс. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д, 2003; Новый терроризм в мире и на юге России. Ростов н/Д, 2005; Новые тенденции в террористическом движении в контексте геополитических трансформаций на Юге России // «Евразийский проект: кавказский вектор»: Мат. науч.-практ. семинара. Азов, 2005 и др.

⁸ Арухов З.С. Концепция джихада в раннем исламе. Дис. ... канд. философ. наук. Махачкала, 1995; Экстремизм в современном исламе. Махачкала, 1999.

ситуации в Чечне, явлений этнорелигиозного экстремизма и терроризма и их последствий для ЧР (например, явление «северокавказского шахидизма»), а также процессов взаимодействия традиционного и радикального ислама в период конфликта в Чечне⁹.

Таким образом, наряду с достаточно исследованными проблемами предмета нашего рассмотрения существует потребность в более целостном осмыслении роли и места этноконфессионального фактора в конфликтной ситуации на территории Чечни сквозь призму социокультурных, политических, конфликтологических и психологических функций. В современной исследовательской практике затрагивались лишь отдельные стороны этой темы. Действительно, существует проблема диалектического единства между этническим и религиозным сознанием, как индивидуума, так и определенной этнической общности, сохраняющая свою теоретическую и практическую актуальность в контексте этнополитических процессов в современном мире. Отсюда следует вывод, что религиозный фактор надо рассматривать в тесной взаимосвязи с национальным, этническим, что актуально для всех северокавказских республик, в том числе Чечни.

ГЛАВА 1. Этноконфессиональный фактор как социально-политический феномен

1.1. Этноконфессиональный фактор: содержание категориального аппарата и сущность явления

Этнические противоречия существовали всегда, но они практически никогда не проявляются в чистом виде. Во многих случаях их трудно отделить от противоречий, возникающих на религиозной почве. Как

---

⁹ Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2004; Религиозно-политический конфликт в ЧР Ичкерия // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 5; Северокавказский ваххабизм – разновидность исламского радикализма // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2000. № 3; Традиционный ислам и ваххабизм (к религиозно-политической ситуации в Чечне) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2000. № 2; Акаев В.Х., Вок Г.Б., Керимов М.М. Ислам в Чечне (традиции и современность). Грозный, 2006 и т.д.

показывает практика часто этническое неотделимо от религиозного, поэтому для нас представляет особый интерес симбиоз этих двух явлений. В данном контексте проблемы необходимо рассмотреть содержание, сущность, составляющие «этноконфессионального фактора», а также его роль на современном этапе развития российского социума.

Необходимо отметить, что «этноконфессиональный фактор» является довольно сложным и широким понятием современности. Он выступает продуктом совокупности многих составляющих сторон: политической, этнической, религиозной, этнополитической и т.д.

Прежде всего, необходимо непосредственно рассмотреть понятие «фактор». Его можно трактовать как существенное обстоятельство в каком-либо процессе, явлении¹⁰. Политолог С.А. Мельков считает, что все имеющиеся определения категории «фактор» можно условно сгруппировать в три подхода¹¹:

1. «Фактор» (от лат. factor) – делающий, производящий, причина, движущая сила какого-либо явления, процесса, определяет его характер или отдельные его черты. Это значение вытекает и из определения социального фактора, под которым понимается движущая сила развития общества; явление или процесс, обуславливающий те или иные социальные изменения. То есть под фактором понимается какая-либо внешняя или внутренняя сила по отношению к общественному процессу, оказывающая на него существенное воздействие, влияние¹².

2. То, что объективно существует, имеет место. В данном контексте термин «фактор» приравнивается к факту. Значит, раз существует религия, то существует и «религиозный фактор»; раз существует ислам, то существует исламский фактор. В этом смысле все, что связано с исламом, может рассматриваться как «исламский фактор». Пожалуй, такой позиции придерживается большинство религиозных лидеров.

---

¹⁰ Словарь иностранных слов. М., 1982. С. 518.

¹¹ Мельков С.А. Исламский фактор и военная политика России. М., 2001. С. 23.

¹² Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1998. С. 593.

3. Субъективное понимание «фактора», зависящее от позиции исследователя. Так, Ю.Г. Носков предлагает «фактором» считать «понятие, служащее для обозначения той силы, из числа определяющих развитие данного объекта, который в данных конкретных условиях имеет для исследователя особое значение»¹³. Другими словами, понятие «фактор» приобретает самостоятельное значение только в том случае, когда оно актуализирует внимание исследователя на какой-то одной составляющей из целого комплекса сил, воздействующих на тот или иной объект.

«Фактором» могут быть названы явления или процессы, оказывающие существенное, социально значимое влияние на общество, такое влияние, которое заметно и может быть оценено. Поскольку общество является огромной системой, то фактором может являться причина, движущая сила какого-либо процесса, причем либо сами эти процессы, либо причины являются атрибутом данного общества. Даже если явления и процессы находятся вне данной системы, являться фактором для нее они могут только тогда, когда способны оказывать на систему влияние и в этом смысле они все равно являются системными.

На наш взгляд понятие «*фактор*» можно определить коротко и ясно – *это мотивация, содержательная основа какого-либо действия, механизма.*

В Чечне особое место всегда занимал и занимает религиозный (исламский) фактор. В период военных действий главами сепаратистов он нещадно эксплуатировался в политических целях. В своем исследовании при рассмотрении конфликта в Чечне мы имели возможность увидеть то, что на определенном этапе активно проявил себя именно этноконфессиональный компонент в данном противостоянии. Поэтому для того, чтобы в полной мере достоверно утверждать о религиозной составляющей данного конфликта, нам необходимо раскрыть такие понятия как: «исламский фактор», «исламистский фактор», «этнический фактор», «конфессиональный фактор», а также определить, в чем же заключается сущность этих явлений.

---

¹³ См.: Носков Ю.Г. Религиозный фактор и духовная безопасность. М., 2000. С. 43.

На данный счет существует множество точек зрения. Каждая из них имеет право на существование, так как открывает данные понятия по-своему верно.

Немало определений дано термину «религиозный фактор». Ряд ученых определяют «религиозный фактор» (общий случай по отношению к исламскому фактору) как – «религию в действии», выделяя в первую очередь ее функциональный аспект.

Профессор А.А. Нуруллаев дает следующую формулировку: «Религиозный фактор есть специфическое обозначение функционирования религии и ее институтов в системе социальных, экономических, политических, национальных и других отношений; все, что относится к религии и ее институтам как субъектам деятельности в разных сферах общественной жизни»¹⁴.

Ученый – исламовед В.Н. Рагузин считает, что «религиозный фактор можно определить как функциональное состояние и характер взаимосвязей и взаимодействия религии и ее компонентов с объектами влияния: обществом, политикой, культурой, государственной властью, нацией и т.д.»¹⁵.

Ю.Г. Носков, в свою очередь, определяет «религиозный фактор» как «понятие, служащее для обозначения воздействия на тот или иной объект со стороны религии в целом или со стороны тех или иных ее структурных элементов»¹⁶.

Данные авторы также полагают, что для целого ряда стран одним из факторов их развития являются межрелигиозные противоречия как разновидность религиозных отношений, миссионерство, деятельность политических партий, ориентированных на религию, политические и социальные позиции различных групп духовенства, религиозных масс, религиозные традиции и т.д. То есть, в конкретной ситуации какой-либо из структурных элементов религии преимущественно

---

¹⁴ Нуруллаев А.А. Религиозный фактор в национальных процессах // Государственно-церковные отношения в России: Курс лекций. Ч. 1. М., 1994. С. 100.

¹⁵ Рагузин В.Н. Роль религиозного фактора в межнациональных отношениях. М., 1998. С. 28.

¹⁶ Носков Ю.Г. Религиозный фактор и духовная безопасность. М., 2000. С. 44.

или в совокупности с другими может актуализироваться, выйти на первый план и играть роль религиозного фактора.

В научном обороте, в СМИ все большее признание наряду с этническим, религиозным, религиозно-политическим факторами получает термин «исламский фактор» (ранее анализировавшийся лишь применительно к исламскому миру), отражающий попытку осмыслить актуализацию процесса возрождения ислама на постсоветском пространстве, взаимодействия российского государства с мусульманами и их организациями на рубеже XXI в. Здесь следует отметить, что не всегда политизация носит радикальный характер, основной особенностью отношений власти и религии в последние тридцать лет становится конфликт с радикальным политическим исламом, являющийся рубежом, отделяющим силы, ориентированные на модернизацию ислама, от сил, делающих ставку на его неоконсервативную реставрацию в духе мусульманской общины времен пророка. Исламизация характеризуется как минимум двумя одновременно протекающими тенденциями: возрождением ислама как религии и использованием исламской «оболочки», идеологии различными экстремистскими, террористическими, сепаратистскими силами в борьбе за власть. При этом в многочисленных публикациях последнего времени до сих пор не существует устойчивых общепринятых обозначений этого процесса.

С

начала 70-х гг. XX в. «исламский фактор» начинает оказывать существенное воздействие на внутреннюю ситуацию и внешнюю политику многих стран. Тому подтверждением служат события в Алжире, Пакистане, арабо-израильское противостояние, а также ситуация, которая сложилась в течение последних двух десятилетий на территории Северного Кавказа, в частности в Чечне.

В

современной научной мысли существует несколько точек зрения на сущность «исламского фактора». Для первых – «исламский фактор» есть нечто искусственное, придуманное востоковедами, культурологами и

культивируемое некоторыми политиками и средствами массовой информации с целью актуализации исламской проблематики и относящееся исключительно к религиозной жизни, для вторых – естественная доминанта мусульманского общества, определяющая его материальную и духовную жизнь, для третьих – процессы и явления, происходящие в процессе взаимодействия мира ислама с другими цивилизациями. Существует и такая точка зрения, что «исламский фактор» – это политический феномен и должен рассматриваться в рамках политической науки. Рассмотрим подробнее наиболее характерные из них. Исследователь А. Ахмедов в содержание «исламского фактора» вкладывает «усиление социальной активности масс в мусульманских странах, бурную деятельность исламских организаций на международной арене»¹⁷. Работы, изданные по исламской проблематике в СССР, отличаются единой методологической позицией, которая «основывалась как на учете диалектического взаимодействия между базисными и надстроечными структурами в жизни общества, так и на принципе исторического подхода к соотношению общих закономерностей и конкретной специфики проявлений «исламского фактора» в международных отношениях»¹⁸. Само действие «исламского фактора» зачастую рассматривалось в позитивных и негативных аспектах в зависимости от содержания того или иного движения под флагом ислама. Если в исламском государстве брали верх левые силы, выступавшие против империализма и за союз с СССР и лагерем социализма – то это получало в нашей стране позитивную оценку. Если же побеждали правые силы, бравшие курс на укрепление связей с империалистическими странами – то содержание исламского фактора рассматривалось в негативном ключе, что, не исключало показа противоречий, сложностей действия «исламского фактора», когда анализировались отношения внутри исламского мира¹⁹.

Примерно с середины 90-х гг. XX в. в РФ

---

¹⁷ Ахмедов А. Ислам в современной идейно-политической борьбе. М., 1985. С. 146.

¹⁸ См.: «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии (70-е-первая половина 80-х годов). М., 1987. С. 3.

¹⁹ Мельков С.А. Указ соч. С. 7.

стали появляться работы, авторы которых, отмечая политизированность ислама, пытались в той или иной мере анализировать не только сам политический ислам, но и его отношения с политической сферой общественной жизни, влияние государственно-исламских отношений на национальную безопасность, геополитическое положение стран, понять сущность и причины появления исламского фактора, в том числе применительно к ситуации в нашей стране.

Например, профессор А.В. Малашенко предложил понимать «под «исламским фактором» понятие, которое включает: влияние ислама на общественно-политическую жизнь; манипуляцию религии местными политическими силами, как правящими, так и оппозиционными; использование ислама для достижения внешнеполитических целей; апелляцию к исламской традиции государствами, заинтересованными в укреплении своих позиций и интересов»²⁰.

Отдельные исследователи полагают, что «исламский фактор» может полностью носить нерелигиозный характер. Так, директор «Института исследования религий» А.А. Игнатенко полагает, что «сама политическая реальность заставляет выделить в качестве субъектов политического действия, участвующих в формировании исламского фактора, неисламские группировки, организации, институты. Это – исследовательские центры и фонды, СМИ, промышленные корпорации и финансовые группы, действующие в зоне распространения ислама, спецслужбы. Данная работа ведется методами тайной дипломатии, агентурной разведки, информационного воздействия и т.п. Цель этой работы – посредством определенного влияния на исламский фактор создать благоприятные экономические и геостратегические условия для соответствующих немусульманских стран в зоне распространения ислама»²¹. Существуют и другие попытки отечественных ученых дать определение «исламского

---

²⁰ Малашенко А.В. Ислам и политика в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4. С. 59.

²¹ Подробнее см.: НГ-Сценарии. 1996. Ноябрь. С. 2.

фактора». Так, журналист И.В. Ротарь считает, что «не сам ислам в его многочисленных интерпретациях является причиной столкновений (в том числе и военных), а реакция на закономерное и одновременно спонтанное внедрение религиозных норм в идеологический вакуум посттоталитарных обществ»²².

Исследователь процессов радикализации ислама И.П. Добаев «исламский фактор» определяет как «совокупность догм и практики ислама, которые прямо или косвенно оказывают влияние на социально-политическую, духовную жизнь отдельной страны, группы стран и даже регионов»²³.

Политолог С.А. Мельков к «исламскому фактору» предлагает относить «любые явления и процессы, связанные с деятельностью различных исламских субъектов, оказывающих влияние на общество или его значительную часть»²⁴. На наш взгляд, это не совсем верное и корректное определение. Из него следует, что действия смертника-террориста взорвавшего себя и массу других людей под лозунгом джихада, можно отождествлять с «исламским фактором», а точнее с исламом? В данной дефиниции необходимо определить характер всех действий, явлений, процессов, а также четко разграничить эти понятия. Ошибочным здесь является обобщение данных категорий в одно целое понятие – «любые».

Далее тот же автор говорит о том, что «строительство одной мечети, выпуск религиозной литературы культового содержания, личная молитва мусульманина, совершения хаджа, празднование религиозных праздников, соблюдение поста в Священный месяц Рамадан, вопросы свободы совести не относятся к исламскому фактору». Тогда возникает вопрос, что следует относить собственно к «исламскому фактору»? На самом деле то, о чем говорилось выше и следует определить как «исламский фактор» в социальной, экономической и общественной жизни мусульманского

---

²² Ротарь И.В. Ислам и война. М., 1999. С. 3.

²³ Добаев I. On the typology of the radical islamic movements // Central asia and the Caucasus. № 3(15), 2002. P., 98.

²⁴ Мельков С.А. Указ. соч. С. 14.

социума. Поскольку деятельность исламских субъектов осуществляется в различных сферах общественной жизни: в духовной, политической, экономической, социальной, собственно религиозной, то направленность и содержание «исламского фактора» могут быть различными.

К «исламскому фактору» в экономической сфере относятся такие процессы как возрождение элементов исламской экономики и исламских банков (например, в России в 1999 г. создан первый исламский банк – он называется Бадер-форте банк), введение требования о запрете взимания ростовщического процента с капитала и т.д.

В социальной сфере к «исламскому фактору» относятся введение многоженства на основе шариата и внедрение в жизнь мусульман других элементов шариата, осуществление запретов на употребление алкоголя и наркотиков и реализация репрессивных мер к нарушающим эти запреты (по законам шариата производители и распространители наркотиков в зависимости от тяжести содеянного могут быть наказаны ударами палками, им может быть даже отрублена рука), сбор закята (обязательное пожертвование богатых в пользу неимущих) в случае, если он расходуется не на религиозные нужды, действия по отношению к представителям других конфессий, неприятие рекламы алкоголя, табачных изделий, порнографии и другое.

В духовной сфере к «исламскому фактору» относятся система религиозного образования, внедрение в систему государственного образования теологических дисциплин, внедрение в культурную жизнь запретов, вытекающих из основ мусульманской религии (неприятие показа обнаженного тела в СМИ, запрет обсуждения проблем гомосексуализма, транссексуализма и т.д.)²⁵. Параллельно с этим необходимо отметить, создание мусульманами собственных вооруженных формирований и действия экстремистского, сепаратистского и террористического характера в борьбе за власть, имеющих религиозную подоплеку, но этот массовый прозелитизм никак нельзя отнести

---

²⁵ Там же. С. 15-16.

к «исламскому фактору». В данном контексте четко прослеживается иная тенденция, а именно исламистская, поэтому вышеперечисленные процессы следует относить уже к т.н. «исламистскому фактору».

Из этого вытекает определение «исламистского фактора». Хотелось бы отметить, что на современном этапе определений данному термину разработано немного. Поэтому попытаемся раскрыть его самостоятельно.

На наш взгляд *«исламистский фактор» включает в себя, прежде всего, политическую активность, в которой ислам является средством воздействия на общество и его сознание. Следствием этой активности является деформация отношений ислама со всем окружающим миром. По нашему мнению, он носит характер сугубо политический, имеющий в своей основе интересы политического и материального характера, нежели духовные и теологические.*

«Исламский фактор» мы определяем как явление религиозное, теологическое, духовное, политическое, социальное, т.е. аккумулирующее многие сферы жизни общества (научную, общественно-экономическую, политическую, духовную и т.п.).

Мы солидарны с высказыванием авторитетного дагестанского исламоведа К.М. Ханбабаева, который говорит о том, что «главный вызов исламизма лежит не столько в религиозной, сколько в социально-политической плоскости»²⁶. Исходя из вышеизложенных определений, действие «исламского фактора» не несет в себе исключительно негативного содержания и не исчерпывается влиянием на какую-либо одну или отдельную сферу общественной жизни, он действует комплексно, хотя полагаем, что его влияние на различные сферы общественной жизни в различных социумах осуществляется по-разному. Это связано с историей появления ислама и функционирования его организаций на определенных национальных территориях и отношений с государственными структурами,

---

²⁶ Ханбабаев К.М. Ислам и проблемы национальной безопасности в Южном федеральном округе. Махачкала, 2006. С. 6.

качеством исламских субъектов, особенностями той мусульманской школы, которая преобладает на данной территории. Кроме того, «исламский фактор» в политике не совсем верно, на наш взгляд, называют политическим исламом, поскольку употребление термина «ислам» автоматически предполагает анализ мировой религии. Мы же полагаем, что конституируют «исламский фактор» субъекты, многие из которых ни по целям, ни по средствам не являются религиозными. В то же время, неверное толкование понятия «исламский фактор» может привести к его рассмотрению только лишь в негативном ключе для любого социума, что представляется не всегда правильным.

При этом религия как культовая деятельность, образ жизни, идеологическая система с ее особенностями, уникальностью и т.д. не остается вне рассмотрения, но политологический анализ больше не рассматривает ее в качестве первоосновы, первопричины явлений, называемых исламскими. Такие попытки научным сообществом России предпринимаются достаточно часто, когда «исламский фактор» приравнивается к «исламскому терроризму», «исламскому фундаментализму», «исламскому экстремизму», «исламскому сепаратизму» и «исламу», что представляется ошибочным. По этому поводу в заявлении V съезда мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополья говорится: «...к сожалению, в последнее время об исламе все чаще начинают вспоминать лишь в связи с деятельностью международных террористов и экстремистов. Между тем ислам – это не просто религиозная конфессия, одна из сотен, действующих на территории России, а религия, являющаяся настоящей духовной основой многих российских народов. Съезд решительно осуждает религиозный экстремизм и терроризм во всех проявлениях»²⁷. Полагаем, что рассмотрение «исламского и исламистского факторов» как категорий политической науки предполагает исследование собственно мировой религии ислам. Анализу в таком ключе подлежит и та часть политических процессов, которая определяет взаимодействие исламских

---

²⁷ См.: Добаев И.П. Исламский радикализм в международной политике. Ростов н/Д, 2000. С. 197.

структур с самыми разнообразными субъектами политического, социального, экономического, информационного и иного характера.

Необходимо отметить, что «исламский фактор» конституируют различные субъекты. Условно их можно разделить на три группы:

- исламские государства, их коалиции, международные правительственные и неправительственные организации;
- формальные исламские структуры (духовные управления мусульман и муфтияты, мусульманские общины, исламские политические партии, движения и объединения);
- неформальные религиозно-политические структуры (например, на Северном Кавказе, различные суфийские тарикаты (духовные ордена), такие как, Накшбандийа, Кадирийа, Шазилийа (в частности, на Северо-Восточном Кавказе, в республиках Дагестан, Чечня, Ингушетия)).

В свою очередь, «исламистский фактор» существует и конституируется посредством деятельности различных исламистских организаций (например, незаконные вооруженные формирования и их лидеры, запрещенные международные исламистские организации террористической и экстремистской направленности, известные в мире террористы). Также активно его разрастанию содействуют так называемые «кабинетные исламисты», пытающиеся вывести общую доктринальную концепцию данного явления, которые на современном этапе способствуют укреплению данного фактора. В последние несколько лет их ряды активно пополняют представители интеллигенции, в частности, такая тенденция прослеживается на Северном Кавказе.

К исламистским объединениям на современном этапе можно отнести международные организации, в которых представлены не страны, а отдельные религиозные общины или объединения. Решения этих организаций носят рекомендательный характер, а область их реализации значительно более ограничена, чем область принятия решений. Кроме того, в последние годы отмечается возрастание роли в международной политике

целого ряда исламистских организаций, имеющих свои филиалы лишь в нескольких странах, не имеющих международного статуса, созданных для решения политических целей. Прежде всего, это такие организации как: «Ассоциация Братьев-мусульман», имеющая разновидности суннитской («Братья-мусульмане») и шиитской («Фатамеин»); Хезболлах; «Исламская партия возрождения», «Аль-Джихад»; «Исламский джихад» (объединяющая ливанский «Исламский Амаль», Иракскую партию исламского призыва «Хизб ад-дава», организацию исламского действия «Муназзама аль-амаль аль-ислами», борцов за веру «Аль-муджахидун» и др.); «Джамаат-и ислами» и целый ряд других²⁸.

Цели неформальных исламистских организаций, как правило, создающих для их реализации вооруженные формирования, их лидеров, запрещенных мировым сообществом и национальными государственными органами международных исламистских организаций террористической и экстремистской направленности, известных в мире исламских террористов заключаются в реализации исламистского проекта через нарушение правопорядка и стабильности, выведение определенных территорий из-под юрисдикции национального и международного законодательства, создание параллельных органов власти и вооруженный захват власти в регионах.

Например, так называемый Маджлис Конгресса народов Ичкерия и Дагестана (председатель Конгресса – Ш. Басаев) на своем заседании 10 ноября 1998 г. (протокол № 30) принял следующее решение: «В связи с тем, что МВД России под видом борьбы против организованной преступности и коррупции в верхних эшелонах власти на территории Республики Дагестан начало преследование мусульман Дагестана за свои вероубеждения, Маджлис Конгресса... вынес решение о недопустимости подобных акций в отношении членов Конгресса от кого бы это не исходило. Маджлис поручил Совету Безопасности Конгресса пресекать любые формы преследования

---

²⁸ Игнатенко А.А. Политика государственного терроризма и исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке // «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии. М., 1987. С. 48-59.

средствами, не нарушающими нормы шариата»²⁹.

Социальную базу появления и легитимации исламистского фактора составляет, во-первых, та часть мусульман, но не только, которая в ходе модернизаторских проектов оказалась вне привычных социальных ориентиров, вне привычной социальной ниши (как правило, это оказывается молодежь), которая при отсутствии достаточно широко распространенной системы знаний о сущности ислама позволяет ей быстро радикализироваться, поскольку исламская молодежь стремится восполнить недостаток знаний, жизненных установок, идеологических ориентиров обращением к первоосновам мусульманской религии.

В монографии, выпущенной в Московском Центре Карнеги (под редакцией профессоров А.В. Малашенко и А.Б. Юнусовой) отмечается, что «активность мусульман, осознание ими своей конфессиональной принадлежности, их стремление заявить о своих интересах всегда опережает их знакомство со священными книгами, догматами, историей и культурой ислама. Этим в известной степени объясняется то, что в мусульманах в первую очередь видят не носителей конфессионально-культурной традиции, но людей, тяготеющих к религиозному радикализму, стремящихся, во что бы то ни стало, заявить о политических и иных претензиях»³⁰. Данная тенденция, как нам представляется, давно подмечена и в мусульманских странах, и в ведущих мусульманских мировых учебных заведениях. Именно поэтому с появлением исламистского фактора в России радикально настроенные эмиссары из исламского мира потянулись в нашу страну и стали создавать подконтрольные им структуры для работы с молодежью, в том числе и учебные заведения. В этих организациях молодежи преподносили определенные идеологические установки, ведь молодежь является социальной группой с еще не до конца сформировавшимися идеологическими воззрениями, не до конца оформленной как общей, так и

---

²⁹ См.: Добаев И.П. Указ соч. С. 191.

³⁰ См.: Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России. М., 1998. С. 15-16.

политической культурой, в отличие от людей более старших возрастов.

Степень влияния и действия «исламистского фактора» зависит от того, в каких сферах общественной жизни или географического пространства действуют различные исламистские субъекты, какие цели они ставят перед собой и реализуют.

Можно сделать следующий вывод, что наличие «исламистского фактора» можно оценить по трем основным параметрам: наличию достаточно большого количества исламистских субъектов, реальному влиянию этих субъектов на общество в целом, либо его значительные части и ответной общественной реакции на такое влияние.

«Исламистский фактор», по-нашему мнению, реально существует, оказывает определенное воздействие на общественную жизнь многих государств нашей планеты и мирового сообщества в целом. В конечном итоге его действие приводит к деструктивности общественных отношений, что в свою очередь зачастую приводит к усилению внутренней и внешней конфликтности социумов. При этом относительно слабая изученность «исламистского фактора» объясняется сложностью и нечеткостью границ явлений и процессов, определяющих его сущность, пока слабыми возможностями прогнозирования последствия его действия, недостаточным знанием мировым и научным сообществом причин, условий его появления. Результатом действия «исламистского фактора» является достижение той или иной степени исламизации общества³¹, прежде всего в политических целях.

Также мы полагаем, что добиться полной исламизации в настоящее время достаточно трудно и, как полагает доктор юридических наук профессор Л.Р. Сюкияйнен, «введение в политическую систему пережиточных исламских норм становится тормозом общественного прогресса»³².

---

³¹ Жданов Н.В., Игнатенко А.А. Ислам на пороге XXI века. М., 1989. С. 98.

³² Sjukijanen L. Islam vs. Islam. On Islamic Alternative to Extremism and Terrorism // Central asia and the Caucasus. № 3(15), 2002. P. 80.

Это еще и невозможно, потому что Российскую Федерацию населяет огромное количество этносов, которые являются представителями различных религий и конфессий. Однако пример правления талибов в Афганистане в конце XX в. говорит о том, что такие попытки осуществления полной или почти полной исламизации общества периодически предпринимаются и, по-видимому, еще будут предприниматься. Очевидно, что исламизация неизбежно приводит к возникновению или обострению «сектантской, межобщинной розни, к конфликтам между различными направлениями внутри самого ислама»³³. Примерно такую же ситуацию мы наблюдали на территории Чечни в 90-х гг. XX в.

Наличие на территории нашей страны многочисленных этносов, исповедующих ислам, неизбежно выводят на передний край научного анализа категорию «этноконфессионального фактора».

За последние десятилетия в Российской Федерации, особенно в Южном федеральном округе, произошли межнациональные, внутриконфессиональные, этнорелигиозные конфликты, которые оказали крайне негативное воздействие на социально-политическую ситуацию в стране.

Они вызваны рядом факторов, среди которых – социально-политическая трансформация на всем постсоветском пространстве; изменение геополитического состояния региона; объявление о наличии военно-стратегических и геополитических интересов более 30-ти государств в данном регионе; различия в уровнях социально-экономического развития субъектов региона; возрастание роли социально-культурного аспекта в общественном развитии и другие.

Изучая конфликтогенную ситуацию на Юге России, исследователи пытаются выделить те или иные доминирующие факторы. Среди них многие ученые называют, в первую очередь, этнический и религиозный факторы. Относительно этничности, одни исследователи источник конфликтогенности

---

³³ Жданов Н.В., Игнатенко А.А. Указ соч. С. 128.

связывают с кризисом этнической идентичности, другие, наоборот, – с ее активизацией и мобилизацией в условиях трансформации.

Чаще всего этничность выступает универсальной формой бытия. Конфликтогенным фактором можно считать этнонациональную политику Российского государства на Юге России в 90-х гг. XX в. Российскому руководству так и не удалось выработать адекватной национальной политики, учитывающей специфику сложившейся этнополитической ситуации на Юге России, предложив, в конечном счете, военно-политический способ ее решения, что привело к усилению этнополитической напряженности и придало конфликтам затяжной характер³⁴. Это с полной уверенностью можно пронаблюдать на примере чеченского конфликта. Тот или иной фактор определяет характер конфликта.

С точки зрения функционального подхода под термином «этнос» понимается устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, отличающийся стереотипом поведения, который закономерно меняется в историческом времени³⁵.

Нацию можно определить как один из типов этноса, который представляет собой общность людей, складывающуюся в процессе формирования общности их территориальных, экономических связей, языка, некоторых особенностей культуры и характера, развития этнического самосознания, которые составляют ее признаки³⁶.

«Этнический фактор» включает в себя организацию общественных движений, также определенный уровень организованного социально-политического действия, при котором данные процессы проходят по линии этнической общности. В этнополитических конфликтах на первый план выходит этническая мотивация. Как правило, «этнический фактор» есть ни что иное, как интересы определенных этнических групп, которые стремятся к

---

³⁴ Шипилова Н.Н. Региональные этнополитические конфликты: технологии продуцирования и урегулирования. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 12.

³⁵ Гумилев Л.Н. История людей и история природы. СПб, 1989. С. 540.

³⁶ Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д. Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения. М., 2004. С. 8.

повышению статуса и роли в том или ином национально-политическом пространстве.

Необходимо отметить тот факт, что в «чистом виде» «этнический фактор» в конфликтах почти не встречается, как правило, он связан с рядом других факторов. Каждый этнический конфликт является самостоятельным социально-политическим и историческим событием, в нем можно обнаружить признаки, присущие другим конфликтам. Выявление этих признаков дает возможность классификации этноконфликтов по двум принципам. Первый – по характеру действий конфликтующих сторон; второй – по содержанию конфликтов, основным целям, которые ставит выдвигающая сторона.

Очень верно исследователь этнополитических конфликтов Н.Н. Шипилова определяет продуцирование этнических конфликтов. По ее мнению, оно происходит по следующей схеме:

- за счет введения все более активных сил, а также за счет накопления опыта борьбы;
  - увеличения количества проблемных ситуаций;
  - повышения конфликтной активности участников, а также вовлечения в конфликт новых лиц;
  - нарастания эмоциональной напряженности;
  - каждая из сторон стремится «одержать победу»;
  - национальное в таких конфликтах «идет рядом» с религиозным.
- Религиозный фактор, чаще всего обостряет конфликт³⁷.

На основе вышеприведенных рассуждений можно вывести центральное понятие нашего исследования, которое является симбиозом двух факторов (этнического и конфессионального) – рабочий термин «этноконфессиональный фактор».

Под «этноконфессиональным фактором» мы подразумеваем собирательное понятие, являющееся сложным многоуровневым явлением,

---

³⁷ Шипилова Н.Н. Указ. соч. С. 20.

вобравшим в себя этническую и конфессиональную составляющие.

Важно заметить, что все межэтнические, конфессиональные отношения людей, на каком бы уровне они не рассматривались, социально-психологичны в своей основе. Ожесточенное вооруженное противостояние – всегда крайняя форма этноконфессионального конфликта, оно представляет собой высшую фазу острых противоречий в отношениях и действиях между группами людей разных национальностей и разного вероисповедания, обусловленных их национальным и религиозным самосознанием и являющихся формой реакции этих групп на процессы и ситуации социальной микро- и макросреды, в том числе требований национальных элит.

Сегодня этноконфессиональные проблемы и конфликты относятся к числу самых острых и болезненных проблем мирового сообщества, что особенно характерно для многонациональных и многоконфессиональных государств, в число которых, безусловно, входит Россия.

Причина взрыва национализма в годы перестройки в том и состоит, что правящая система сама дала вырасти национализму, провоцировала межнациональные конфликты, надеясь таким образом сохранить и упрочнить свою власть. Данная тенденция имела место и на юге России: Северная Осетия и Ингушетия (1992 г.), Чечня с 1994 г., Дагестан (1989-1992 гг.). Однако силовые методы разрешения этих конфликтов не принесли желаемых результатов, но привели к противоположным результатам – к инспирации и усугублению сепаратистских тенденций, отчуждению народов от власти союзного центра, к сопротивлению и радикализации национальных движений. Стал активно эксплуатироваться религиозный, прежде всего, исламский и исламистский факторы.

Что касается конфликта на территории Чеченской республики, мы считаем, что он носил именно этноконфессиональный характер, поскольку порождался желанием некоторой части населения этой республики сделать ее независимой как в этническом (создание суверенного

чеченского государства), так и конфессиональном планах (образование исламского государства). Когда же Чечне фактически была предоставлена независимость, националистически ориентированная элита смогла создать там лишь пародию на государство. В заключение данного параграфа, необходимо отметить, что этноконфессиональные конфликты, какими бы причинами они не порождались, неизбежно приводят к массовому нарушению конституционных, общепризнанных международно-правовых норм, в том числе определяющих национальное, религиозное, расовое равноправие граждан.

1.2. Традиционная социальная структура чеченского общества как субъект этнополитического анализа: структурно-функциональный подход

Для более полного осмысления и глубокого анализа темы, которую мы вынесли в качестве предмета нашего исследования, представляется необходимым рассмотреть такой немаловажный аспект данной проблемы как чеченская ментальность. Как известно самобытные корни этого народа играли и продолжают играть важную роль в общественной жизни чеченского народа.

Этническая идентичность не является раз и навсегда данным и неизменным социальным феноменом. В условиях социальных трансформаций она претерпевает заметное изменение, в силу чего актуализируются одни его содержательные компоненты, а другие остаются социально нейтральными. Для чеченского этноса проблемы идентичности приобрели в нынешних экстремальных условиях наибольшую остроту. Основополагающим компонентом этнической идентичности чеченцев является сакральное пространство – земля, рассматриваемая в национальной ментальности как источник жизни и благополучия. Свою родину чеченцы называют «Землей отцов» (Дай мохк-чеч) и отношение к ней оно глубоко сакрально. Предпочитая хоронить умерших на земле предков, тело умершего в другом регионе России чеченца его родственники непременно перенесут в свое родное село и похоронят рядом с могилами предков. Привязанность к земле, бережное отношение к ней, окультуривание и передача ее

подростающему поколению – святой долг чеченца. Отцы передают родовые семейные участки своим детям, чтобы они имели вечный источник существования. Редко кто решится на продажу земельного участка, доставшегося ему в наследство. Национальный язык, отношение к которому не в меньшей степени сакрально, чем к земле предков – следующий фундаментальный компонент этнической идентичности чеченцев. «Неан мотт» (язык матери) – так называют чеченцы свой язык. В нем имплицитно представлен дух, ментальность этноса. Чеченцы всегда оставались преданными своему родному языку, процент считавших русский язык своим родным среди них был значительно ниже, чем среди многих других народов России³⁸.

Настойчивое стремление к свободе – базисный компонент бытия чеченцев. Чеченское общество за последние 300-400 лет не знало классового расслоения ни в его классическом, ни в его восточном вариантах. В отличие от осетин, кабардинцев, калмыков и русских, чеченцы не имели ярко выраженного княжеского, феодального сословия, а стало быть, и зависимого сословия.

Представление о свободе у чеченцев не является чем-то внешним, второстепенным, но имплицитно их бытию и вплетено в ткань повседневной речи чеченцев. Слово «свобода» на чеченском языке переводится как «маршо». Чеченцы встречают друг друга приветствием «Марша Гойла», а если кто-то остается на месте, то говорят «Марша Йойла», что переводится: «Уходи свободным» и «Оставайся свободным». Как видно, в представлении чеченцев категория «свобода» связана с разными состояниями их социальной динамики. С позиций структурно-функционального подхода мы постараемся более тщательно изучить и проанализировать традиционную внутреннюю структуру чеченской общины. Для любого чеченца принадлежность к соответствующим этносоциальным и этнорелигиозным структурам обладает настолько большим значением, что без соответствующей самоидентификации в каждом из двух указанных измерений, он утрачивает

---

³⁸ Акаев В.Х., Вок Г.Б., Керимов М.М. Ислам в Чечне (традиции и современность). Грозный, 2006. С. 32-33.

те «корни», которые связывают его с общиной. Из-за специфической сверхиндивидуальной этносоциальной и этнорелигиозной иерархии, базирующихся на этноправовых нормах, чеченское общество по своей сути является обществом «закрытого типа». Все это включает индивидуум в систему сверхличностных отношений, надиндивидуальных иерархий³⁹. Причем каждая из этих двух иерархий – крови и веры – диктует чеченцу свою нормативную систему, предписывает свои правила не только духовной жизни, но и внешнезначимого поведения, выступая, таким образом, как подлинный, глубинный источник построения автохтонной вайнахской политико-правовой системы.

Этносоциальная структура чеченского общины. В поисках простейшего субъекта традиционных внутривнутриполитических отношений у вайнахов мы никогда не сможем найти отдельно взятого индивидуума, человека, гражданина, как это есть сегодня в большинстве современных государств. Напротив, индивид-атом, изолированный человек – идеал «открытого общества» – вызывает у вайнахов откровенное презрение и непонимание. Когда чеченцы хотят задеть кого-либо, подчеркнув при этом отсутствие связи с более крупной социальной общностью, то обычно они говорят: «*Цу стеган тайпа а, тукъхам а дац*», что в переводе примерно означает: «У него нет ни рода, ни племени»⁴⁰.

В основу этносоциальной организации вайнахской общины положено сверхиндивидуальное начало. Простейшим элементом общины является так называемая малая семья – доьзал. Группа таких семей образует «большую семью» или кровнородственный клан, состоящий из потомков единого предка в седьмом колене по мужской линии, т.е. из братьев и сестер – от родных до семиюродных. Такие кланы в чеченском языке носят название «вар», что означает происхождение, или «вар-ху» – семья происхождения. Этимологически данное название близко к слову «варх» (семь), что

---

³⁹ Верещагин В.Ю. и др. Указ. соч. С. 30.

⁴⁰ Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2004. С. 54.

указывает на числовой параметр кровнородственного клана. Подобную аналогию мы можем встретить не только в чеченском, но и в других языках: русском, немецком, английском и т.д. У арабов же само понятие кровного родства (асабия) связано с числом «саба» (семь).

Концепция «вар» и принцип числа семь у чеченцев имеют отношение к еще одному важному понятию – вар-ис. Как правило, в общине одновременно существуют представители трех поколений: дед, отец и внук. Поэтому седьмой предок деда для его внука становится девятым предком и, таким образом, линия кровного родства насчитывает от семи до девяти «отцов». При учете таких кровнородственных уз «по вертикали» образуются новые ячейки, входящие в тейпы и составляющие внутри него восьмую и девятую ступени автономной иерархии тейпа – «вар-ис». Старейшины этого социумов носят название «вар-ис» (буквально «семь-девять»)⁴¹.

Хотелось бы отметить, что такая система в более или менее выраженном виде свойственна всем народам Северного Кавказа. Различия зафиксированы лишь в количестве звеньев и привязке тех или иных общественных институтов к определенным звеньям организации. Например, экзогамия, кровная месть, судебная власть и т.д. могут быть прерогативой лишь патронии (т.е. основанной на наименованиях по общему отцу)⁴² первого порядка, а могут – и самого высокого, т.е. фамилии.

Далее представляется необходимым рассмотреть более крупные по сравнению с доьзал и вар кровнородственные объединения у вайнахов. Группа генетически родственных друг другу варов образует тейп. Он, будучи архаичным объединением, составляет важнейший компонент этнической идентичности чеченцев. Тейповое устройство чеченского общества многократно становилось объектом научных исследований. При этом функционирование системы тейпов – живой

---

⁴¹ Нухаев Х.-А. Евразия между атлантическим и эсхатологическим концом истории // Ведено ил Вашингтон? М., 2001. С. 184.

⁴² Косвен М.О. Семейная община или патронимия. М., 1963. С. 76.

динамический процесс, развитие которого не прекращалось на всех этапах развития чеченского народа.

Тейп (по-арабски – «тайфа») – группа, круг, сообщество людей. Очевидно, это слово попало в чеченский язык с проникновением мусульманской религии. Памятники материальной и духовной культуры чеченцев свидетельствует о том, что происхождение тейповой организации уходит в глубь веков. Исследуя чеченское сообщество XVII-XVIII вв., мы обращаемся отнюдь не к самым ранним формам его родовых организаций, ибо к этому времени, в результате взаимовлияния племен и народностей, здесь произошли весьма обширные и глубокие изменения. В конечном счете, тейпы и тейповая организация есть порождение общественного строя, происхождение и расцвет которого значительно древнее того периода нашей истории, который поддается относительно полной реконструкции с точки зрения его социальных институтов.

С уверенностью можно сказать, что, начиная с XVII в., у чеченских предков были ярко выраженные черты тейпового строя, но вместе с ними и вопреки им вырастали и развивались элементы новых, феодальных, а затем и капиталистических отношений.

Чеченский тейп – это группа людей или семейств, выросших на основе примитивных производственных отношений. Члены его, пользуясь одинаковыми личными правами, были связаны между собой кровным родством по отцовской линии. Свобода, равенство и братство, хотя эти понятия никем и не были сформулированы, здесь также составляли главное начало тейпа – основы всей организации чеченского общества. По мере разрастания тейпа, он распадался на две или более части – тары, каждый из которых с течением времени образовал самостоятельный тейп. Каждый чеченец должен был знать и помнить имена не менее двадцати лиц из числа своих прямых предков.

Достаточно сказать, что если в начале XIX в. по преданию существовало 59 таких образований, то к середине этого столетия

их число возросло до 100, а к настоящему времени еще почти удвоилось⁴³. Тем самым процесс «тейпообразования», замедлившись, не прекращался полностью и в советский период, чему, в частности, способствовала сложная судьба чеченского народа в эти десятилетия. Характерно, однако, что неизвестно в точности даже общее число данных родовых сообществ. К примеру, известный этнолог и специалист по истории чеченского этноса Я. Чеснов называет обтекаемое число – «более 150»⁴⁴, а Л.С.-Э. Басханова говорит о 165-170 тейповых образованиях⁴⁵.

Авторитетный исследователь традиционной социальной структуры чеченского этноса Э.А. Исаев пишет о том, что «тейпов в Чечне насчитывалось прежде свыше 135. Из них более 20 не коренные, а образовавшиеся от представителей других народов, но уже давно прочно вошедшие в состав чеченского общества, ассимилировавшиеся в разное время и при различных условиях: одни из них шли в страну чеченцев сами, в поисках удобных земель, других приводили сюда сложившиеся исторические обстоятельства, и они были вынуждены перенять чужой язык, чужие обычаи и верования. Из ста тридцати пяти тейпов, составлявших чеченское сообщество в середине XIX века, три четверти были объединены в девяти фратриях (союзах)»⁴⁶.

Таким образом, сложно определить точную цифру чеченских тейпов. Сегодня чеченский народ примерно делится на 165 тейпов, из них около 100 – горных (ламру) и 65 – равнинных. Исторически горные тейпы считаются более древними и престижными.

Основными коренными чеченскими тейпами являются: Айткхалой, Ачалой, Барчахой, Белхой, БелГатой, Беной, Бецахой, Билтой, Бигахой, БугIарой, Варандой, Вашандорой, Ваьппий, Галой, Гандалой, ГIарчой, ГIаттой, Гендаргеной, Гилой, ГIой, ГIордалой,

---

⁴³ Ельсаев А.А.-Х. Особенности модернизации политического процесса в условиях социальной депривации (на примере Чеченской Республики). Дисс. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 23-24.

⁴⁴ Чеснов Я. Чеченцем быть трудно (тейпы, их прошлое и роль в настоящем) // Независимая газета, 1994. 22 сентября.

⁴⁵ Басханова Л.С.-Э. Чечня: общественное мнение в условиях этнополитического конфликта. Ростов н/Д, 2004. С. 69.

⁴⁶ Исаев Э.А. Вайнахская этика. Назрань, 1999. С. 55.

Даттахой, Дшай, Дишний, Дьбрахой, Жевой, Зандакьой, Зюгой, Зумсой (он же Бугларой), Зурзакьой, Зуьрхой, Ишхой, Ихирхой, Италчхой, Камалхой, Кей, Келой, Кулой, Куршалой, Кушбухой, Кхартой, КІсганой, Лашкарой, Макажой, Мар-шалой, Мержой, Мерлой, Мазархой, Майстой, Мужахой, Мулкьой, Нашхой, Нижалой, Никларой, Нихалой, Ноккхой, Пешхой, Пхьамтой, Пхьарчой, Ригахой, Садой, Сахьандой, Сярбалой, Сьттой, Тулкхой, Туркой, Харачой, Херсаной, Хильдерхьарой, Хой, Хуландой, Хурхой, Хьаккой, Хьакмадой, Хьачарой, Химой, Хихой, Хьуркой, Цацанхой, Центарой, Щечой, Чартой, Чархой, Чермой, Чархой, Чинхой, Чунгарой, Шарой, Шикьарой, Ширдой, Шуоной, Шпирдой, Шуьндий, ЭгІашбатой, Элстанжой, Энакхаллой, Энганой, Эрсаной, Эрхой, Ялхарой, Іалирой, Іамахой и др⁴⁷.

Каждый тейп занимает свою особую территорию и имеет тейповую гору, ему также принадлежит тейповая башня, возведенная его основателем. Наличие такой башни позволяло людям считать себя коренными жителями страны вайнахов. Также тейп имеет отдельные тейповые кладбища, где хоронят только членов данного тейпа. Существует ряд теорий исторического генезиса тейпов, из которых основными являются две. Первая доказывает кровнородственную природу тейповых сообществ (одним из первых ее выдвинул в начале 70-х гг. М.А. Мамакаев), вторая объясняет их происхождение социальной самоорганизацией низовых слоев населения. С этой позиции тейпы оказываются близки к чеченским конфессиональным братствам (вирдам) и профессионально-сословным союзам (каспы). Такой точки зрения придерживались многие республиканские этнологи советского периода (С. Хасиев, А. Саламов, А. Шамилев, И. Саидов, Я. Чеснов).

Действительно, ряд особенностей тейповых структур указывает не на кровнородственное, а скорее территориально-пространственное происхождение. Однако едва ли имеет смысл жестко противопоставлять два

---

⁴⁷ См.: Гавриш Г.Б. Указ соч. С. 67.

эти принципа, которые в реальной истории нередко совмещались и дополняли друг друга. При том, что доминирующая роль, очевидно, сохранялась за родовым принципом формирования и функционирования таких родовых сообществ. Некоторые исследователи ставят знак равенства между родом и тейпом, а современное чеченское общество отождествляют с родоплеменным строем. Чеченский тейп еще несколько веков назад перестал быть общностью, основанной только на кровном родстве. Почти все чеченские тейпы принимали в свой состав представителей других этносов. В Чечне сегодня, как и в прошлом, невозможно найти село, жители которого состоят только из членов одного рода или даже тейпа. Даже в самом маленьком чеченском селении, как правило, проживают представители двух или нескольких тейпов. Совместное их проживание основано на общинном и частном землевладении, общенациональных социокультурных ценностях.

Часто тейп пополнялся за счет принятия в свой состав представителей пришлых народов. Для этого у чеченцев бытовал специальный обряд побратимства. Вступающие в тейп инородцы были обязаны зарезать быка и устроить «той» (форма пиршества), на котором совершался ритуал побратимства. Новых членов тейпа чеченцы называли (дословно) тейповые братья, принятые, зарезав быка. После такой инкорпорации в тейп они становились его равноправными членами.

Существовал у чеченцев интересный ритуальный обряд посвящения в мужчины. В ямочке у основания большого пальца на руке мальчика сжигали прут (кЮжам багор), испытывая его мужество и выносливость. Этот обычай, так же как и обрезание, идущий из далекого прошлого, возник у вайнахов в качестве одного из посвячительных обрядов, которым знаменовался переход ребенка в старшую возрастную группу. И ту, и другую церемонию устраивали над мальчиками в возрасте 7-8 лет, то есть в тот период, когда, говорят

чеченцы, «мальчик в состоянии поднять палку»⁴⁸.

Бытовал еще и такой обычай: возводить у проезжей части дорог кIарлагIа (кучи всенародного проклятия), когда каждый прохожий со словами проклятия в адрес того, кто совершил антиобщественный поступок, бросал камень или же ком земли. Такому всенародному осуждению подлежало любое дело, связанное с неправильным поведением в общественных местах. Вышеприведенные примеры наглядным образом демонстрируют этическую составляющую чеченских тейпов.

Во главе каждого тейпа стоит свой руководитель, старейшина (по-чеченски – тхъамада). В чеченских «Адатах» отмечается: «Старейший в роде выбирался обыкновенно, чтобы быть посредником или судьей в ссорах родственников...»⁴⁹. Старший в роде был отцом фамилии, ее наставником и начальником. В случае спора двух фамилий, старшие в роде советовались как уладить дело, условливались, и никто им не противоречил. Несмотря на это, со временем, власть отдельных старейшин была ограничена, и они утратили былое влияние на управление фамилией. Функции старейшины постепенно стали переходить к совету старейшин, представлявшему сразу несколько тейпов, а также к военным предводителям – бячча.

Военачальник пользовался властью в тейпе только во время войны. Тем не менее, общественно-политическое влияние бячча, судя по всему, было значительно, «поскольку в Чечне, как во многих других районах Северного Кавказа, развивалась система набегов: положение военачальника определялось военной демократией, требовавшей высокой организованности и дисциплины, но не позволявшей переступить грань, где начиналась господство и подчинение»⁵⁰, разложение единого этнополитического организма общины на индивидуумы. Желая подчеркнуть свое равенство с бяччи, чеченцы называли себя витязями или воинами. В результате не только

---

⁴⁸ Исаев Э.А. Вайнахская этика. Назрань, 1999. С. 57.

⁴⁹ Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. С. 79.

⁵⁰ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 80.

военачальник имел свое особое название, но и воин, участвовавший в набегах, приобрел в чеченском языке соответствующую номенклатуру – «кьонахи». Этим именем чеченцы нарекали того, кто отстаивал общенародные интересы: защищал родину от иноземных захватчиков, отстаивал справедливость, боролся за свободу народа, защищал слабых. Чеченский «кьонах» аккумулирует все лучшие стороны национальной духовности, он – эталон подражания для подрастающих поколений.

Известный чеченский «традиционалист» Х.-А. Нухаев считает, что именно «фактор кьонаха, характерный для тейпового общества общин в народе Нохчи, объясняет особое поведение чеченцев в национально-освободительном движении горцев Кавказа в XIX и XX вв., которое лишь частично мотивировалось вирдизмом, в той мере, в какой в нем еще сохранялось патриархальное кровнородственное начало, и фактически не имело ничего общего с мюридизмом, в частности, и с суфизмом – в целом, или какой-либо другой модернистской идеологией, включая национализм или исламизм»⁵¹.

Кроме всего, каждый тейп имел свой совет старейшин, являвшийся верховной властью в роде. В его функции входили выборы и смещение руководителя рода и военачальника, принятия решения о кровной мести или выкупе. Все члены совета были уравнены в правах, в его работе могли участвовать только мужчины. Более того, к обсуждению тейповых дел допускался любой член рода, имевший право на выражение своего мнения. После принятия решения старейшины возвращаясь домой, объявляли фамилиям результаты обсуждения, заставляли клясться и свято исполнять их. Подобная процедура получила название «эдиль или адиль», что означает «постановление совета старейшин».

В качестве родовых, хозяйственных, социально-экономических и этнополитических коллективов, чеченские тейпы основывались на исторически сложившихся принципах, отличавшихся

---

⁵¹ Нухаев Х.-А. Теория и практика ханифитского традиционализма в контексте российско-чеченского конфликта. М., 2004. С. 143.

высокой устойчивостью. М.А. Мамакаев⁵² насчитал 23 принципа, обеспечивавших структурно-функциональное единство тейпа и гарантировавшихся доминацией обычного права (кровное родство, право на общинное землевладение, кровная месть, институт тхъаманда или совета старейшин, наличие предводителя-военачальника, право усыновления чужака, наличие имени тейпа, правила наследования внутри тейпа, территория тейпа, тейповая башня, тейповое кладбище и др.).

Также необходимо отметить, что каждый тейп имел юридические нормы и этические правила тейпового (родового) строя, как мы уже говорили их, по мнению М.А. Мамакаева, двадцать три. Так, например, единство и незыблемость тейповых отношений для каждого сородича, тейпа; оказание отдельным членам тейпа тейповой помощи в случае бедствия или несчастья. За долгие годы советской власти вайнахи вынуждены были вообще умалчивать о тейповом институте, хотя негласно он существовал. Высокие понятия чести, равенства и братства между членами тейповой общины были главенствующими. Тейпы строго соблюдали права и обязанности членов родовой общины. Кроме того, жизнь семьи чеченца, весь семейно-бытовой уклад ее нормированы еще так называемыми житейскими правилами: как говорить с женой при людях, в семье; как говорить с детьми при старших, при посторонних; как вести себя дома, в гостях; что делать при встрече с взрослыми, с молодыми; как ухаживать за гостем, о чем и как говорить с ним; кому уступать правую сторону от себя; как садиться за стол и т.д. Все эти житейские правила, прочно установившиеся этические нормы постепенно и незаметно переходили в обычаи, ритуалы. За соблюдением обязанностей – и прав следили каждый член тейпа и весь тейп⁵³.

Тот факт, что чеченцы еще в глубокой древности создали сложную систему тейповых этических норм обычного права,

---

⁵² Мамакаев М.А. Чеченский тейп в период его разложения. Грозный, 1973. С. 29-38.

⁵³ Исаев Э.А. Указ соч. С. 55.

подтверждается и такими понятиями, как, например, машар – мир, барт – союз (согласие), гулам – собрание, теш – свидетель и многими другими.

Обязательные принципы правового института чеченского тейпа соответствовали социально-экономическому строю родового общества. Их устои были крепки и нерушимы, и каждый чеченец свое поведение и поступки строго подчинял им. Жизнь, таким образом, протекала в строго определенных рамках, и чем больше человек был популярен в обществе, тем строже обязан был блюсти нравственные устои тейпа.

Следующий уровень национальной иерархии чеченцев – это племя, тукъхум, объединяющий тейпы, живущие друг с другом в географическом соседстве. Данный термин переводится как «семья, яйцо»⁵⁴, в иных интерпретациях означает «опора нации», буквально – «бык нации»⁵⁵.

Исторически у чеченцев сложилось девять тукъхумов, что получило свое отражение в государственном символе Чечни, на котором изображены девять звезд. Именно многочисленность тейпов, в свою очередь, и предопределила необходимость их объединения в союзы более высокого системного уровня.

В XVI-XVII вв. в Чечне сложились следующие тукхумы: *аьккхий, маьлхий, нохчмахкахой, тIерлой, чIебарлой, шарой, шуотой, эршитхой, чIаьнтий*.

Чеченский тукъхум – это своего рода военно-экономический союз определенных групп тейпов, не связанных между собой кровным родством, но объединенных в иерархически более высокую ассоциацию для совместного решения общих задач защиты от нападения противника и экономического обмена. Тукъхум занимал определенную территорию, которая состояла из фактически заселенной им местности, а равно и окружающего района, где тейпы, входившие в тукъхум, занимались охотой, скотоводством и земледелием. Каждый тукъхум говорил

---

⁵⁴ Там же. С. 15.

⁵⁵ Нухаев Х.-А. Евразия между атлантическим и эсхатологическим концом истории // Ведено или Вашингтон? М., 2001. С. 184.

на определенном диалекте одного и того же вайнахского языка. Во главе тукъхума не было официального главы. Управление им было сосредоточено в руках старейшин (совет тукъхума), в состав которого входили представители всех тейпов, при этом они были на равных по положению и почету правах⁵⁶.

Данный совет имел право объявлять войну, заключать мир, вести переговоры с помощью послов, заключать разного рода союзы (политические, военные и т.д.), а также разрывать их. Кроме всего этого в его компетенцию входило разрешение межтейповых споров и разногласий. Но при этом необходимо отметить, что тукъхум как орган управления не имел каких-либо функций управления, принадлежавших тейпу.

Мы уже выше подчеркивали, что подавляющая часть чеченских тейпов объединена в девять тукъхумов определенным образом. В тукъхум Аккий входят Барчахой, Жевой, Зогой, Ноккой, Пхарчой, Пхарчахой, Вяппий и др., занимавшие район восточной Чечни на границе с Дагестаном.

В Мялхи входят: Бястий, Бенастхой, Италчхой, Камалхой, Коратой, Кеганхой, Меший, Саканхой, Тератхой, Чархой, Эрхой, Амхой, занимавшие юго-западный район Чечни на границе с Ингушетией и Хевсуретией.

В Нохчмахкахой объединились такие крупные тейпы как: Белгатой, Билтой, Беной, Чермой, Гендаргеной, Гуной, Зандакой, Ишхой, Сесанхой, Чартой, Энганой, Шоной, Ялхой, Алирой и т.д. Они занимали в основном восточные и северо-восточные, немного и центральные районы Чечни.

В Чебарлой входят: Дай, Макажой, Садой, Сиккахой, Сирхой и др.

В Шарой входят: Кинхой, Ригахой, Хой, Шикарой и др.

Тейпы, входившие как в Чебарлой, так и в Шарой, занимали юго-восточный район Чечни по реке Шара-Аргун.

В Шотой входят: Варандой, Гаттой, Келой, Маршой, Нижалой, Пхамтой, Сяттой, Хаккой, занимавшие центральную Чечню в долине реки

---

⁵⁶ Верещагин В.Ю., Гавриш Г.Б., Нечепуренко П.Я. Указ. соч. Ростов н/Д, 2003. С. 46.

Чанты-Аргун.

Эрштхой вошли следующие тейпы: Галой, Гарчой, Мержой, Цечой, жившие на западе Чечни, в долине реки Нижнего Мартана.

Остальные тейпы чеченцев, проживавшие в этом районе, входили в тукъхум Чянтый. Это тейпы – Борзой, Хильдехарой, Дерахой, Харахой, Харачой, Тумсой, жившие в верховье реки Чанты-Аргуна. А тайпы Ошний, Никарой, Шюндий и другие входили в тукъхум Терлой.

Есть в Чечне такие тейпы, которые в силу тех или иных исторических обстоятельств не входили ни в какие тукъхумы, а жили самостоятельно. Например, Зурзакхой, Майстой, Пешхой и др.

Союз девяти тукъхумов вместе с тейпами, не входящими в тукъхумы, образуют нохчи къам – чеченскую нацию⁵⁷.

В системе самоуправления большое значение имело народное собрание Мехк-Кхел – Совет страны. Необходимо отметить, что Мехк-Кхел – это традиционный институт власти, который объединял когда-то в своем составе представителей всех кавказских народов, в первую очередь, горских. В дальнейшем, в связи с отходом кавказских народов от традиционных форм организации общества и с зарождением у них государственности, данный институт сузил свои управленческие функции до масштабов единственной нации, сохранившей родоплеменной уклад жизни чеченцев. Мехк-Кхел был одним из самых авторитетных органов власти вайнахского общества. Главной его функцией являлось разрешение внутренних и внешних вопросов жизни общины. Совет собирался два раза в год в определенное время и в указанном месте.

Чтобы легче воспринять его структуру, его можно представить двухпалатным: с Верхней палатой тукъхумов – Лорисс (Лорурш), получившей свое название от чеченских слов «лор» – уважаемый и «исс» – девять и представленной девятью лидерами тукъхумов лор-дай, и Нижней палатой общин, представленных главами тейпов – Тайпандай,

---

⁵⁷ Верещагин В.Ю., Гавриш Г.Б., Нечепуренко П.Я. Указ. Соч. С. 55.

объединяющей руководителей тейпов. Лордай работали на постоянной основе под руководством Мехк-да. По представлению Лорисс создавались Юстисс с судебными функциями, чье название составлено из чеченских терминов «юст» – мера и «исс» – девять, и Пхерисс с хозяйственными функциями, название которого составлено из «пхьар» – мастер и «исс» – девять.

Одним из самых ярких проявлений фамилно-патронимической солидарности чеченской общины на всех ее уровнях является обычное право – адат, принцип коллективной ответственности и тесно связанный с ним институт кровной или родовой мести.

Необходимо отметить, что чеченцы никогда не признавали своей подчиненности какому-то ни было государству – своему или чужому – и всегда в своей повседневной жизни руководствовались своим обычным правом (адатами), основанным на практике равноценного возмездия и принципе общинной ответственности, лежащем в основе тейпового (родового) строя народа Нохчи.

Этносоциальная иерархия, в которую включен каждый чеченец, предписывает ему свою нормативную систему поведения. Единственное право чеченцев – это адат. Чеченцы верят в нухитское происхождение, т.е. происхождение от пророка Ноя – Нуха, адатов и смотрят на них, как на результат «завета крови» между Всевышним и пророком Нухом.

Чеченские адаты концептуально призваны регулировать три вида взаимоотношений:

- человека с природой;
- человека с человеком;
- человека с Богом.

Они регулируют только самые важные отношения между людьми. Повседневное же поведение регламентируется особым кодексом поведения «Гиллакх», нарушение которого вызывает осуждение и презрение окружающих.

В своей основе адаты исходят из принципа коллективной ответственности, обращенного к специфическому этносоциальному субъекту – тейпу. Общинная ответственность – это фундамент родоплеменного строя чеченской нации, из которого произрастает принципиальное отрицание чеченцами всех видов государственной или индивидуальной ответственности, бумажного законодательства, механического правосудия, автоматических приговоров по Гражданскому или Уголовному кодексу. Цивилизованный принцип индивидуальной ответственности и неотъемлемый от него институт государственного правосудия исключают нравственную возможность возмездия или прощения преступников кровнородственной общиной жертвы. Этот принцип, характерный для механики римского права и, следовательно, для основанной на принципах римского права западной цивилизации и современного международного права, чеченцы, по выражению Х.-А. Нухаева, «презирают как кощунство и ужасную дикость»⁵⁸, обусловленную полным разрывом кровнородственных связей и утерей общинной традиции в западном обществе.

С принципом коллективной ответственности очень тесно связан институт кровной мести. Если в системе государственных отношений возмездию подлежит исключительно прямой виновник преступления, то у чеченцев до сих пор нормативной силой обладает адат, допускающий месть не только «обладателю виновной руки», но и его близкому родственнику. По чеченскому адату, «все личные обиды и важные преступления, как-то: убийство, насилие» не подлежали судебному разбирательству. Согласно обычаю канлы (кровная месть), родственник убитого должен был убить убийцу или кого-либо из его родных. В чеченском обществе никто, даже обезопасив себя охраной, не мог рассчитывать, что проявленное им насилие останется без возмездия, ибо если бы он стал пренебрегать жизнями своих близких, то сами родственники нашли бы способ его нейтрализовать, вплоть

---

⁵⁸ Нухаев Х.-А. Теория и практика ханифитского традиционализма в контексте российско-чеченского конфликта. М., 2004. С. 67-70.

до физического уничтожения. Это воспитывало у вайнахов особый правовой менталитет, особую правовую культуру и этику, когда каждый чеченец чувствовал свою принадлежность к соответствующему этнополитическому субъекту не абстрактно, но напротив, очень конкретно⁵⁹.

Именно принцип коллективной ответственности и институт кровной мести являлись факторами, препятствовавшими имущественному и социально-экономическому расслоению в чеченском обществе. Важно отметить, что институт родовой мести может эффективно функционировать только при равенстве всех членов общины. Нарушение этого принципа всегда вело к ослаблению родоплеменной иерархии, имущественному расслоению, социально-экономическому неравенству.

Таким образом, предпринятый нами анализ позволяет выделить основные этноправовые институты чеченской общины:

1. Институт обычного права (адат), как этноправовая нормативная основа функционирования чеченской политико-правовой модели.

2. Институт коллективной ответственности как базовый принцип построения всей политико-правовой системы вайнахов, детерминирующий ее несовместимость с государственным порядком.

3. Тейп и тукъхум как органически выросшие из кровнородственной организации вайнахов специфические этноколлективные субъекты правоотношений.

4. Принцип социально-экономического равенства всех членов общины как залог функционирования всех остальных политико-правовых институтов.

Исторически выработанная тейпово-тукъхумная система организации чеченской общности в принципе была в состоянии отправлять всю совокупность функций, которую берет на себя государство. И работа последнего в пределах Чечни в той или иной степени всегда была направлена на ограничение и разложение данной независимой от него организационно-

---

⁵⁹ Верещагин В.Ю., Гавриш Г.Б., Нечепуренко П.Я. Чеченская этнонациональная государственность: от самобытности к сепаратизму. Ростов н/Д, 2003. С. 35.

управленческой вертикали.

Первые серьезные шаги в этом направлении были предприняты во времена первого государственного объединения чеченской общности – имамата Шамиля. Работа по постепенному ограничению и замещению тейпового механизма жизнедеятельности государственными структурами была продолжена в царский период, а затем и в советское время. Нельзя сказать, что такого рода деятельность была безуспешной. По мере изменения социопрофессиональной и образовательной структуры чеченского общества, уровня его урбанизированности и общей «вписанности» в жизнедеятельные циклы российской государственности, тейповые механизмы утрачивали свое значение и частично отмирали. Однако же все кризисные периоды сопровождались их усиленной реанимацией и возвращением к ним широкого интереса всего чеченского общества.

Так случилось и в период депортации, потребовавший от чеченцев крайнего напряжения сил и внутрэтнической консолидации, позволившей выжить и приспособиться к условиям ссылки (механизмы тейповой самоорганизации сыграли в этом несомненную положительную роль)⁶⁰.

Как результат, роль тейпов в современной жизни (и общественно-политической практике) Чеченской республики отдельными исследователями оценивается весьма по-разному. Согласно «традиционалисту» Х.-А. Нухаеву, чеченцы и в настоящее время «представляют собой нацию, являющуюся организмом, живой системой, которая содержит в себе систему эффективного управления, и основой которой являются кровнородственные объединения, из которых вырастает вся иерархия ее естественной структуры»⁶¹.

Данную точку зрения разделяет Я. Чеснов, не прекращавший полевой этнографической работы в Чечне даже в период первой военной кампании 1994-1996 гг. По его мнению, «чеченский тейп оказался очень устойчивым и

---

⁶⁰ Ельсаев А. А.-Х. Особенности модернизации политического процесса в условиях социальной депривации (на примере Чеченской Республики). Дисс. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 25.

⁶¹ Нухаев Х.-А. Русский хугцванг // Ведено или Вашингтон? М., 2001. С. 99.

способным жить в современных условиях... в кризисных ситуациях он смог взять на себя обязанность защищать личность и гражданское достоинство человека»⁶².

Однако существует и прямо противоположная точка зрения. К примеру, член координационного совета межрегиональной общественной организации «Чеченский культурный центр» М. Бажаев утверждает, что «по своей ментальности чеченцы объединены вовсе не тейповой принадлежностью, а общностью места проживания. Акцент на тейповое деление является надуманным и имеет своей целью разобщить наш народ. Сепаратисты, всячески выпячивающие тему тейповости, тем самым пытаются расшатать чеченское общество, ослабить его, а значит создать условия для дальнейшего навязывания населению Чечни конфликтной модели развития республики»⁶³.

Еще жестче оценка этого традиционного института Э. Хасмагомадовым, согласно которому «тейповое родство уже не имеет почти никакого значения в быту, а в политической жизни – тем более»⁶⁴.

Мы имели возможность наблюдать данную ситуацию «изнутри», поэтому с полной долей достоверности констатируем тот факт, что тейповая структура занимает весомые позиции, как в политической, так и в общественной, а также в других сферах жизнедеятельности чеченского социума.

Считаем, что элементы горской демократии сохранились у чеченцев и в наши дни на этнопсихологическом уровне. Мы думаем, что древние представления о чести, добре, терпимости сохранились в генетической памяти чеченского народа. Это залог процветания.

---

⁶² Чеснов Я. Чеченцем быть трудно (тейпы, их прошлое и роль в настоящем) // Независимая газета, 1994. 22 сентября. С. 5.

⁶³ Бажаев М. Нужна ли России Чечня без чеченцев // Вестник ЛАМ. 2001. № 3.

⁶⁴ Хасмагомадов Э. Трансформация социальной структуры и формирование политической элиты чеченского общества // Вестник ЛАМ. 2001. № 3.

1.3. Политические аспекты эволюции ислама в Чечне: история и современность

В данном параграфе нашей работы нам представляется необходимым исследовать этноконфессиональную организацию чеченской общины. Данный вопрос в его взаимосвязи с политико-правовой структурой чеченской общины отсылает нас к истории исламизации чеченских тейпов.

Во все времена чеченский народ был очень религиозен. Исполнение мусульманских обрядов и традиций, берущих начало в исламе, и сегодня – неотъемлемая часть местного образа жизни.

Среди ученых нет единого мнения, когда чеченцы приняли ислам. Одни авторы склонны относить эти события к XV в.⁶⁵, другие же считают, что ислам достаточно широко распространился в регионе лишь в XVIII в. Также разные авторы указывают на то, что ислам распространился среди чеченцев в период арабских завоеваний в VIII в.⁶⁶, другие – во время походов Тамерлана против вайнахов в конце XIV в. Другие исследователи, в частности А.В. Авксентьев, считают, что вайнахи «вплоть до конца XVII – начала XVIII вв. придерживались древних языческих верований... Благоприятную почву мусульманская идеология находит здесь лишь в конце XVIII в., а дата принятия ислама в некоторых местах относится к еще более поздним временам»⁶⁷.

Отметим, что религиозные представления нахов в древности и в средневековье отличались наличием многобожия, преобладанием языческих верований. Подтверждением этому служат археологические раскопки, проведенные на территории Чечни, и обобщение полученных данных. Вместе с тем в среду чеченцев проникали христианские верования со стороны Грузии, но процесс их принятия не увенчался успехом.

---

⁶⁵ См.: Шиллинг Е. Ингуши и чеченцы. М. – СПб., 1931. С. 9.

⁶⁶ Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа. Ингу. Хевсуры. Кабардинцы: краткий историко-этнографический очерк. М.-Л., 1926. С. 54.

⁶⁷ Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1973. С. 9.

Ислам в регионе насаждался, главным образом, опираясь на мощь внешних сил – арабов, персов, монголов или турок⁶⁸. Проникновение ислама в Чечню происходило постепенно. Ранее других новую религию приняло население исторической Ичкерии, то есть юго-восточной части Чечни. Таким образом, массовая исламизация населения и укоренение ислама в Чечне относятся к концу XVII – первой половине XIX вв.

Хотелось бы отметить, что в Чечне процесс исламизации шел значительно медленнее, чем в Дагестане, что в основном было связано с особенностями родоплеменных отношений у вайнахских племен, о которых мы уже выше говорили. Ислам нес с собой шариат – правовую систему, жестко регламентировавшую все стороны не только духовной, но и социально-политической жизни своих адептов. И по многим позициям он вступал в непреодолимый антагонизм с этносоциальной тейповой и туьхумной организацией вайнахов, а также с традиционным правом (адатом).

Этноконфессиональная структура чеченской общины может быть описана следующим образом: сельская умма (мюриды) одного вирда во главе с муллою; вирд во главе с устазом; тарикат – содружество нескольких вирдов во главе с шейхом; суфийское сообщество тарикатов; единая мусульманская умма.

Среди чеченского населения сохранены и распространены следующие мусульманские обряды и праздники: шариатское оформление брака, мусульманский развод, суннет (обрезание), намаз (молитва), ураза (пост), ураза-байрам, курбан-байрам, мавлют (празднование в честь дня рождения пророка Мухаммеда), хадж (паломничество) и т.д.

Характерной чертой чеченского ислама стал суфизм⁶⁹. «Суфий» – мусульманский мистик, «а суфизм, есть если в оригинальном звучании тасаввуф, соответственно, – исламский мистицизм»⁷⁰. Суфий – это, прежде

---

⁶⁸ Шихсаидов А. Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. Швеция. 1999. № 4 (5). С. 109.

⁶⁹ Рошин М. Суфизм по-чеченски // Статус-кво. 2002. № 2. С. 89.

⁷⁰ Хисматуллин А.А. Суфизм. СПб, 1999. С. 19.

всего мусульманин, то есть, человек, предавший себя Богу (Аллаху), и лишь потом мистик. Весь путь приближения к богу делиться на 4 стадии: – шариат – тарикат – маарифат – хакикат.

Традиционным на Северо-Восточном Кавказе (Чечня, Ингушетия, Дагестан) выступает суннитский ислам шафиитского мазхаба в форме трех суфийских орденов-тарикатов: Накшбандийа, Кадирийа, Шазилийа. Тарикат – это чисто религиозное учение, прямо не преследующее никаких политических целей. На Северном Кавказе орден Накшбандийа утвердился в конце XVIII – начале XIX вв. Его основателем считают Бахаадина Накшбанди (1318-1389 гг.). Сторонники Накшбандийа используют зикр тихо, без энергичных телодвижений и музыкальных инструментов.

Проповедь Накшбандийского тариката в Чечне распространялась чеченскими учителями – устазами, шейхом Мансуром, сподвижниками имама Шамиля: Тамовом-Хаджи, Умал-Ахмадом и другими. В Чечне и Ингушетии действуют первые два вышеназванных тариката (Накшбандийа и Кадирийа). В обоих орденах важнейшим видом религиозной деятельности является культ⁷¹.

Укоренение ислама происходило в конце XVIII-первой половине XIX в., когда развернулась народно-освободительная война под руководством имама шейха Мансура, затем шейха Абдул-Кадыра (Абд ал-Кадира, 1822 г.), шейхов Авко и Мухаммада Майртупского и имама Яуха (1825 г.), а позже дагестанских имамов – Гази Мухаммада, Гамзат-бека, Шамиля (1828-1859 гг.)⁷².

Первым религиозным чеченским учителем был Шейх Мансур (Ушурма), который жил приблизительно в 1760-1794 гг. Он был из чеченского тейпа Элистанжхой. Учитель Мансура – один из авторитетных мушидов (суфийских наставников) Накшбандийского братства. Его борьба

---

⁷¹ Шарафутдинова Э.Ф. «Суфийские структуры в российском исламе (на примере чеченского суфийского вирда Кунта-Хаджи)» // «Мусульманские духовные структуры»: Мат. докл. и выст. на науч.-практ. семинаре (Ростов н/Д, 7-8 декабря 2006 г.). Ростов н/Д, 2006. С. 65.

⁷² Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. М., 1978. С. 106.

против России проходила под религиозными лозунгами⁷³. В этом контексте русские рассматривали попытки Мансура утвердить ислам на вайнахских землях как угрозу их власти в регионе. Чтобы помешать деятельности Мансура, они распространяли направленные против него воззвания и пытались схватить «мятежного самозванца». Однако эти попытки не увенчались успехом, и тогда они, собрав значительные силы (более 3000 солдат и офицеров), в июле 1785 г. начали военную кампанию против Мансура и его соратников⁷⁴. Это положило начало шестилетнему военному конфликту шейха Мансура и российской армии, который охватил и Восточный (до 1787 г.), и Западный Кавказ (вплоть до поражения и пленения Мансура в 1791 г.).

В течение 1785-1791 гг. имам Мансур являлся признанным руководителем массового повстанческого движения на всем Северном Кавказе, которое имело целью достижение полной политической независимости региона от царской России⁷⁵. До сих пор в отечественной историографии нет единой точки зрения на оценку этого восстания.

Архивные документы позволяют утверждать, что в своей первоначальной религиозной деятельности шейх Мансур не преследовал антирусских целей. Она была направлена на устранение внутренних духовных и политических неурядиц, принятие шариата должно было сплотить горские народы⁷⁶.

Религиозная программа шейха Мансура состояла из трех частей:

– Первая часть предполагала осуществление шариатских запретов: не курить, не пить, во всем строго придерживаться шариата.

– Вторая часть программы предполагала борьбу против консервативных адатов, особенно против кровной мести. Шейх Мансур призывал враждующих горцев простить друг другу взаимные обиды, и сам лично простил горца, убившего его родного брата.

---

⁷³ Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 2001. С. 28.

⁷⁴ Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. Грозный, 1991. С. 114-130.

⁷⁵ История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Изд. 2-е. М., 1982. С. 390.

⁷⁶ Руновский А. Мюридизм и газават. Махачкала, 1996. С. 66.

– Третья часть программы нацеливалась на прекращение межплеменных, межэтнических распрей.

При Мансуре было построено много мечетей, увеличилось число духовных лиц (имамы, кадии, муллы), школ и учащихся. Возросла роль служителей культа в духовно-религиозной и социальной жизни верующих. Между тем, планы шейха Мансура, несмотря на его активную религиозно-политическую деятельность, не могли осуществиться в силу противодействия со стороны Российской империи. Укрепляясь на Северном Кавказе, Россия всячески препятствовала распространению ислама среди кавказских этносов.

Трактовка Мансуром исламского учения для горского местного духовенства, была близка и понятна народным массам⁷⁷. В 1791 г. шейх Мансур был пленен. По одной из версии его отправили в Соловецкий монастырь, по другой – поместили в Шлиссельбургскую крепость, где в апреле 1794 г. он скончался от болезни. После смерти шейха в Чечне осталось много его приемников: шейхи Абдул-Кадыр, Авко Мухаммад Мартупский и имам Яук. На данном этапе ислам начинает проявлять воинственный характер. Объективно этому содействовала постоянно ужесточающаяся политика российского самодержавия, толкавшая горские массы на освободительную борьбу, проходившую по законам эпохи – под религиозными лозунгами⁷⁸. Следующим, пожалуй, самым сильным религиозно-политическим движением в истории Чечни была Кавказская война (1818-1864 гг.) под предводительством имама Шамиля.

Отметим, что в условиях Кавказской войны роль ислама в общественно-политической северокавказских жизни народов все более усиливалась. В своей государственной-религиозной деятельности имам Шамиль руководствовался принципами суфийского братства – тариката Накшбандийа. Этот древний

---

⁷⁷ Ахмадова Я.З. К изучению исламской идеологии в Чечне конца XVIII в. (Возвращения имама Мансура) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2001. № 1 (17). С. 34.

⁷⁸ Виноградов В.Б., Межидов Д.Д., Успаев Г.И. Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981. С. 62.

тарикат был использован им для формирования в подвластных ему районах Чечни и Дагестана системы управления как своего рода военно-родовой теократии.

Противоположной позиции в данном вопросе придерживается Х.-А. Нухаев, он считает, что «шейх Шамиль в своей радикальной военно-политической идеологии опирался не на «классиков» суфийского мистицизма, а на протоисламистское учение (иджтихад) ибн Таймийи»⁷⁹. Это достаточно спорный вопрос, но мы все же придерживаемся первой точки зрения.

Борьба эта была связана с образованием в 1840-х гг. военно-теократического государства – имамата. Имамат Дагестана и Чечни с центром с 1845г. в Ведено, во главе с имамом Шамилем, находился на территории горной Чечни. При Шамиле и его наибах, использовавших ислам и религиозный фанатизм в военно-политических целях, влияние ислама значительно возросло.

В Чечне Шамиль вербовал в мюриды представителей лучшего чеченского юношества. Становясь мюридами Шамиля, юноши приносили клятву на Коране, утверждая, что будут свято исполнять все приказания, какого бы рода они ни были. Мюрид «обязывался поднять руку даже на родного брата, если бы начальник того требовал»⁸⁰. Мюриды составили «особый орден, чтивший волю лишь человека, на службе которого они находились, и забывший для него сами узы родства»⁸¹. Через институт мюридизма упрочилась власть Шамиля в Чечне и им предпринималась попытка уничтожения адатов и утверждения шариата.

В исторической литературе, посвященной периоду Кавказской войны, исследователи нередко отождествляют понятия тарикат (суфизм) и мюридизм. Такой позиции придерживался Н.А. Смирнов, считавший, что «в настоящее время у нас нет оснований отвергать установившуюся в исторической литературе традицию отождествлять понятия тарикат и

---

⁷⁹ Нухаев Х.-А. Теория и практика ханифитского традиционализма в контексте российско-чеченского конфликта. М., 2004. С. 143.

⁸⁰ Леонтович Ф.Н. Адааты кавказских горцев. Вып. 2. Нальчик, 2002. С. 103.

⁸¹ Кньш А.Д. Суфизм // Ислам: Историографические очерки. М., 1991. С. 126.

мюридизм»⁸².

По мнению авторитетного чеченского исламоведа В.Х. Акаева, «тарикат и мюридизм не тождественны, так как мюридизм – это политически ориентированная часть Накшбандийа, возникшая и утвердившаяся в начале Кавказской войны, а тарикат – путь, ведущий к Богу, и он предполагает духовное, нравственное совершенствование и возвышение»⁸³. Мы поддерживаем данную точку зрения.

В 1840-1841 гг. начинается уже интенсивная деятельность имама по организации государства: создаются постоянно действующие органы государственного управления – Диван-ханэ и Совет ученых; образуется государственная казна, вводятся налоги, создается постоянная армия, образуются местные органы управления. Вопросы управления страной решались присутствующими с общего согласия: имам излагал только сущность дела и высказывал свое мнение. Члены Совета могли одобрить или опровергнуть его. Особую настойчивость имам проявлял только в военных делах.

Создавая имамат, Шамиль ввел схожую с раннеисламской налоговую систему с упором на закят и харадж – благотворительный и поземельный налоги, ввел шариат, на котором был основан созданный им низам – свод законов и предписаний, регламентирующих устройство и порядок в обществе, поведение мусульманина. В нем, в частности, были изложены положения о набах (наместниках Шамиля), о функциях муфтиев и кадиев, о порядке проведения пятничных молитв (джумов) и другие важные вопросы жизни мусульманского общества. В разделе об обязанностях кадиев говорилось, чтобы «каждый законовед, муфтий и кадий, был готов по первому же зову имама выступить с войсками в поход против неверных. Если же он не в состоянии сражаться руками, то пусть сражается языком: настаивает, предостерегает, побуждает верующих к тому, что Бог обещал сражающимся»⁸⁴.

---

⁸² Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 143.

⁸³ Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2004. С. 32.

⁸⁴ Цит. по: Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1973. С. 37.

Шамиль «исламизировал» судебную процедуру (число необходимых свидетелей, присяга по мусульманской формуле и т.д.) и законы, регулирующие отношения наследования, брак и уголовные преступления⁸⁵. Поскольку Шамиль повсеместно стремился утвердить шариат, царское правительство в целях ослабления влияния мусульманского духовенства в народе в противовес шариату стали выдвигать адаты (обычаи), поддерживая практику судопроизводства с учетом местных обычаев, действуя по принципу «адат против шариата».

Необходимо отметить, что наибская бюрократия вызывала повсеместные недовольства у представителей традиционных этнополитических сообществ Дагестана, и особенно – Чечни. О больших злоупотреблениях наибов и, в частности, о взяточничестве свидетельствуют не только заинтересованные царские документы, но и горские источники.

На этом фоне усилия Шамиля, направленные на создание в Чечне централизованного государства, шли вразрез с традиционным образом жизни и поэтому получили решительный отпор со стороны чеченцев, которым понятие единой централизованной и институализированной власти было абсолютно чуждо.

Именно неразрешимое противоречие между идеей построения централизованного исламского государства Шамиля и своеобразной этнонациональной государственностью вайнахов разрушило власть Шамиля и, в конце концов, привело к победе русских войск в 1859 г. Деятельность Шамиля была одной из первых попыток разрушить изнутри самобытную чеченскую этнополитическую иерархию, активно защищаемую Кадирийей, и заменить ее исламским теократическим государством.

После поражения и сдачи в плен Шамиля авторитет Накшбандийа резко упал и начался переход мюридов в тарикат Кадирийя. После Кавказской войны шейхи Накшбандийа в большинстве своем заняли прорусскую позицию.

---

⁸⁵ Руновский А. «Кодекс Шамиля» // Военный сборник, 2 (1862). М., 1999. С. 345-354.

Четверть века чеченцы следовали за Шамилем, призывавшем горцев к газавату, при этом несли основную военную и экономическую тяжесть в Кавказской войне. Постепенно они стали понимать бесперспективность ведения войны с могущественной Российской империей, среди них в конце Кавказской войны стали преобладать антивоенные, антигазаватские настроения. Их охватил глубокий пессимизм, многие потеряли жизненные и духовные ориентиры. Газават призывал чеченцев бороться с царизмом до победного конца, обещая уставшему от войны народу перспективы только в загробной жизни. В этот драматический для чеченцев период появился проповедник, призывавший народ к терпению, прекращению войны, братству, взаимной помощи. Им был чеченский суфий Кунта-Хаджи Кишиев.

Вернувшись из Мекки в Чечню после пленения Шамиля, в 1862 г., Кунта-Хаджи усиливает свою проповедническую деятельность. Антивоенные высказывания Кунта-Хаджи противоречили планам Шамиля, требовавшим от горцев борьбы с царизмом до победного конца. Идеи смирения, братства, непротивления злу, преодоление порочных наклонностей, духовно-нравственного совершенствования человека составили суть этого учения⁸⁶.

Именно шейх Кунта-Хаджи Кишиев в конце Кавказской войны привнес учение и практику тариката Кадирийа на чеченскую землю. Орден Кадирийа считается одним из старейших суфийских орденов, его основателем является шейх Абд ал-Кадир Гиляни. Символ ордена – зеленый цвет.

В своих призывах Кунта-Хаджи высказывал осуждение всякой войны как неугодной Аллаху, призывал к смирению перед его волей, к поиску спасения вечности праведного мира, указывал на противоречия воинственной идеологии газавата имама Шамиля. Это он мотивировал тем, что продолжение войны может привести к физическому исчезновению чеченцев.

Его мирная проповедь привлекала многих людей, только что переживших многолетнюю Кавказскую войну. Данный тарикат получил на

---

⁸⁶ Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994. С. 50.

Кавказе название зикризма (кавказский вариант кадирийского тариката). Отличительной особенностью сторонников учения Кунта-Хаджи было исполнение кругового зикра (от араб. – славословие, восхваление), за который их и прозвали зикристами. Его последователи исполняют зикр громко, попрыгивая на месте или бегая по кругу, при этом некоторые из них могут использовать ряд музыкальных инструментов (барабан, флейту, двухструнную скрипку – пондар)⁸⁷. На конец 90-х гг. XIX в. около 60 % населения всей Чечни стали сторонниками этого учения.

Шейх Кунта-Хаджи не представлял особой опасности для царской власти. Тем не менее, в начале января 1864 г. он подвергся аресту и через несколько месяцев был приговорен к вечной ссылке. Арест и ссылка кадирийского шейха привели к ряду вооруженных восстаний со стороны его последователей. Это – восстание зикристов в Шали 18 января 1864 г., жестоко подавленное царскими войсками, восстание зикристов под руководством Тозы Акмирзаева 24 мая 1865 г., завершившееся разгромом зикристов. Как следствие этих событий следует рассматривать депортацию чеченцев в Турцию в количестве более 23 000 человек, среди которых находилось немало последователей Кунта-Хаджи, состоявшуюся 29 мая 1865 г.

О дальнейшей судьбе самого Кунта-Хаджи, после его ареста в 1863 г. в шалинском районе Чечни, долгое время ничего не было известно. Однако в 1928 г. в архиве г. Владикавказа были обнаружены документы, подтверждавшие, что вероучитель скончался в 1867 г. в ссылке в г. Устюжна Новгородской области.

В конце Кавказской войны (1818-1864 гг.) от суфийских орденов отпочковались их дочерние образования, т.н. вирдовые братства. Вирды – это устойчивые образования, которые проповедуют и пропагандируют сложившуюся и укрепившуюся своеобразную религиозную практику, отличающиеся между собой особенностью совершения обряда зикра. Существующие в Чечне вирды всегда играли заметную роль в религиозной

---

⁸⁷ Рошин М.М., Месхидзе Д.А. Суфизм по-чеченски // Статус-кво. М., 2004. № 2. С. 23.

жизни верующих, и не меньшую – в политической жизни народа.

Самым влиятельным братством в Чечне является вирд Кунта-Хаджи⁸⁸. Последнее по времени ответвление последователей Кунта-Хаджи – направление Вис-Хаджи Загиева. Вис-Хаджи ввел в практику совместное совершение зикра мужчинами и женщинами, что отличало его от всех других чеченских вирдов. Во время коллективных и индивидуальных богослужений мюриды надевают белую папаху, поэтому их часто называют «вирдом белошапочников». Мужчины носят черные или темно-синие бешметы, а женщины – головную повязку, скрывающую волосы.

В структурном плане тарикат Кадирийа выглядит следующим образом:

1860 гг.	Шейх Кунта-Хаджи
XIX в.	(основоположник тариката Кадирийа в Чечне)
80-е гг.	<i>Баматгири-Хаджи Митаев</i> – гуноевец из с. Автуры
XIX в.	<i>Чим-Мирза Таумирзаев</i>
50-е гг.	<i>Вис-Хаджи Загиев</i> и часть последователей Чим-Мирзы с
XX в.	участием женщин
50-е гг.	Женские отдельные зикристские группы
XX в.	

Последователи Кунта-Хаджи верят, что он один из 360 святых, благодаря которым держится мир. Ему посвящались религиозные гимны – назмы на чеченском языке, а могила его матери Хеди в селении Гуни стала местом поклонения верующих.

В ходе Октябрьской революции 1917 г. и последовавшей за ней гражданской войны, приведших к коренной ломке существовавшего в империи строя, в районах традиционного распространения ислама в России наблюдается постепенная эволюция т.н. «исламского фактора», изменение отношения официальных властей к мусульманству⁸⁹. Причем, взаимоотношения ислама

---

⁸⁸ Там же. С. 24.

⁸⁹ Добаев И.П. Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика. Дисс. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 180.

и советской власти никогда не были равными. Отечественные исследователи выделяют несколько периодов этих взаимоотношений.

В течение 7-8 лет после установления советской власти можно наблюдать поиск компромисса с исламом как с мировоззрением и социально-культурной системой, желанием установить союзнические отношения с мусульманскими народами в деле борьбы с внутренним врагом – белым движением.

Однако толерантное отношение к шариату и к исламу длилось недолго. Наиболее активные сторонники шариата в мусульманских регионах страны, в том числе и на Северном Кавказе, подверглись преследованиям и физическому уничтожению.

Начиная с 1925 г., многие бывшие красные партизаны, представители духовенства, политические деятели Чечни подвергаются репрессиям, массовому физическому уничтожению. В 20-30-х гг. в Чечне и Ингушетии были произведены расстрелы самых авторитетных представителей духовенства, национальной интеллигенции, политических деятелей, выросших в годы советской власти, многие из которых были связаны с суфийскими братствами. Политические репрессии порождали среди части чеченцев антисоветские настроения. В планах местных партийных органов в Чечено-Ингушетии важное место занимала идеологическая борьба с вирдовыми братствами. Тем не менее вся эта гигантская политическая сила не смогла уменьшить влияние суфийских братств на верующих и религиозность среди населения⁹⁰.

Духовная и политическая деятельность суфийских братств в годы советской власти в Чечне связана с деятельностью шейхов Накшбандийа Дени Арсанова и Сугаипа-муллы, а также зикристского шейха Али Митаева.

Наиболее откровенным сторонником шариатского правления в Чечне в начале 20-х гг. XX столетия в Чечне был Али Митаев, который пользовался большим авторитетом среди чеченцев. В самый тяжелый для народа период он находился вместе с ним и вел борьбу против белогвардейцев. С его

---

⁹⁰ Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2004. С. 129.

влиянием и авторитетом приходилось считаться как местной власти, так и центральной.

Мы уже упоминали, что в период советской власти отношение к шейхам и устазам Чечни и Ингушетии было крайне негативным. Так, в начале 70-х гг. XX в. шейх Дени Арсанов, наряду с Али Митаевым, Юсуп-Хаджи Кошкельдинским, Н. Гоцинским, Абдул-Вагап-Хаджи Аксайским и Узун-Хаджи, был отнесен к числу ярых врагов советской власти. Шейх Дени Арсанов (мюриды его имя не произносят, называя таинственным именем Деде, что в суфийской иерархии означает «глава ордена, достигший высшей степени посвящения») является последователем тариката Накшбандийа. Он относится к чеченской ветви Накшбандийа, идущей от шейха Элаха-муллы, принадлежащего к суфийскому братству аксайского шейха Абу (Башира). В ряде местных источников Элаха-муллу относят к саясановской ветви Накшбандийа, восходящей к шейху Ташу-Хаджи.

Важно заметить, что в традиционном чеченском обществе институт шейхизма, сложившийся в царское время, занимал важное место в общественной и духовной культуре чеченского этноса. Именно в советский период этот институт был ликвидирован, хотя мюридизм, как специфическая форма его проявления, до сих пор продолжает сохраняться. Вростание местного суфизма в чеченский образ жизни завершилось к началу XX в. После возвращения чеченцев из ссылки, (депортация 1944 г.) и восстановления Чечено-Ингушетии (1957 г.), религиозная жизнь в республике находилась под «компетенцией» созданного еще в 1944 г. Духовного управления мусульман Северного Кавказа. Полное отсутствие до 1978 г. мечетей придавало ей фактически нелегальный характер. Представители советской власти провоцировали конфликты между различными течениями суфийского ислама. Последователи тариката Кадирийя подверглись жестоким репрессиям в годы советской власти. У многих соседей чеченцев, даже из числа тех, кто не пережил трагедию депортации, многие религиозные обряды и традиции утрачены. Но что

касается непосредственно самих чеченцев, даже в период депортации 1944 г. в Казахстане, оказавшись на чужой земле и оторвавшись от кавказской среды, они смогли углубить свой духовный опыт. Несмотря на то, что оказались под неусыпным тоталитарным контролем, они смогли сохранить все свои традиции и обычаи.

Уже в первые годы перестроечного периода отмечается резкий рост числа мусульманских общин и количества мечетей. Так, если в 1937 г. общее количество зарегистрированных мечетей в Российской Федерации не превышало сотни, в 1956 г. достигло 94⁹¹, в 1986 г. – 189, в 1991 г. – 870⁹², то уже на 1 января 1997 г. было зарегистрировано 2738 мусульманских религиозных объединений, из них 2587 сформировавшихся вокруг мечетей общин⁹³. По утверждению автора «Независимой газеты» Р. Тухватуллина, в 1995 г. в России было 5 тыс. мечетей⁹⁴.

Таким образом, в последние годы, предшествующие развалу Советского Союза наблюдалась тенденция политизации и радикализации ислама.

И.П. Добаев очень верно отмечает, что «исламизация, политизация и, соответственно, радикализация ислама в регионе всегда значительно усиливалась в периоды кризисов этнической, конфессиональной, политической, социальной идентичностей местных народов»⁹⁵.

В 1989 г., сразу же после прихода к власти в Чечено-Ингушской АССР правительства Дохуза Доку Завгаева, произошла легализация ислама и мусульманского духовенства. После распада Духовного управления мусульман Северного Кавказа было создано Чечено-Ингушское мусульманское духовное управление (ЧИМДУ). Его возглавил муфти Шахид-Гаджи Газабаев, под руководством, которого в республике началось

---

⁹¹ Вклад в укрепление российской государственности: Беседа с муфтием Центрально-Европейского региона России шейхом Равилем Гайнутдином // VIP. 1996. № 17.

⁹² Михайлов Г. Ислам в России // Ислам в России и Средней Азии / Под ред. И. Ерамакова, Д. Микульского. М., 1993. С. 18-19.

⁹³ Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 2006. С. 75.

⁹⁴ Тухватуллин Р. За кого будут голосовать мусульмане? // Независимая газета. 1996. 1 июня.

⁹⁵ Добаев И.П. Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика. Дисс. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 185.

проведение политики возрождения ислама. Началась широкая кампания; строились мечети, в Грозном и Назрани открылись исламские институты, которые готовили имамов. Чеченские и ингушские студенты отправлялись на стажировку в арабские и другие мусульманские страны. В том же году были созданы две исламские политические партии – «Исламский путь» и филиал Всесоюзной Исламской партии всесоюзного возрождения. Обе партии активно участвовали в чеченском национальном движении.

С приходом к власти в 1991 г. советского генерала Джохара Дудаева ситуация в республике изменилась коренным образом. С самого начала перед руководством Чечни встала задача формирования самостоятельного государства. Но в первоначальных планах Дудаева будущее государство должно было быть светским, а не теократическим.

Гибель Дудаева 21 апреля 1996 г., «завершение» первой чеченской войны (1994-96 гг.) подписанием 22 августа 1996 г. Хасавюртских соглашений о прекращении огня в Грозном и на территории республики стали переломными событиями в истории Чечни и России. Не восстановив в республике порядка, Россия фактически признала свое поражение в войне, дав полную свободу действий сепаратистам⁹⁶.

В результате в годы первой войны Чечня превратилась в зону «горячего» ислама, притягивающего к себе не только чеченцев, но и людей других национальностей. Это открыло путь к проникновению радикального ислама в Чечню, приведшего к серьезному кризису внутри самой исламской уммы ЧР.

В 70-80-х гг. XX-го столетия о радикальном исламе в Чечне ничего не было известно. Только в 1989 г. в чеченской газете «Даймохк» появилась статья «Ваххаби. Иза мила ву?» – «Ваххаби. Кто он?»⁹⁷. Ее автором был Эмин Бено, эмигрант-чеченец из Иордании. В этой публикации подробно объяснялось, что такое ваххабизм и чем он отличается от местного

---

⁹⁶ Комаров А.С. Влияние ислама на политическую ситуацию на Северном Кавказе (на примере Чечни и Дагестана). Магистерская диссертация. М., 2001. С. 67.

⁹⁷ Акаев В.Х. Традиционный ислам и ваххабизм (к религиозно-политической ситуации в Чечне) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2000. № 2. С. 32.

суфийского ислама. Автор публикации, ссылаясь на Коран и Сунну пророка, подвергал критике такие суфийские ритуалы, как громкий зикр, посещения зияратов (паломничество), раздачу милостыни после смерти верующего, ношение религиозных талисманов и т.д.

Известно, что первый президент Чечни Джохар Дудаев первоначально сделал ставку на последователей Кадирийского тариката, адепты тариката Накшбандийа в основном оказались в стане оппозиции дудаевскому режиму, противоречия внутри способствовали осложнению кризиса, придав ему религиозный оттенок. Таким образом, приход исламизма, как новой воинствующей идеологии пришелся как нельзя вовремя на фоне кризиса внутри ислама в самой Чечне⁹⁸. Базировалось данное явление якобы на учении Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба (1703/4-1797/8 гг.), который основывал свое учение на Ханбалитском мазхабе, возникшем в VIII в. н.э. Ученым, которому принадлежит основание данного мазхаба, является Ахмад ибн Ханбала Аш-Шайбани, который родился в 777 г.⁹⁹. Источники права, используемые мазхабом Ханбалитов, были следующими: *Коран, Сунна, иджмы Сахаба*.

Если обратиться непосредственно к самим высказываниям аль-Ваххаба, то можно увидеть, что он не создал никакого нового направления или течения в исламе. Он просто считал, что ислам необходимо вернуть в его первоначальный вид, т.е. «очистить от наслоений» (бида)¹⁰⁰. Как известно, сам он был теоретиком, а не практиком. В дальнейшем его последователи, в частности его зять ибн Сауд, трансформировали его высказывания в кровавую практику, имеющую под собой интересы чисто политического характера, нежели теологического. Примерно тот же процесс можно было наблюдать и в Чечне.

В 1995 г. исламисты предприняли попытку ликвидировать на горе Эртин-Корт зиярат Хеди, матери Кунта-Хаджи – сакральный центр

---

⁹⁸ Пауков В.И., Лефко Э.Ф. Воины Аллаха выбирают Кавказ // Время МН. 1999. 30 августа.

⁹⁹ Абу Амина Биляль Филипс. Эволюция фикха. Киев, 2001. С. 127.

¹⁰⁰ Ибн Абд аль-Ваххаб. Китаб аль-кашф (на арабском языке). Бейрут, 1962. С. 34.

паломничества зикристов. Это были первые зачатки того непримиримого конфликта между представителями местного ислама и пришедшего извне радикального.

В Грозном был открыт центр исламистов, который распространял религиозную литературу, организовывал коллективные моления, проповедовал идеи своего учения через средства массовой информации. На данном этапе это явление еще не играло такой яркой роли в общественно-политических процессах Чечни. В описываемый период яркими исламистами стали З. Яндарбиев, М. Удугов и другие лидеры сепаратистов.

На этом фоне в обществе постепенно происходила политизация ислама (политизация – процесс, заключающийся в усилении политики в жизни того или иного общества, сопровождающийся широким вовлечением масс в политическую деятельность)¹⁰¹, посредством которой предпринимались попытки

как бы компенсировать относительно неэффективное воздействие его норм на население. После 1996 г. исламизация Чечни была усилена прибывшими туда зарубежными «моджахедами». Характерной вехой этого процесса явилось формирование на территории Чечни отряда иностранных наемников под названием «Джамаат Ислами», которым командовал подданный Иордании Хабиб Абд аль-Рахман Хаттаб. Зарубежные экстремисты на территории республики создали большое количество лагерей и военных центров. В 1999 г. на территории Чечни функционировал так называемый Исламский институт Кавказа (ИИК), который находился в прямом подчинении и распоряжении иорданского наемника Хаттаба. Там работали более 40 преподавателей из Афганистана и Саудовской Аравии. Основной задачей этого заведения было привлечение как можно большего количества молодежи для реализации своих целей, с последующим превращением их «идеологических марионеток» на политической арене¹⁰².

---

¹⁰¹ Российская социологическая энциклопедия / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1998. С. 393.

¹⁰² Шарафутдинова Э.Ф. Конфессиональный аспект чеченского конфликта. Магистерская диссертация (рукопись). Ростов н/Д, 2005. С. 62.

Активные попытки по вовлечению ислама в политический процесс в регионе предпринимали региональные религиозно-политические объединения, которые находились на территории Чечни. К таким региональным объединениям, прежде всего, относятся: Конгресс «Исламская нация», Организация Кавказской солидарности «Кавказский Дом», Организация Исламского Единства Кавказа, Конгресс народов Ичкерии и Дагестана (учрежден в апреле 1998 г.), Конфедерация народов Кавказа, Общероссийский культурный центр «Аль-Исламийа». Всем вышеуказанным организациям характерны единая направленность, выверенные политические цели и задачи по объединению Чечни и Дагестана, а в последующем и других северокавказских республик в единое исламское государство вне состава России.

Одновременно в Чечне наблюдался процесс консолидации и организационного сращивания структур чеченских и дагестанских радикалов, строительство совместных политических институтов, призванных ускорить решение поставленной задачи – создания единого чечено-дагестанского государства. Первым шагом на этом пути явилась учреждение в конце августа 1997 г. в Грозном под председательством первого вице-премьера Чечни М. Удугова. Его учредителями были 35 исламски ориентированных партий движений ЧРИ и Дагестана нового движения «Исламская умма» или «Исламская нация». Изначально, новое движение было нацелено на возрождение проекта имама Шамиля, по объединению Дагестана и Ичкерии.

Политическая направленность исламизма выражается в следующем:

- в отрицательном отношении к существующей власти, как к незаконной и безбожной;
  - стремлением к власти, как к основной стратегической цели деятельности;
  - наличием идеологии формирования политической системы;
-

– наличием программы государственного строительства и тактики борьбы;

– наличием пропагандистского аппарата и средств агитации.

Таким образом, проведенный нами анализ предпринимаемых руководством чеченских сепаратистов мер по ускоренной исламизации органов власти и управления, а также всей общественной жизни республики позволяет сформулировать, прежде всего, политические цели данного процесса. Если оценить практические результаты поставленных целей ускоренной исламизации, то можно сказать, что все, связанные с этим ожидания, по сути, не оправдались.

На современном этапе в связи с вышеописанными процессами реисламизации на Северном Кавказе стало актуальным деление мусульманской религии на ислам и исламизм. Однако, несмотря на новую исламскую альтернативу активно внедряемую проповедниками из арабских стран среди населения Чечни в течении последних одиннадцати лет, местный ислам все же занимает доминирующие позиции в общественно-политической жизни Чеченской республики, по данным В.Х. Акаева сегодня действуют 32 вирда, относящихся к обоим тарикатам¹⁰³.

До сих пор на территории республики сохраняют свое влияние среди чеченцев накшбандийские и кадирийские вирды шейхов: Ташу-Хаджи, Кунта Баммат-Хаджи, Баммат-Гирей Хаджи, Дени Арсанова, Али Митаева. Влияние этих вирдов на различные стороны духовно-культурной, политической жизни чеченцев все еще остается достаточно ощутимым. Уважаемые в народе потомки некоторых чеченских устазов и шейхов принимают участие в разрешении конфликтов между верующими, примирении кровников, поддерживают того или иного политического деятеля. Но в связи с процессами реисламизации ислам в Чечне утерял функции духовной преемственности «сильсилья»¹⁰⁴.

---

¹⁰³ Акаев В.Х., Вок Г.Б., Керимов М.М. Ислам в Чечне (традиции и современность). Грозный, 2006. С. 50-51.

¹⁰⁴ Конфликт – Диалог – Сотрудничество / Междунар. общест. Организация «Центр политических и стратегических исследований». М., 1999. № 1. С. 60.

В настоящее время религиозная деятельность в Чечне проводится представителями двух религий: православного христианства и суннитского ислама. В республике функционируют два православных храма, строится синагога. За период военных действий было разрушено два православных храма, 200 мечетей. Сегодня в центре Грозного правительство Чечни под личным руководством нынешнего президента Р. Кадырова осуществило грандиозный проект – на центральной площади им. А. Кадырова возведена мечеть, которая является прототипом мечети Хаджи-Лей-Зади в Турции, и вмещает около 15 тыс. человек¹⁰⁵. Это крупнейший мусульманский центр не только на Кавказе, но и во всей Европе.

На современном этапе в составе тариката Кадирийя в республике действуют следующие вирды:

– Кунта-Хаджи вирд. Имеет сильное влияние на жителей горных районов «Малой Чечни» – Шатоевский, Галанчежский, Веденский и Шалинский районы.

– Вирд Али Митаева. Зона влияния – Шалинский район.

– Баматгирей-Хаджи вирд. Зона влияния – Шалинский район.

– Чиммирза-Хаджи вирд (так называемые барабанщики). Зона влияния – Шалинский и Гудермесский районы.

– Вис-Хаджи вирд. Зона влияния – н.п. Майртуп, Гойты, Братское.

– Батал-Хаджи вирд – (Ингушетия).

Зикристы совершают «тоба» – обряд посвящения в последователи того или иного вирда. Каждый из вирдов имеет свою культовую практику. Как уже ранее упоминалось, в Чечне сложилась практика женских мюридских групп, причём только из последователей вирдов Кунта-хаджи. Например, в вирде Вис-Хаджи женщины и сейчас участвуют наравне с мужчинами во всех культовых и религиозных обрядах.

---

¹⁰⁵ Шарафутдинова Э.Ф. Чечня при Рамзана Кадырове: повторение пройденного? // Электронная библиотека «Фонда стратегической культуры» [[http://www.fondsk.ru / article.Php?id=105](http://www.fondsk.ru/article.Php?id=105)]. 2006. 5 апр.

Состояние ритуально-обрядового ислама современной Чечни можно охарактеризовать следующим образом: ислам носит обрядовый характер; в обрядовом исламе растёт активность шейхов и рост мюридов вирдовых братств; в Чечне сформирован институт параллельного ислама.

В связи с этим, необходимо подвергать более тщательному исследованию местные верования и обычаи, этнические и культурные факторы разных народов внутри одной республики, для того чтобы лучше понять влияние конфессионального фактора на общественную жизнь населения.

Специфика ислама в Чечне, равно как и на Северном Кавказе, определяется степенью сопряжения его базисных принципов с местными этническими культурами, в значительной мере определившими его образ, характер, идеологию и практику. Для многих чеченцев приверженность к вирдовым братствам – историческая традиция.

Сегодня в Чечне идет процесс реконструкции зиярятов, мест захоронения известных авлия, шейхов и устазов. Важнейшей особенностью религиозной жизни современной Чечни является массовое паломничество людей, особенно молодежи, на могилу Хеди, матери шейха Кунта-Хаджи. По экспертным данным, в 2006 г. паломничество совершили более 300 тысяч человек, в их числе были последователи Кадирийа, прибывшие из Казахстана, Иордании. Паломничество к зиярятам святых – важнейшая ритуальная практика мусульман Чечни, символ их вероубеждений. Посещая святые места, верующие обращаются к Всевышнему, просят в своих молитвах милости от него¹⁰⁶.

Безусловно, свой отпечаток на ислам в Чечне отложили коллизии, столкновения традиционной культуры чеченцев с радикалистскими и экстремистскими веяниями. Утверждать то, что в республике больше нет людей, стоящих на радикальных позициях, представляется неверным, но их

---

¹⁰⁶ Акаев В.Х., Вок Г.Б., Керимов М.М. Ислам в Чечне (традиции и современность). Грозный, 2006. С. 59.

стало гораздо меньше, чем в предыдущие годы. На наш взгляд, в республике наметилась положительная динамика в развитии ситуации в целом.

Выводы:

– На современном этапе этноконфессиональные конфликты и их последствия относятся к числу самых острых и болезненных проблем России и всего мирового сообщества. Это обуславливает необходимость теоретического осмысления этноконфессионального фактора в политических конфликтах. Под «*этноконфессиональным фактором*» мы подразумеваем собирательное понятие, являющееся сложным многоуровневым явлением, вобравшим в себя этническую и конфессиональную составляющие. Ожесточенное вооруженное противостояние – всегда крайняя форма этноконфессионального конфликта, оно представляет собой высшую фазу острых противоречий в отношениях и действиях между группами людей разных национальностей и разного вероисповедания.

– Для чеченского этноса проблемы идентичности приобрели в нынешних экстремальных условиях наибольшую остроту. На современном этапе можно выделить основные этноправовые институты, генетически вышедшие из этносоциальной организации чеченской общины. У чеченцев исторически сложилась и существовала стройная, хорошо проработанная этносоциальная (тейпово-тукьхумная) организационно-управленческая структура, позволявшая достаточно эффективно решать разнообразные вопросы жизнедеятельности всего национального сообщества, которая действует и сегодня, занимая весомые позиции в общественно-политической жизни ЧР.

– В своей истории эволюция политических аспектов ислама в Чечне прошла ряд этапов. Как правило, усиление религиозного фактора в политическом ракурсе зачастую приходилось на моменты социально-экономической, культурной, конфессиональной, этнической нестабильности.

В ряде попыток построение централизованного исламского государства на территории Чечни не удавалось в силу неразрешимых противоречий со своеобразной этнонациональной государственностью вайнахов. В рамках такого взаимодействия чеченцы находятся в рамках симбиозной культуры, опирающейся на двух традициях – этнической и исламской как мировоззренческой составляющей. Основной силой, реально влияющей сегодня на сознание людей и формирование общественно-политической ситуации в республике, является традиционный ислам.

ГЛАВА 2. Воздействие на политический процесс Чеченской республики этноконфессионального фактора: конфликтологический подход

2.1. Динамика этнополитического процесса в Чеченской республике (1989 г. – н/время)

Анализ этнополитического процесса, происходившего на территории Чеченской республики с конца 80-х гг. XX в. дает нам основание и возможность проследить его динамику в несколько этапов. На современном этапе многими учеными-исследователями предлагаются различные подходы к его периодизации.

Исследователи Э.И. Скакунов, В.Ю. Зорин в динамике развития чеченского конфликта, а также в процессе его урегулирования выделили пять циклов: 1-й цикл – ноябрь 1990 г. – сентябрь 1992 г.; 2-й цикл – октябрь 1992 г. – май 1994 г.; 3-й цикл – июнь 1994 г. – сентябрь 1995 г.; 4-й цикл – октябрь 1995 г. – июнь 1996 г.; 5-й цикл – июль 1996 г. – март 2000 г.; 6-й цикл – с апреля 2000 г. – по наст. время¹⁰⁷.

Социолог С.Н. Епифанцев считает, что чеченский конфликт проходил в четыре стадии: 1988 г. – август 1991 г.; 1992 г. – 1996 г.; 1997 г. – 2000 г.; с 2000 г. начался процесс реконструкции Чеченской Республики как

---

¹⁰⁷ Скакунов Э.И., Зорин В.Ю., Туронока С.Г. Чеченский конфликт. Международные исследования. М., 2001. С. 68.

полноправного субъекта Российской Федерации¹⁰⁸.

Исследователь политического процесса на территории Чечни А. А.-Х. Ельсаев дает следующую хронологию конфликта: 1889 г. – лето 1991 г. (республиканский политический процесс периода поздней перестройки); осень 1991 г. – осень 1994 г. (национальная «смута» – первый период); осень 1994 г. – лето 1996 г. (первая чеченская война); осень 1996 г. – лето 1999 г. (национальная «смута» – второй период)¹⁰⁹.

В свою очередь, нами предлагается следующая периодизация конфликта:

1 фаза – 1991-94 гг. – (приход к власти национал-радикалов во главе с Д.М. Дудаевым. Усиление и доминирование этнонационального компонента в политическом процессе в Чечне);

2 фаза – 1994-96 гг. – (первая война в Чечне. Военная фаза конфликта, проходившего под этнонационалистическими лозунгами);

3 фаза – 1996-99 гг. – (захват власти исламистами, во главе с Ш. Басаевым, А. Масхадовым и др. Активные попытки внедрения законов шариата на практике, а также построения исламского государства на территории Чечни. Усиление конфессионального фактора в динамике чеченского политического процесса);

4 фаза – 1999-2000 гг. – (вторая война в Чеченской республике. Активная военная фаза, носившая религиозную подоплеку);

5 фаза – 2001-2002 гг. – (период перехода боевиков к тактике «подполья». Данная фаза характеризуется преобладанием роли этноконфессионального фактора в ходе процесса, происходившего на территории Чечни);

6 фаза – 2003 – по настоящее время – (переход ситуации в мирное русло. Чеченизация конфликта. Назначение А.-Х. Кадырова на пост первого президента Чечни, президентство А.Д. Алханова, утверждение Р.А. Кадырова

---

¹⁰⁸ Епифанцев С.Н. Этносоциальная трансформация на Северном Кавказе на рубеже XX – XXI вв. Ростов н/Д, 2005. С. 91-135.

¹⁰⁹ Ельсаев А.А.-Х. Особенности модернизации политического процесса в условиях социальной депривации (на примере Чеченской Республики). Дисс. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 47-93.

на должность президента ЧР).

1 фаза – 1991-94 гг. Характеризуется появлением и идеологоорганизационным оформлением радикального чеченского национализма, ставкой на кадирийцев и традиционную социальную систему чеченского общества.

Необходимо отметить, что до начала 90-х гг. XX в. чеченское национальное движение находилось в латентном состоянии, развиваясь внутри «неформальных» групп общедемократического характера. Руководство республики во главе с Д.Г. Завгаевым дало толчок либерализации в республике, которая проявилась в расширении гласности¹¹⁰. Д.Г. Завгаев совместил посты первого секретаря рескома КПСС и Председателя Верховного Совета республики¹¹¹.

Первой чеченской национальной группой стало созданное летом 1989 г. общество «Барт» («Единство»), которое возглавили представители молодой национальной интеллигенции. 5 мая 1990 г. лидеры общества «Барт» на конференции в Грозном учредили Вайнахскую демократическую партию (ВДП), которая стала основной национал-радикальной группой чеченского национального движения. Председателем новой партии стал бывший глава «Барт» Зелимхан Яндарбиев.

К осени 1990 г. ВДП окрепла и открыто выступила против республиканских властей. К этому времени радикальный чеченский национализм получил необходимый для активизации этнополитической мобилизации «образ врага». Он закреплялся на основе этнокультурной мобилизации предыдущих лет, опиравшейся на тенденциозную антироссийскую риторику и слухи о готовящейся новой депортации¹¹². Игнорирование Президентом РСФСР и его окружением закономерностей

---

¹¹⁰ Музаев Т., Годуа З. Новая Чечено-Ингушетия. М., 1992. С. 34.

¹¹¹ Васильева О. Звезды, зажженные Дудаевым // Новое время. 1994. № 37. С. 11.

¹¹² Пайн З., Попов А. Российская политика в Чечне: как она зародилась, как привела к войне и чем отзовется завтра // Известия. 1995. 7 февр.

развития этнонационализма и ментальности чеченцев способствовало этнической консолидации чеченцев¹¹³.

23-24 ноября 1990 г. в Грозном состоялся первый Чеченский национальный съезд (ЧНС). Председателем Исполкома стал приглашенный на форум в качестве почетного гостя генерал-майор стратегической авиации Джохар Мусаевич Дудаев. Главным лозунгом съезда являлась идея суверенитета Чечни.

27 ноября 1990 г. Верховный Совет республики принял Декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики, согласно которой Чечено-Ингушская Республика (ЧИР) являлась суверенным государством.

Весной 1991 г. в Исполкоме Чеченского национального съезда развернулась борьба между группами радикалов и умеренных. 25 мая 1991 г. Джохар Дудаев на встрече с представителями чеченской интеллигенции заявил, что Верховный Совет ЧИР не оправдал доверия чеченского народа и должен самораспуститься. Против конфронтационного курса Дудаева и ВДП выступила группа влиятельных членов Исполкома ЧНС во главе с Лечи Умхаевым.

В 1991 г., нуждаясь в политической поддержке со стороны народа, Д. Дудаев приблизил к себе некоторую часть мусульманского духовенства, широко используя при этом национально-религиозные лозунги. Он публично заявлял, что принадлежит к кадирийскому вирду Кунта-Хаджи, поэтому поддержка со стороны этого влиятельного братства ему была обеспечена. Таким образом позиции зикристов в духовной и общественно-политической жизни Чечни начала 90-х гг. значительно укрепились, в то время как последователи братства Накшбандийа, особенно вирда шейха Дени Арсанова, оказались в оппозиции к дудаевской власти¹¹⁴. В этот период также фиксируются межтейповые противоречия. В 90-е гг. большая часть

---

¹¹³ Тощенко Ж. Т. Чеченский кризис: человеческий потенциал проблемы // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М., 1995. № 10. С. 5.

¹¹⁴ Мурклинская Г. А. Ислам и политика в современной Чечне // Завтра. 1999. № 40. С. 6.

равнинных тейпов поддержала оппозицию, а большая часть горных – Д. Дудаева¹¹⁵.

Вторая сессия чеченского национального съезда, созванная Дудаевым и его сторонниками в Грозном 8-9 июня 1991 г., стала триумфом радикалов. Съезд был переименован в Общенациональный Конгресс чеченского народа (ОКЧН). Избранный 2-й сессией Исполком ОКЧН вновь возглавил генерал Дудаев. Воспользовавшись сложившейся обстановкой, Д. Дудаев идет на укрепление своей власти, вводя институт назначаемых им на местах префектов, которые становились правопреемниками исполнительных комитетов районных советов народных депутатов¹¹⁶. По замечанию политолога А. А.-Х. Ельсаева: «Проведение съездов тейпов, создание Мехкхела, его местных структур, выборы в органы местного самоуправления дезориентировали местное население. Восстановление традиционных архаичных институтов не консолидировало, а усиливало сегментированность этнополитического пространства Чечни, четко обозначая пределы их социальной роли»¹¹⁷.

В этот период в один «националистический лагерь» оказались объединенными: *радикальные сторонники суверенитета; умеренные националисты; чеченские традиционалисты*¹¹⁸.

22 августа Исполком ОКЧН и лидеры партий и движений национал-радикального толка выступили с требованием отставки руководства Чечено-Ингушетии и самороспуска Верховного Совета, обвинив их в поддержке ГКЧП.

Из Москвы республиканским структурам МВД и КГБ были переданы приказы о «невмешательстве» в конфликт между республиканскими властями и Исполкомом ОКЧН. Позиция Москвы, на первом этапе кризиса

---

¹¹⁵ Юсупов М.М. Трансформационные изломы социальной структуры // Ойла. 1998. № 1. С. 63.

¹¹⁶ Сборник указов и распоряжений Президента Чеченской Республики (1 ноября 1991 – 26 мая 1993 гг.). Грозный, 1993. С. 130.

¹¹⁷ Ельсаев А. А.-Х. Особенности модернизации политического процесса в условиях социальной депривации (на примере Чеченской Республики). Дисс. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 98-99.

¹¹⁸ Верещагин В.Ю., Гавриш Г.Б., Нечепуренко П.Я. Чеченская этнонациональная государственность: от самобытности к сепаратизму. Ростов н/Д, 2003. С. 75.

фактически поддержавшей чеченских национал-радикалов, окончательно деморализовала республиканское руководство. К концу августа ситуацию в Грозном фактически

контролировал Исполком ОКЧН. Он укрепил свои формирования и вооружил их значительным количеством автоматов и пистолетов. В ночь с 29 на 30 августа сторонники оппозиции возвели баррикады в центре Грозного. С октября 1991 г. по инициативе Д. Дудаева и З. Яндарбиева было выпущено заключенных: из Наурской колонии строго режима – свыше 1 тыс. чел., из Алдынской ИТК – 650 чел., примерно столько же из Грозненской тюрьмы¹¹⁹. Результатом таких подходов к строительству чеченского государства новыми радикальными лидерами стал резкий рост преступности. В течение одного года правления Дудаева было убито 1120 чел., пропало без вести более 300.

1-2 сентября состоялась 3-я сессия Общенационального Конгресса чеченского народа, которая объявила Верховный Совет ЧИР низложенным и передала власть на территории Чеченской Республики Нохчи-чо Исполкому ОКЧН. Вечером 6 сентября нацгвардейцы захватили Доку Завгаева и вынудили его подписать «акт об отречении». Вскоре лидеры ОКЧН официально объявили о переходе к ним высшей власти на территории Чечни¹²⁰.

15 сентября 1991 г. было объявлено о разделении Чечено-Ингушской Республики на суверенную Чеченскую Республику Нохчи-чо и Ингушскую Автономную Республику в составе РСФСР. Раскол Чечено-Ингушетии, в свою очередь, вызвал резкие протесты большинства общественно-политических организаций республики¹²¹. Но, несмотря на это, Исполком ОКЧН объявил о назначении выборов президента и парламента Чеченской Республики на 27 октября. Исполком ОКЧН активно продолжал подготовку выборов президента и парламента Чеченской Республики. 27 октября состоялись выборы президента и парламента Чеченской Республики.

---

¹¹⁹ Баудинов И. Армия Ичкерии // Объединенная газета. 2006. № 2 (85). С. 4.

¹²⁰ Беджанов М.Б. Россия и Северный Кавказ: межнациональные отношения на пороге XXI в. Майкоп, 2002. С. 358.

¹²¹ Там же. С. 360.

Президентом Чечни был провозглашен председатель Исполкома ОКЧН Джохар Дудаев, выдвинутый на пост президента Вайнахской демократической партией и партией «Исламский путь».

Совет министров ЧИР, руководители крупных ведомств и предприятий не признали результаты выборов, объявив, что они «являются антиконституционными и не имеют законной силы, ни один указ Д. Дудаева, ни одно постановление парламента Чеченской Республики не имеют юридической силы и не подлежат исполнению»¹²². По мере развития событий ситуация в республике все более обострялась. Гражданское противостояние усиливалось противостоянием военнизированных формирований, реальной становилась перспектива создания двух параллельных парламентов и двух центров власти.

Коренным образом расстановку политических сил в Чечне изменил указ президента РСФСР о введении чрезвычайного положения на территории Чечено-Ингушетии. Парламент ЧР на экстренном заседании передал Джохару Дудаеву чрезвычайные полномочия для защиты суверенитета Чечни. В тот же день Дудаев ввел в республике военное положение, возобновил запись добровольцев в Национальную гвардию и сформировал Совет обороны ЧР. Исполняющим обязанности военного министра был назначен первый заместитель председателя Исполкома ОКЧН Юсуп Сосламбеков. На данном этапе федеральная власть, во главе с Б.Н. Ельциным добровольно «сдала» Чечню сепаратистам.

На волне подъема этнонационализма 9 ноября состоялось вступление Д. Дудаева в должность президента. Был принят достаточно демократичный Закон о местном самоуправлении (29 декабря 1991 г.)¹²³. Этап создания новой структуры государственности завершился в марте 1992 г. принятием Конституции Чеченской Республики.

---

¹²² Обращение Временного высшего совета ЧИР // Россия и Чечня. 1990. С. 23.

¹²³ Парламент Чеченской Республики. Законы. Грозный, 1992. Вып 5. С. 1-5.

В ст. 1 Конституции ЧР провозглашалось, что «Чеченская Республика – суверенное демократическое правовое государство, созданное в результате самоопределения чеченского народа»¹²⁴.

В условиях внешней угрозы выступления против президента Дудаева лидеры общественно-политических организаций, выступавшие против захвата власти Исполкомом ОКЧН, были вынуждены заявить о поддержке нового руководства.

Самопровозглашенная Чеченская Республика отказалась подписать 10 октября 1992 г. Федеративный договор с Россией, а в декабре 1993 г. не приняла участие в референдуме по принятию Конституции Российской Федерации и выборах в Федеральное Собрание. Оставаясь, с точки зрения международного права и Конституции РФ 1993 г., субъектом Российской Федерации, Чеченская Республика развивалась вне общероссийских политических трансформационных процессов, хотя испытывала их влияние.

На фоне этого, начиная с 1991 г. по 1994 г. шел процесс углубления системного кризиса республики. Кризис характеризовался полным развалом экономической, социальной и культурной сфер¹²⁵.

Подводя итог данному этапу, необходимо отметить, что этнополитический конфликт между Россией и Чечней в описываемый период имел «внутрифедеральный» формат - помимо самих конфликтующих сторон в его силовом поле не было ни одного значительного внешнего центра политического влияния, преследующего собственные цели и, тем самым, осложняющего пути выхода из кризисной ситуации. Появление национал-радикальных движений перевело конфликт этнонациональную плоскость. Начало боевых действий в 1994 г. стимулировало рост радикализации чеченского общества. С этого момента начинается военная фаза (или первая война в Чечне).

---

¹²⁴ Конституции, уставы и договоры субъектов Российской Федерации на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1998. С. 358.

¹²⁵ Комиссия Говорухина. Чеченский излом: преступления дудаевского режима против чеченского народа. Грозный, 1995. С. 2.

2 фаза – 1994-96 гг. Данный этап характеризуется ответной стремительной консолидацией элиты и общества на силовую акцию, предпринятую федеральным центром. Некогда противоборствующие кланы и группы объединились на борьбу с «общим врагом», образ которого был к тому времени уже достаточно успешно внедрен в чеченские массы. Ставка вновь делалась на этнонационализм и сегменты традиционного ислама. Отличительной особенностью являлось то, что к концу описываемого периода в Чечне впервые о себе четко заявил исламизм (т.н. «ваххабизм»). Это можно связать, прежде всего, с общей демократизацией общества, а также контактами с зарубежными мусульманскими центрами исламистской ориентации. Необходимо заметить, что к этому времени радикальный религиозный сепаратизм почти не имел ничего общего с идеей реформирования ислама.

Оценивая политическую ситуацию этого периода, более точным будет говорить не об официальной власти и оппозиции, а скорее о двух властных политических элитах, представлявших федеральную и сепаратистскую стороны вооруженного конфликта. Республиканский политический процесс был в максимальной степени деформирован военными действиями, хотя местное население, находившееся на «федеральной» территории формально привлекалось к участию в местной и российской общественно-политической жизни (в частности в декабре 1995 г. выбирало главу республики и параллельно участвовало в думских выборах, а через полгода, в июне-июле 1996 г. принимало участие в выборе президента России)¹²⁶.

В описываемый период интеллигенция и модернизированная часть чеченцев в своем большинстве мигрировали в города Российской Федерации. Дудаев стремился укрепить свою диктатуру за счет опоры на традиционный для чеченцев ислам. В апреле 1996 г. был созван внеочередной съезд мусульман Чечни, который постановил распустить за пассивность муфтият и

---

¹²⁶ Ельсаев А.А.-Х. Указ. соч. С. 71-72.

Совет улемов, а вместо них учредить новый орган – Исламский центр, во главе с советником президента по делам религии М.-Х. Асламбековым.

В нашем исследовании отмечено, что Дудаев использовал религиозный фактор не как инструмент в противостоянии с федеральным центром, а как один из многочисленных рычагов прихода к власти. Поэтому его ставку на кадирийский тарикат можно расценить, прежде всего, как возможное укрепление своей власти.

Следует отметить, что вирдовая религиозная структура чеченского общества не позволила консолидировать чеченское общество на основе традиционного ислама (суфизма). Мусульманское «духовенство» Чечни и его адепты к этому времени оказались расколоты. Прежний состав муфтията и Совет улемов во главе с М.-Б.-Х. Арсанукаевым перешли на сторону оппозиции. Начало военной кампании со стороны федерального центра против сепаратистского режима открыло новый этап в общественно-политической динамике Чеченской республики. Именно в этот период Чечня стала центром притяжения для радикальных «добровольцев» из всех частей мусульманского мира. В составе военных подразделений сепаратистов оказались представители Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки и Средней Азии, российского Поволжья и мусульманской диаспоры Западной Европы. Главными инициаторами экстремистской деятельности здесь выступили неправительственные религиозно-политические организации (НРПО) исламского мира. Доминирующую роль среди них играли НРПО Королевства Саудовской Аравии (КСА), Иордании. Активно свою экстремистскую деятельность на территории Чечни, начиная с 1996г. развернули зарубежные моджахеды Эмир Хаттаб и Фатхи Шашани. В целом, они оказали очень весомое влияние на весь политический процесс в ЧР. При их содействии в Чечне успешно внедрялась идея т.н. «чистого ислама», базировавшаяся на изречениях арабийского богослова XVIII в. Мухаммеда аль-Ваххаба, которые в своей основе несли призывы очищения религии ислам от различных многовековых наслоений – «бида». Радикалы

утверждали, что это необходимо сделать только вооруженным путем, т.е. подняться на священную «войну за веру». По сути, идея всеобщего джихада, внедряемая зарубежными радикалами, представляла собой преступную деятельность, окрашенную в псевдоисламские тона. Но следует отметить, что все же религиозный фактор существенной роли не оказывал на протяжении всей первой чеченской войны. 1-5 сентября 1994 г., были зафиксированы первые крупные боевые столкновения войск Д. Дудаева с формированиями оппозиции у населенных пунктов Урус-Мартан, Долинское, Аргун. Эскалация насилия и напряженности в республике разрешилась 15 октября 1994 г. штурмом оппозицией столицы Чечни г. Грозного. Войска Временного Совета с двух сторон вошли в город, и подошли к президентскому дворцу. Однако, не сумев до конца преодолеть сопротивление сторонников Д. Дудаева, они покинули город и вернулись на позиции в 40 км от Грозного.

Генерал Г.Н. Трошев вспоминал: «Уже к началу первой чеченской кампании Д. Дудаев располагал значительной боевой силой: 2 бригады, 7 отдельных полков, 3 отдельных батальона. Личного состава: около 5-6 тыс. чел. Солидно выглядело и техническое боевое оснащение: танков – 42; БМП, БТР - 66; орудий и минометов – 123; средств ПВО – 40; почти 42 тыс. единиц стрелкового оружия. Кроме того, в населенных пунктах были созданы «отряды самообороны» общей численностью до 30 тыс. чел. Фактически целая армия, хорошо укомплектованная и вооруженная»¹²⁷.

21 октября 1994 г. глава Временного Совета У. Автурханов направил обращение Президенту и премьеру России, министрам обороны и внутренних дел с просьбой вмешаться в события в Чечне и принять меры по прекращению массовых убийств мирного населения режимом Д. Дудаева. Этот документ послужил стартом для начала операции федеральных сил в республике по наведению конституционного порядка, вмешательство которых привело к значительным разрушениям и жертвам.

---

¹²⁷ Трошев Г.Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М., 2001. С. 11.

В 1994 г. в Чечню ввели российские войска. Неудачный штурм Грозного 26 ноября 1994 г. оппозицией, подкрепленной советниками российской армии, показал, что в Чечне началась гражданская война. В свою очередь, новогодний штурм столицы ЧР в 1995 г. показал всю несостоятельность, халатность российского руководства. В нем участвовали кадровые офицеры и военнослужащие российской армии. Разгромленные, они многие оказались в плену. П. Грачев, министр обороны, а вместе с ним и Б. Ельцин безжалостно предали их¹²⁸.

Особое место в ходе общего политического процесса занимает подписанное в 1996 г. соглашение о прекращении военных действий, которое связано с именем генерала А. Лебеда. Оно вошло в историю под названием «хасавюртовское соглашение», впоследствии его назовут предательским. Осенью 1996 г., согласно данному соглашению, ускоренными темпами из Чечни выводились федеральные войска, а им на замену появлялись многочисленные вооруженные группы боевиков. Грабежи, насилия, убийства – все это становилось обыденностью¹²⁹. Хасавюртовские соглашения были восприняты сепаратистски настроенной частью чеченцев как победа, это вызвало у них настоящую эйфорию.

На фоне всех этих процессов было значимо то, что существенно выросла и трансформировалась в период военных действий сама сепаратистская элита, включившая в себя большую часть успешных полевых командиров.

Таким образом, отличительными признаками данного периода явились: достигший своего апогея подъем национального самосознания, сопровождающийся ростом военной конфликтной напряженности, а также дальнейшая эскалация конфликта, которая привела к появлению возникших осложнений и противоречий, характеризовавшихся появлением и наличием исламистских тенденций.

---

¹²⁸ Сааев А. Борис Ельцин // ГУМС. 2007, № 4. С. 5.

¹²⁹ Мареченков Ю. Руслан Хасбулатов. М., 2002. С. 186.

3 фаза – 1996-99 гг. Данный период характеризуется интернационализацией состава участников конфликта и влиянием зарубежных центров экстремистской направленности на общий ход развития конфликтной ситуации в ЧР. Этнический компонент в противостоянии федеральному центру в описываемый период отошел на второй план, параллельно с этим доминирующие позиции начала занимать религиозная риторика, выдвигаемая в ходе политического процесса исламистскими лидерами ЧР.

Гибель Д. Дудаева 21 апреля 1996 г. стала поворотным моментом в данном конфликте. Конец 1996 – начало 1997 гг. характеризуются стремительным всплеском общественно-политической активности. В это время, которое можно условно обозначить как период послевоенного «энтузиазма» в республике создаются сотни новых партий и движений (на 1 января 1998 г. в Чечне было зарегистрировано 283 общественных объединения)¹³⁰.

27 января 1997 г. прошли президентские выборы, уверенную победу в них одержал один из лидеров сепаратистов А. Масхадов (более 60% голосов), в 2,5 раза опередивший Ш. Басаева. Однако очевидная поддержка населением А. Масхадова в условиях Чечни не обеспечила ему соответствующего объема реальных властных полномочий.

К этому времени Чечню активно захлестнула идея всеобщего джихада, подпитываемая идеологией радикального исламизма. Начавшее проникать в чеченское общество с начала 90-х гг. учение «чистого ислама» получило заметное распространение в период захвата власти исламистами. Но более существенно то, что многие влиятельные фигуры победившей политической формации увидели в нем интеграционный потенциал, способный сплотить национальное сообщество. Исламские радикалы широко развернули не только религиозную, но и политическую деятельность, вовлекая в свои структуры безработную молодежь, призывая мусульман к джихаду против российских войск, к изгнанию немусульман с Кавказа. Об

---

¹³⁰ Ельсаев А.А.-Х. Указ соч. С. 76.

этом свидетельствует тот факт, что в описываемый период на территории республики происходил большой отток жителей республики из-за тяжелой криминогенной экономической ситуации, кроме этого имелись людские потери в ходе боевых действий в период первой войны. Если в начале 90-х гг. численность населения Чечни составляло более 1 млн. 200 тыс. чел., то по состоянию на 01.01.1999 г. по оценочным данным, немногим более 500 тыс. чел. По национальному составу оно было разделено следующим образом: чеченцы около 400 тыс. чел.; ингуши около 50 тыс. чел.; русские около 30 тыс. чел.; ногайцы около 15 тыс. чел.; кумыки около 10 тыс. чел.; аварцы около 5 тыс. чел. Несколько тысяч татар и евреев. Известно, что русское и русскоязычное население Грозного находилось в тесной связи с промышленным производством: нефтедобычей, нефтепроизводством, машино- и приборостроением. Именно индустриальный рабочий класс, состоящий преимущественно из русскоязычного населения, определял экономическое лицо республики¹³¹.

На фоне этого происходило активное противостояние между представителями традиционного ислама и нетрадиционного (т.н. «чистого»). Это выливалось не только в идеологические разногласия, но также и в вооруженные противостояния между тарикатистами и исламистами. Среди активных последовательных сторонников радикального ислама можно выделить: З. Яндарбиева, М. Удугова (бывшего яркого атеиста, который занимал должность пионервожатого в одной из грозненских школ в советские годы), А. Бараева.

По мнению А. Кадырова, «еще в ходе первой войны в Чечне З. Яндарбиев имел тайные контакты с исламистами и принимал участие в формировании исламистских джамаатов. После гибели Д. Дудаева перед З. Яндарбиевым открылись широкие возможности. Он взял на себя полноту власти в Ичкерии, узаконил исламистов и создал для них самые

---

¹³¹ Гарсаев В. Чечня – многонациональная республика // Объединенная газета. 2005. № 26 (82). С. 12.

благоприятные условия»¹³². Тем самым, уже к моменту прихода к власти А. Масхадова, он был вынужден определенным образом считаться с кадровой диспозицией, сложившейся в административно-управленческих структурах. И это, безусловно, ограничивало его возможности. Своей программой действий президент «преследовал цель создания чеченской этнонациональной государственности и нормализации жизни населения республики, исходя из ее внутренних ресурсов и инвестиций России, компенсирующих разрушения, нанесенные во время военных действий»¹³³. В противовес этому основная ставка исламистов делалась на укрепление независимости Чечни за счет изменения ее геополитического положения. Отсюда возникает проект мусульманского объединения Чечни и Дагестана в исламское государство. Влияние религиозного фактора усилилось настолько, что с середины – второй половины 1997 г. именно он определяется в качестве основного оппонента президентской власти. Причем помимо национальных политических деятелей, стоявших на позициях исламизма, на республиканской политической арене, как мы уже выше упоминали, появились и фигуры, прибывшие в Чечню извне, – прежде всего Эмир ибн Аль-Хаттаб.

Непосредственный участник конфликтов на Ближнем Востоке С.И. Клята отмечает: «Большое влияние на развитие экстремизма под религиозными лозунгами оказала серия ближневосточных конфликтов и Афганская война. Главные лидеры чеченских мятежников Шамиль Басаев и Аль Хаттаб проходили подготовку в лагерях в Афганистане и Пакистане. В июле 1994 г. Басаев был переведен в лагерь Маркац-и-Давар в Пакистане для совершенствования в тактике партизанской войны. В Пакистане он встречался с высокопоставленными пакистанскими военными и разведчиками: министром обороны генералом Афтабом Шахбаном Мирани, министром внутренних дел генералом Насеруллой Бабаром и главой

---

¹³² Кадыров А.-Х. Мой выбор (записки чеченского лидера). М., 2002. С. 67.

¹³³ Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология. Ростов н/Д, 2001. С. 101.

подразделения ИСИ «по исламским вопросам» генералом Джафедом Ашрафом. После обучения и идеологической подготовки Басаев был назначен на руководящую должность в войне против российских федеральных войск в первой чеченской войне в 1995 г. Во время обучения в Афганистане Шамиль Басаев сошелся с саудовцем, моджахедом-ветераном Хаттабом, который сражался добровольцем в Афганистане. Только спустя несколько месяцев, уже после возвращения Басаева в Грозный, Хаттаб был приглашен (в начале 1995 г.) для устройства баз боевиков в Чечне и для обучения боевиков-моджахедов»¹³⁴. С началом войны в ЧР, в октябре 1999 г., полевой командир Хаттаб призвал молодежь арабских стран участвовать в джихаде. По его словам, для этого им необходимо было отправиться в Чечню¹³⁵. На базах в Чечне под его активным руководством в 1996-1999 г.г. были подготовлены сотни террористов.

25 июля 1998 в г. Грозном на стадионе «Динамо» в торжественной обстановке был открыт Конгресс мусульман Северного Кавказа, подготовкой и проведением которого занимался муфтий Чечни. По итогам его работы была принята резолюция, в которой говорилось о необходимости объявить все экстремистские, в том числе религиозного толка, течения вне закона, установить контроль над всеми исламскими учебными заведениями, учебной литературой и СМИ во избежание проникновения вредной исламистской идеологии в чеченское общество.

После таких атак З. Яндарбиев предпринимает попытку в середине 1998 г. сместить с занимаемого поста А. Масхадова¹³⁶. А. Масхадову противостояла не просто политическая, но вооруженная сила. Второму президенту Ичкерии приходилось прибегать только к формально законным политическим методам. Одной из многочисленных компромиссных попыток, предпринятой президентской стороной в поисках политического

---

¹³⁴ Клята С.И. Мусульманский фактор в России XXI века // «Радикальное направление в исламской идеологии»: Мат. всеросс. науч.-практ. семинара (Ростов-на-Дону, 23-24 мая 2006 г.).

¹³⁵ Николаев Р.А., Шабурин А.В. Интернациональная экспансия // Независимое военное обозрение. 1999. №12.

¹³⁶ Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2004. С. 120.

сближения было предложение самому влиятельному из оппозиционеров Ш. Басаеву возглавить республиканское правительство (январь 1998 г.).

Как видно из вышеизложенных фактов, религиозные радикалы стремились сосредоточить власть в своих руках. Удуговым предпринимаются попытки создать в регионе параллельные официальным органам власти и управления структуры, в частности, Объединенный Комитет Чеченского Народа (ОКЧН). Такой же структурой стал и Конгресс народов Ичкерии и Дагестана (КНИД), созданный в Грозном в марте 1998 г. 10 ноября КНИД принял протокол № 30 от 10.11.1998 г. и постановление совместно с Меджлисом (совет) и Махкаматом (шариатский суд), а также резолюцию КНИД¹³⁷. Вот выдержка из протокола КНИД: «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана является единственным юридически правомочным органом на территории Чеченской Республики Ичкерии и Дагестана, который вправе осуществлять управленческие функции, как в отдельности, так и вместе взятой территории обеих республик. Это единственный легитимный орган власти»¹³⁸.

28 февраля 1998 г. духовенство Чечни вручает Масхадову мандат на строительство исламского государства. Ответ оппозиции следует незамедлительно – в конце апреля проходит конгресс «Исламская нация», лозунгом которого является формулировка «Ичкерия и Дагестан – две точки, одна судьба, одно будущее».

Масхадов обвиняет Хаттаба и радикалов в развязывании в Чечне гражданской войны, подписывает указы о запрещении деятельности исламистов и роспуске всех вооруженных группировок, действующих на территории республики. Аслан Масхадов решительно призывает имамов мечетей, местные органы власти решительно изгонять со своих территорий религиозных радикалов.

Однако указы Масхадова не были выполнены. Хаттаб, обязанный

---

¹³⁷ См. приложение 1.

¹³⁸ Протокол КНИД № 30 от 10.11.1998 г. Грозный, 1998. 10 ноября.

в течение двух суток покинуть Чечню, остается в республике. Басаев называет его братом, а подразделения, распущенные и выведенные А. Масхадовым из состава республиканской армии, перемещаются в полном составе под руководство исламистских лидеров. Основным центром их дислокации становится Урус-Мартан. Таким образом, в это время в Чечне образуется двоевластие: официальная власть и власть полевых командиров¹³⁹. Под давлением исламистской оппозиции, возглавляемой Шамилем Басаевым, президент Чечни Аслан Масхадов в начале 1999 г. издает указ о введении в Чечне «полного шариатского правления», перечеркивающий конституцию, на основе которой он избирался. В своем выступлении по республиканскому телевидению в апреле 1998 г. он заявляет, что в Чечне будет построено независимое исламское государство, в котором нормы шариата будут возведены в ранг закона. Шамиль Басаев официально возглавил так называемые «вооруженные силы Исламской Шуры»¹⁴⁰. На него возложили обязанности военного эмира объединенных сил «моджахедов» и «борцов за веру». З. Яндарбиев позднее по этому поводу писал: «Всем памятно, с каким воодушевлением принял чеченский народ переход на полное шариатское правление, упразднение всей светской судебной системы, в том числе и другие шаги государственного руководства в этом направлении. Народ был настроен однозначно»¹⁴¹.

На самом деле в обществе не было никакого воодушевления, так как данные процессы были чужды менталитету чеченцев, а также их жизненному укладу. Также не было однозначной позиции относительно создания в Чечне исламского государства. В планах исламистов, совместно с их зарубежными спонсорами, было создание на территории Чечни и Дагестана государства с полным шариатским правлением, по типу Саудовской Аравии. Масхадовский указ о введении полного шариатского правления в Чечне послужил основанием для

---

¹³⁹ Акаев В.Х. Северокавказский ваххабизм – разновидность исламского радикализма // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2000. № 3. С. 56-57.

¹⁴⁰ См. прил. 2.

¹⁴¹ Яндарбиев З. Чей халифат? Гаага, 2001. С. 81.

широкомасштабного политического наступления исламистов на светские органы власти. Был принят Уголовный Кодекс Чечни, скопированный с суданского. Новый УКЧРИ был создан на основе принципов шариата и был призван регулировать социально-правовые отношения внутри республики.

Начавшийся процесс шариатизации в Чечне показал неподготовленность не только граждан, но даже духовенства к этой ситуации. На территории республики почти не было профессиональных шариатских судей. На фоне всех этих процессов в республике наблюдается процесс полного упадка и хаоса во всех сферах общественно-социальной жизни населения. К середине 1999 г. в Чечне были «полностью разрушены производственная сфера, системы образования и здравоохранения. 90 % трудоспособного населения не имели работы. Основной источник существования – торговля, самодельная добыча и переработка нефти. В Чечне явно обозначились признаки распада хозяйственных, культурных связей внутри социума»¹⁴².

Итак, подводя итог данному периоду, мы можем констатировать, что А. Масхадов утратил поддержку как внутри Чечни, так и в России, сделав ставку на нереализуемую идею полной независимости Чечни. Применение шариата как публичного права в Ичкерии породило проблемы для общества, которое десятилетиями формировалось вне исламской идеологической системы. Он вводился местным традиционным обществам без учета временных, сложных этнополитических реалий, существующих на Северном Кавказе. Таким образом, можно утверждать, что в описываемый хронологический период ислам, являясь бесспорным религиозным, духовным и социальным фактором, сепаратистами был трансформирован в серьезный политический фактор.

4 фаза – 1999-2000 гг. Данный этап характеризуется крайней степенью политической дезорганизации. Ислам в этот период продолжает использоваться как идеологическая оболочка для продолжения террористических атак со

---

¹⁴² Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад. М., 1999. С. 33.

стороны боевиков, начинается вторая чеченская война. Государственные органы Ичкерии во главе с Масхадовым существовали параллельно с властными структурами, возглавляемыми исламистами (Басаевым, Удуговым и др.). При этом вторые опирались на всестороннюю помощь со стороны зарубежных радикальных организаций. Во многих горных и плоскостных районах Дагестана и Чечни были созданы вооруженные исламистские структуры, «до начала антитеррористической операции летом 1999 г. существовало 70 вооруженных группировок»¹⁴³. Словом, дагестанские и чеченские ваххабиты имели разработанный план совершения переворота, т.е. создания кавказского халифата. Для его реализации они вели активную идеологическую и военную подготовку.

Летом 1999 г. банды международных террористов с территории Чечни вошли в Ботлихский и Цумадинский районы Дагестана, устроив в с. Комсомольском настоящую бойню. Требование России осудить «агрессоров» и выступить против них Масхадовым было отвергнуто, несмотря на одновременный призыв духовного лидера республики А. Кадырова спасти Чечню от очередной бойни. Своими действиями А. Масхадов вверг свой народ в новую войну, вынудив российские власти прибегнуть к применению силы.

Наряду с этим в регионах России начинается процесс чеченофобии. Силловые структуры во многих городах России начинают массовые преследования представителей этой национальности. Например, в 1999 г. за 2 месяца только в Москве были арестованы 3 тысячи человек¹⁴⁴. А главные виновники всех событий продолжали оставаться на свободе.

Вторжение в Дагестан стало заключительной фазой политического размежевания президентских структур и исламских радикалов. На этот раз новая военная кампания уже не могла консолидировать вокруг не собиравшейся уступить власть сепаратистской верхушки не единожды

---

¹⁴³ Лукьянов А. К. Взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии. М., 2001. С. 123.

¹⁴⁴ См.: Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2004. С. 71.

обманутое им чеченское национальное сообщество. Ставка в основном была сделана на международный терроризм и его спонсоров¹⁴⁵.

Уже к марту-апрелю 2000 г. остатки боевых подразделений боевиков оставляли последние населенные пункты и перешли к партизанской войне. С лета 2000 г. начинается период, который можно условно назвать послевоенным, на этом этапе начала функционировать республиканская администрация и постепенно устанавливается федеральная вертикаль власти. Отправной точкой этого процесса можно считать назначение Ахмат-Хаджи Кадырова главой Администрации Чеченской Республики в 2000 г.

5 фаза – 2001-2002 гг. Когда Москва в начале 2000 г. приступила к реинтеграции Чечни, ей пришлось столкнуться с всеобъемлющим непониманием своей политики. После силового отстранения религиозных сепаратистов от власти и утверждения А. Кадырова Главой Администрации Чеченской республики началась новая фаза конфликта в Чечне. Характеризуется она тем, что новое руководство заняло очень жесткую позицию по борьбе с религиозным экстремизмом на территории всей республики. На фоне этого происходит усиление роли этноконфессионального фактора в динамике чеченского политического процесса. Проявилось это, прежде всего, в массовых беспорядках (многочисленных террористических актах и диверсиях на территории республики (в большинстве своем против имамов традиционалистов), похищениях, убийствах по этноконфессиональному признаку, разбоях, незаконной нефте- и наркоторговлей, работоторговлей). Характерной чертой этой фазы явились массовые убийства на территории Чечни по этническому и конфессиональному признакам. На данном этапе происходило интенсивное сращивание этнического и конфессионального факторов. Именно с этого периода конфликт в Чеченской республике стал носить этноконфессиональный характер.

---

¹⁴⁵ Ельсаев А. А.-Х. Особенности модернизации политического процесса в условиях социальной депривации (на примере Чеченской Республики). Дисс. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 90.

Сепаратистское движение к этому моменту выглядело следующим образом: вся территория республики была разделена между отрядами, составляющими исламистские джамааты, во главе каждого из них стоял свой военный начальник – амир. В отрядах боевиков на данном этапе продолжали играть существенную роль иностранные наемники. Таким образом, сопротивление приняло характер бандитского «подполья».

Данная фаза конфликта, по нашему мнению, была самой тяжелой и бескомпромиссной из всех фаз, которые прошел чеченский конфликт на протяжении всей своей динамики. Повсеместно продолжались крупные и мелкие теракты (в частности, подрыв Дома правительства в Грозном 27 декабря 2002 г., в результате которого было большое количество жертв, как среди работников данного учреждения, так и среди мирных жителей). Не проходило дня, чтобы на территории республики не случилось очередного убийства или диверсии. Жители Чечни считают эти два года самыми страшными в своей жизни. В описываемый период в Грозном, а также на территории всей Чечни, происходят массовые убийства. Направлены они, прежде всего, против русскоязычного населения, чеченских милиционеров, которые сотрудничали с федеральными силами в рамках контртеррористической операции, а также против служителей культа традиционного ислама (суфизма). Эти убийства происходили среди белого дня, на глазах у многих мирных жителей. По неофициальным данным, расценки за убитых были следующие: 100 дол., – за представителя русскоязычного населения, 200 – за чеченского милиционера¹⁴⁶. Вот так оценивали исламисты человеческие жизни.

В этот, самый сложный период чеченского конфликта на политическую арену выдвигается фигура А.-Х. Кадырова, длительное время бывшего муфтием Чечни. Еще в 1999 г. А. Кадыров публично восстал против исламизма: «Я встал на защиту тариката, традиционного ислама, и за это мне объявлена война. Наступил момент, когда каждый из нас должен сделать

---

¹⁴⁶ Полевой материал автора.

выбор, иначе конца этому кровопролитию не будет»¹⁴⁷. Еще до начала контртеррористической операции муфтий Чечни Ахмат Кадыров неоднократно отмечал деструктивный характер идеологии радикалов, указывая на пагубные последствия ее влияния для Чечни¹⁴⁸. Необходимо отметить, что он являлся деятелем национального масштаба и обладал очень высоким персональным авторитетом. Чечня в эту пору была регионом, где власти не смогли обеспечить не только гражданские права в полной мере, но и само право на жизнь, которое ежедневно нарушалось. По мнению аналитиков, именно фигура А. Кадырова сама по себе заставила увидеть реальный расклад сил в Чечне, объективно оценить шаги властей – местных и федеральных. У этого духовного лидера Чечни имелся один, но очень важный аргумент – никто из его предшественников не мог сказать: «Я был все эти годы с моим народом, я знаю, что жителям Чечни действительно нужно»¹⁴⁹. А Кадыров мог. Поэтому президент России В.В. Путин останавливает свой выбор именно на нем.

Отличительными чертами республиканского политического процесса начала XXI в. является продолжение военной борьбы сепаратистов с новой республиканской властью и федеральной группировкой, а также подрыв общественно-политической стабильности в республике, что явилось результатом максимальной деформации ее политического процесса.

6 фаза – 2003– по настоящее время. С данного момента урегулирование кризиса в Чечне принимает форму «чеченизации» (термин введен востоковедом А.В. Малашенко) конфликта. Данная фаза конфликта связана с реанимированием многих сфер жизни ЧР, а также с относительной стабилизацией общественно-политического положения в республике.

В 2003 г. В.В. Путин наделяет Ахмата Кадырова полномочиями исполняющего обязанности Президента Чеченской Республики. В своей

---

¹⁴⁷ Из выступления А.-Х. Кадырова перед алимами и главами администраций всей Чечни 1 мая 2003 г. в г. Гудермесе.

¹⁴⁸ Акаев В.Х. Религиозно-политический конфликт в ЧР Ичкерия // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 5. С. 56.

¹⁴⁹ Черников В. Я был все эти годы с моим народом // Власть и политики. М., 2003 (август-сентябрь). С. 21.

деятельности он ориентировался, прежде всего, на интересы чеченского народа, не оставил без внимания социальную сферу, экономику, медицину, образование, культуру, сферу малого и среднего бизнеса¹⁵⁰.

9 мая 2004 г. в столице ЧР г. Грозном проходили празднества по случаю дня Победы. В этот день против Кадырова был совершен теракт, в результате которого он погиб. События, связанные с гибелью Кадырова, вновь поставили чеченское общество перед дилеммой выбора пути. Связано это было с масштабностью и значимостью погибшего президента ЧР, который по меткому выражению В.В. Путина «буквально заслонял собой весь чеченский народ»¹⁵¹.

Гибель Кадырова, вопреки опасениям скептиков не повлекла за собой «откат» от проводимого политического курса. На пост президента Чечни был выдвинут один из сподвижников Кадырова – председатель Общественного Совета по контролю над восстановлением экономики и социальной сферы ЧР – генерал-майор милиции А.Д. Алханов. Он победил на президентских выборах 1 сентября 2004 г. с результатом 74,67 % голосов от общего числа участников голосования. Под руководством Алу Дадашевича Алханова воссоздавалась система правоохранительных органов ЧР, также он добился восстановления прав и полномочий республиканского МВД, политико-правовая система приобрела строгий и организованный вид¹⁵². К этому времени на политической арене, в противовес нынешнему президенту Чечни, выдвинулась фигура 28-летнего сына покойного Ахмат-Хаджи – Рамзана Кадырова.

В Чечне возникло «двоевластие»: официально первым лицом в ЧР являлся Президент Алу Алханов, но реальным лидером республики начал выступать премьер-министр Рамзан Кадыров, избранный на этот пост в феврале 2006 г. О влиятельности второго в Чечне, в описываемый период, свидетельствовал тот факт, что Алу Алханову почти за три года

---

¹⁵⁰ Шарафутдинова Э.Ф. Он стоял у истоков возрождения // Аргунь Орган. № 57-58. 2006. 24 июля. С. 2.

¹⁵¹ Цит. по: Черников В. Я был все эти годы с моим народом // Власть и политики. М., 2003 (август-сентябрь). С. 15.

¹⁵² Арбиев П. Один год из жизни Алу Алханова // ГУМС. 2005, № 2. С. 2.

президентства так и не удалось ввести своих людей в состав правительства.

Ряд экспертов полагал, что избранный им жесткий стиль руководства в полной мере соответствовал чеченским реалиям и традициям. С февраля – по 2 марта 2007 г., в связи с отставкой президента Алу Алханова, Указом Президента РФ В. Путина Рамзан Кадыров был назначен временно исполняющим обязанности Президента ЧР. 2 марта 2007 г. Парламент ЧР утвердил кандидатуру Р.А. Кадырова на должность Президента ЧР.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что сегодня успешно «претворяется в жизнь» т.н. «кремлевский» план¹⁵³, помимо которого противниками России проталкивается целый ряд альтернативных «проектов»¹⁵⁴. Суть этого плана состоит в разрешении конфликта руками собственно чеченцев. Нынешний президент Чечни воспитан в духе традиционного ислама и в жестких рамках чеченских обычаев, поэтому в вопросе борьбы с крайними проявлениями исламизма он делает ставку на национальное самосознание. «Нация первичнее, национальное самосознание – это самое лучшее средство для борьбы с исламизмом»¹⁵⁵ – вот, что он говорит по этому поводу. Относительно борьбы с терроризмом и экстремизмом решительное и эффективное применение сил и средств в 2006-07 гг. позволило правоохранительным органам республики достичь наиболее значимых результатов за весь период проведения контртеррористических операций. Нейтрализовано 174 боевика, в том числе 40 бандглаварей и зарубежных наемников. Среди них: Ш. Басаев (уничтожен 10 июля 2006 г. близ ингушского селения Экажево), эмиссар международной террористической организации «Аль-Каида» и главный финансовый распорядитель на Северном Кавказе Абу-Хавс. Предотвращено 120 акций террора против сотрудников правоохранительных органов (за период с 2000 г. при исполнении служебных обязанностей погибло свыше 1000 чеченских милиционеров и сотрудников Службы Безопасности Президента ЧР),

---

¹⁵³ См. об этом подробнее: Добаев И.П. Исламский радикализм в международной политике. Ростов н/Д, 2000. С. 10.

¹⁵⁴ Яхимчик М. Две Чечни: утопия или факт? // Завтра. 2003. 18 нояб.

¹⁵⁵ См.: Российская газета. 2007. № 62 (4325), 27 марта.

военнослужащих федеральных сил и мирных граждан. В целом по республике сократилось на 28% по сравнению с предыдущим годом количество тяжких преступлений, а их раскрываемость составила 72,7 %.

Относительно политического курса, проводимого сегодня в Чечне, существует ряд противоречивых мнений и прогнозов. Например, эксперт московского центра Карнеги А.В. Малашенко считает, что «Кремль оказался заложником своей политики «чеченизации» и в каком-то смысле Р. Кадырова»¹⁵⁶. Далее этот же автор говорит о том, что «...чеченизация конфликта, совсем не улучшила ситуацию, она только усложняет проблему»¹⁵⁷.

По нашему мнению, это достаточно спорный момент: сегодня в Чечне нет другой альтернативы, кроме «авторитарного» курса, который был выбран. Мы считаем, что современный политический процесс в республике идет в верном русле: Рамзан Кадыров молод и динамичен, обладает необходимой твердостью и чутьем. Также он открыт и расположен к диалогу с федеральной властью. На современном этапе в Чечне партия власти – это президент республики Р. Кадыров и верные ему люди (О.Х. Байсултанов – председатель правительства ЧР; Д.Б. Абдурахманов – председатель Народного Собрания парламента ЧР и др.). Главный редактор журнала «Нана» Л. Жумалаева пишет: «С именем Р. Кадырова связаны все стороны жизни возрождающейся республики: это возрождение и морально-этических постулатов чеченского народа; и борьба с наркоманией, это проблемы образования и дальнейшего трудоустройства; помощь малообеспеченным слоям населения и многое другое»¹⁵⁸. На наш взгляд, дальнейшая динамика местного политического процесса в самой значительной степени будет зависеть от того, каким образом будет проводить свою политику федеральная власть в этом субъекте Российской Федерации.

---

¹⁵⁶ Малашенко А.В. Чечня: выборы посреди террора // Брифинг Московского центра Карнеги. Вып. 8-9. М., 2004. С. 3.

¹⁵⁷ Рэссилл Д. Новые подходы к российско-чеченскому конфликту и его урегулированию // Кавказский регион: пути стабилизации. Сб. докл. междунауч. конф. Ростов н/Д, 2004. С. 224.

¹⁵⁸ Жумалаева Л. Востребованный временем // Лидер эпохи перемен. Грозный, 2007. С. 15.

2.2. Экстремизм и терроризм под прикрытием ислама в Чеченской республике

Прежде чем приступить к исследованию практической роли этноконфессионального и сопутствующих ему исламского и исламистского факторов в чеченском конфликте и его связи с такими явлениями как экстремизм и терроризм, необходимо ознакомиться ближе непосредственно с самими этими понятиями. На современном этапе в отечественной и зарубежной науке выведено большое количество определений данным явлениям, свыше сотни.

Терроризм довольно сложное понятие. Происходит оно от латинского слова «terror», обозначающего страх, ужас. И действительно, необходимым элементом, присутствующим в любой террористической акции, является устрашение политического противника, либо тех людей, которые выступают в роли непосредственных жертв террористов. Однако грубое подавление психики не является самоцелью терроризма. Нагнетание страха выполняет роль вспомогательного средства для достижения определенной цели: получить материальные или политические выгоды, заставить представителей власти или правоохранительные органы выполнить требования террористов, изменить политический курс и т.д. При этом субъекты террористической деятельности, как правило, не ограничиваются только угрозами. Зачастую они не останавливаются и перед применением насилия в самых жестоких формах¹⁵⁹.

Следует также подчеркнуть, что в качестве объекта насильственных, противоправных действий террористов выступают не только непосредственные жертвы насильственных акций – представители органов власти или случайные, не имеющие никакого отношения к политике люди, но и отдельные элементы конституционного строя: порядок управления, политическое устройство, общественные институты, экономическая и

---

¹⁵⁹ Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на Юге России. Ростов н/Д, 2005. С. 27.

военная мощь государства¹⁶⁰. В философской и политологической литературе отсутствует общепринятое строгое определение терроризма. Например, в докладе созданной в США в 1985 г. межведомственной комиссии по борьбе с терроризмом говорится: «Терроризм – это противоправное использование или угроза использования насилия против лиц или объектов для достижения политических или социальных целей. Обычно он направлен на запугивание или принуждение правительств, групп или отдельных лиц для изменения их политики или действий»¹⁶¹.

Однако получившие наиболее широкое распространение определения терроризма очень просты. В. Лакер, авторитетный специалист в этой области, пишет, что «терроризм представляет собой нелегитимное использование силы для реализации политической цели путем угрозы невинным людям»¹⁶².

Официальный подход к явлению терроризма не рассматривает причину того, почему те или иные люди становятся террористами. В академическом словаре Вебстера дано следующее определение террора: «Террор – это мощный непреодолимый страх», а далее там же «... использование террористических методов управления или сопротивления правительству»¹⁶³.

Исследователь С.И. Чудинов предлагает следующую дефиницию: «Терроризм – это стратегия психологического устрашения систематическим насилием, используемая автономными оппозиционными, пассионарно выражающими протест определенными социальными слоями, стремящимися достичь определенных политических целей или радикального социально-политического преобразования общества»¹⁶⁴.

---

¹⁶⁰ Политический экстремизм и его профилактика у современной молодежи / Под ред. А.С. Зайналабидова, В.В. Черноуса. Ростов н/Д, 2003. С. 35.

¹⁶¹ Цит. по: Кудряшова И.В. Сущность терроризма // Международная безопасность и проблемы терроризма. Учебное пособие / Отв. ред.: А.Г. Володин, В.Н. Коновалов. Ростов н/Д, 2002. С. 44-45.

¹⁶² Laqueur W. The Age of Terrorism. Boston, 1987. P. 72.

¹⁶³ Цит. по: Терроризм: их и наш. *Pereplet.ru*

¹⁶⁴ Чудинов С.И. Терроризм как социокультурный феномен: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2006. С. 13.

Авторитетный исследователь терроризма Е.Н. Яркова определяет его как «чуму XXI века», «которая имеет непростую природу. Террористический акт, как правило, опирается на сложную систему мотиваций, поэтому, изучая истоки терроризма, необходимо учитывать весь комплекс порождающих его факторов»¹⁶⁵.

Р.Е. Кайдаров квалифицирует терроризм «крайней формой выражения социального протеста против существующего строя»¹⁶⁶.

Терроризм как феномен имеет два ракурса:

– он является порождением определенной политики, в большинстве случаев стимулированной извне, и в этом качестве становится инструментом в руках конкретных политических, военных и финансовых структур, которые используют его против внутренних или внешних сил, препятствующих достижению их целей;

– он обладает способностью генерировать энергию и, следовательно, может выйти из-под контроля своих инициаторов и спонсоров, начав борьбу за осуществление уже собственных целей¹⁶⁷.

В статье 205 Уголовного Кодекса Российской Федерации, принятого в 1996 г., приведено следующее определение понятию «терроризм» – «...это совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинение значительного ущерба либо наступление иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях...»¹⁶⁸.

В Федеральном законе «О борьбе с терроризмом» (1998 г.) внутригосударственный терроризм, в свою очередь» трактуется как «насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения)

¹⁶⁵ Яркова Е.Н. Социокультурные аспекты современного терроризма. tollstyj@narod.ru

¹⁶⁶ Кайдаров Р.Е. Терроризм: возникновение, разрастание, меры противодействия. zharinov@wallst.ru

¹⁶⁷ Новикова Г.В. Сильная стратегия слабых. Террор в конце XX века. М., 2000. С. 23.

¹⁶⁸ Уголовный Кодекс Российской Федерации. Выпуск № 11. М., 1996.

имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения или оказания воздействия на принятие органами власти решений»¹⁶⁹.

В целом можно выделить пять типов терроризма: государственный, религиозный, преступный, патологический, политический террор отдельных групп людей. При этом необходимо иметь в виду, что иногда эти пять разновидностей могут сталкиваться по своим интересам.

Рассматриваемый нами терроризм и экстремизм в Чечне можно отнести ко всем пяти вышеперечисленным типам, так как в данном случае присутствуют националистическая, религиозная и уголовная (насилие со стороны криминальных структур и криминальном бизнесе политических террористов) составляющие.

При этом «экстремизм» можно определить как идеологию и социально-политическую деятельность, направленные на полную исламизацию (шариатизацию), как минимум, мусульманских сообществ и государств, а также межгосударственных отношений. При этом борьба за реализацию такого проекта выходит (или может выходить) за рамки законности с точки зрения международного права, а также юридических норм той или иной страны¹⁷⁰.

А.В. Егунов в своих исследованиях дает следующее определение исламского экстремизма: «... воинствующее неприятие к отклонениям от норм ислама, в том числе с использованием методов морально-психологического давления на оппонентов»¹⁷¹.

В данном контексте исследуемой нами проблемы представляется

---

¹⁶⁹ Цит. по: Ансимов Ю.Н., Алтунин В.Н. Антитеррористическая деятельность и борьба с экстремизмом: опыт, организация, правовая основа. Майкоп, 2003. С. 223-224.

¹⁷⁰ Добаев И.П., Блохин В.П. Практические действия по блокированию регионального сепаратизма, выступающего под религиозным прикрытием // Силовые структуры в этнополитических процессах на юге России / Южнороссийское обозрение / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д, 2002. № 12. С. 76-83.

¹⁷¹ Егунов А.В. Исламский радикализм на постсоветском пространстве: идеологические и организационные аспекты: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2005. С. 16.

необходимым вывести собственное рабочее определение данного явления: *«Терроризм» – это, прежде всего, один из способов прихода к власти, предусматривающий обязательное манипулирование отдельными массами людей для достижения данных целей, а также средство пропаганды своих интересов определенными политическими группами.*

При анализе чеченского конфликта необходимо заметить, что очень длительное время не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами дискутировался вопрос, являлся ли данный конфликт газаватом? На сегодняшний день большинство исследователей пришли к выводу, что данный конфликт нельзя квалифицировать как религиозный. Однако это довольно спорный вопрос. Предложенная нами в предыдущем параграфе периодизация конфликта в Чечне наглядно демонстрирует тот факт, что на разных этапах сопротивление со стороны Чечни носило различную идеологическую подоплеку. Нельзя не согласиться, что все же конечной целью верхушки Ичкерии во главе с Ш. Басаевым, А. Масхадовым, З. Яндарбиевым, М. Удуговым и многими другими было создание исламского государства на Северном Кавказе.

Как мы уже подчеркивали в своем исследовании, «исламский» и «исламистские» факторы наиболее активно проявил себя в период второй войны в Чечне.

Прежде всего, хотелось бы сказать немного об отношении ислама к иноверцам и окружающему миру. Неверным было бы отрицать, что среди мусульман не было и нет фанатиков, впрочем, как и среди представителей других конфессий, притеснявших иноверцев, допускавших дискриминацию по признаку вероисповедания¹⁷². Ислам означает последовательное проявление сакральной истории человечества и твердую жизненную ориентацию на воплощенную в ней волю всевышнего. Это выражается свидетельством, называемым «шахада»¹⁷³. Оно гласит: «Нет Бога, нет

---

¹⁷² Варисов З.В. Иноверцы под сенью мусульманства // Мусульманская цивилизация, 1415 год хиджры. М., 1998. № 2. С. 34.

¹⁷³ Choueiri Youssef. Islamic Fundamentalism. Boston, 1990. P. 54.

божества, помимо Аллаха и Мухаммед пророк его». Отношение к иноковерию, а также к многообразной культуре народов мира в исламской традиции строилось на основе Корана и Сунны.

В Коране метод насильственного насаждения веры отвергается: «В религии нет принуждения» (2:256)¹⁷⁴. Коран утверждает необходимость распространения ислама по средством убеждения и диалога: «Зови к пути Господа с мудростью и хорошим увещанием и препирайся с ним тем, что лучшее» (16:125)¹⁷⁵.

Востоковед П. Грязневич верно заметил, что пророк Мухаммед в проповедях не навязывал, а указывал, уговаривал и доказывал. «Разве вы не знаете ...» – так начинались его диалоги с язычниками. Также в Коране сказано: «Скажи: «О, вы, неверные! Я не стану приклоняться тому, чему вы будете приклоняться, и вы не поклоняйтесь тому, чему я буду поклоняться. У вас – ваша вера, и у меня – моя вера!» (2:139)¹⁷⁶.

В исламской культуре особое отношение выработалось к людям писания (ахл-аль-китаб), бывших ближе к абсолютному единобожию¹⁷⁷. В Коране о них говорится: «Поистине, те, которые уверовали, и те, кто обратились в иудаизм и христианство, и сабии, которые уверовали в Аллаха. И в последний день творили благое, – им их награда у Господа их, нет над ними страха, и не будут они опечалены» (2:62)¹⁷⁸.

Возвращаясь к теме нашего исследования, отметим, что, как известно на территории России в середине 90-х гг. XX в. в Чеченской республике противостояние российским войскам проходило под знаменем джихада. Чечня к этому времени превратилась в зону «горячего» ислама. Самое интересное, что практика ведения джихада исламистами координально отличалась от классической, общепринятой теории «священной войны» мусульман. Внешне привлекательная теоретическая доктрина исламистов,

¹⁷⁴ Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. М., 1990.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Арухов З.В. Походы мединской уммы // Мусульманская цивилизация, 1415 год хиджры. М., 1998. № 2. С. 56.

¹⁷⁸ Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. М., 1990.

скрывает за собой кровавую практику, результатом которой стало огромное количество террористических актов и диверсий на территории самой Чечни и Российской Федерации в целом.

Джихад в переводе с араб. означает «усилие, рвение». Турецкий ученый Хайдар Баш считает, что «джихад – вид поклонения (ибадат) Аллаху, который полон трудностей и испытаний». С его точки зрения, «большой джихад – это джихад против нафса и шайтана, которые, подрывая спокойствие и стабильность внутри человека, ведут его к вечной гибели»¹⁷⁹.

Исламский теолог Абдуллах Ахмет ан Камилл утверждает, что и в Коране, и в Сунне слово «джихад» используется в более широком смысле как любое напряжение или усилие, иногда не в связи с применением силы. Джихад он разделяет на четыре вида:

- джихад сердца, который выражается как внутреннее возмущение против пороков и грехов;
- джихад языка, обязывающий мусульманина обратиться словом к заблуждающимся и остановить этим зло;
- джихад руки, предусматривающий вмешательство в события, могущее принести вред людям;
- джихад меча, или малый джихад, означающий начало священной войны во имя торжества божественных заповедей¹⁸⁰.

Мусульманские ученые выделяют малый и большой джихад, отмечая при этом важную роль большого джихада в жизни мусульман¹⁸¹. Однако для тех, кто стоит сегодня на позициях исламизма существует только одна форма джихада, а именно религиозная война во имя веры, которую принято называть «малым джихадом», или «джихадом меча». Они считают эту форму самой великой и необходимой, практически единственной, отмечая при этом саму возможность существования «большого джихада». Такую

---

¹⁷⁹ Цит. по: Сологуб Д.В. Бремя шариата // Статус-кво. М., 2004. № 2. С. 32.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Цит. по: Ханбабаев К.М. Ваххабизм в Дагестане // Ислам и политика на Северном Кавказе. Сборник научных статей. // Северокавказское обозрение. Ростов н/Д, 2001. № 1. С. 34.

интерпретацию джихада часто проповедовали по удуговскому каналу «Кавказ» чеченского телевидения в период 1996-1999 гг.

В исламистской идеологии существуют два основных положения: «такфир» и «джихад». Радикалы считают, что борьба за распространение ислама во всем мире, должна носить исключительно вооруженный характер. Такой подход открыл возможность объявления джихада правительству Дагестана, которое, по мнению исламистов, было виновно в противодействии «исламскому призыву»¹⁸². Однако их убеждение в том, что распространение ислама может носить вооруженный характер, противоречит Корану, который утверждает, что нельзя принуждать к религии насильственно, это возможно только путем мирного диалога.

По их мнению, все традиционалисты «следуют ширку» (ширк – придание Аллаху сотоварища, многобожие)¹⁸³. Объектом такфира (обвинение в неверии) выступают мусульмане, которые «не согласны с идеями радикалов, например, с их трактовкой джихада»¹⁸⁴. Таким образом, все остальные мусульмане, обвиняются ими в куфре (вероотступничестве), т.к. «они отошли от ислама»¹⁸⁵. Также исламисты объявляют всех иудеев и христиан «многобожниками» и, следовательно, на них также распространяются положения такфира. Обвинив в куфре своих противников, радикалы прибегают к призыву ведения против них джихада, а также к установлению шариатского правления, как это было, например, на территории Чечни в 1998-1999 гг. Известно, что Ш. Басаев в своих речах активно призывал к джихаду все население Чечни: «Сила – это мир. Слава моджахедам, выбравшим путь джихада. Мы должны сжечь за собой мосты. Мосты неверия, мосты в куфр»¹⁸⁶. Как мы уже упоминали, радикалы с их патриотическими речами активно разви-

---

¹⁸² Макаров Д.В. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000, С. 26.

¹⁸³ Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 300.

¹⁸⁴ Лукьянов А.К. Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М., 2001. С. 15.

¹⁸⁵ Игнатенко А.А. Мусульманская самозащита от ваххабизма // Независимая газета: НГ-Религии. 1999. № 11.

¹⁸⁶ Вестник Конгресса народов Ичкерии и Дагестана. Приложение к газете «Исламская нация». 1998. № 1.

вали идею газавата, а также создания исламского государства на Северном Кавказе, основой которого являются воины за веру. Прежде чем стать им, каждый, вступивший в ряды моджахедов, должен был очистить свой иман (веру) от всего плохого, грешного. Только тогда он может участвовать в джихаде. Система подготовки «воина Аллаха» была очень проста, она состояла из двух этапов:

- идеологическая обработка;
- военная подготовка.

После специализации курсант официально становится моджахедом. Теперь вся его жизнь – непрерывный джихад. Он перестает бояться смерти, теперь она воспринимается им как наивысшая милость от Аллаха.

В самой Чечне к этому времени сотни чеченских парней уходили воевать. Огромное количество мечетей, выстроенных исламистами по всей территории Чечни, активно посещали сотни, тысячи людей. В республике повсеместно были слышны призывы к «священной войне». Под его обаяние попала огромная часть молодежи Чеченской республики. Находясь в период военных действий в Чечне, мы имели возможность наблюдать ситуацию «изнутри». Было очевидно, что вовлечение в войну было массовой «религиозной истерией» среди молодого поколения. Практически все молодые люди тем или иным образом были втянуты в процесс радикализации Чечни. Они были одержимы идеями свободы, религиозной одухотворенности. Как известно кровавая вторая чеченская война привела к возникновению порочного круга атак боевиков, за которыми следовало возмездие со стороны федеральных сил, в свою очередь порождавшее жажду мести у все более многочисленных молодых чеченцев. Отчаявшаяся молодежь чтобы хоть как-то выжить, соблазненная небольшими вознаграждениями, выплачиваемыми в долларах, стала примыкать к радикалам.

На всей территории Чечни создавались исламистские «джамааты», состоявшие исключительно из сторонников радикалов. На их собраниях

обсуждались дальнейшие методы ведения войны и действия, предпринимаемые ими для реализации своих планов на территории Чечни. Одним из крупных и наиболее активных был «джамаат», существовавший на территории четвертого микрорайона Ленинского района г. Грозного. И что немаловажно, в его состав входило определенное количество русских, принявших ислам. По отзывам, они были наиболее активными идеологами и практиками радикального ислама в Чечне¹⁸⁷.

В описываемый период исламистами начинается активная идеологическая обработка молодежи через различную литературу. «Слушай песни с исламскими записями и распространяй их. Не будьте беззащитными жертвами секуляристов и модернистов»¹⁸⁸, – говорится в одном из буклетов, распространившихся на территории чеченской столицы в период второй войны. В местных газетах этому посвящались целые колонки. Например, в газете «Чеченец» существовала рубрика «Они – шахиды». В ней звучали пламенные призывы к джихаду.

В ситуации массового роста сопротивленческого сознания не последнюю роль занимало чувство солидарности чеченцев, основанной на традиционной социальной системе местных обществ. В Чечне существует тейповая система родства. Род – это основа всего. «Паршивых, трусливых овец» в роду не любят¹⁸⁹.

Относительно этого журналист Лечи Магомадов говорит следующее: «Я согласен, и это неоспоримо, что наши защитники отечества с оружием в руках проявили неслыханный героизм и выдержку, прошли нечеловеческие испытания и победили. Каждый из них заслуживает искреннего уважения и почета»¹⁹⁰. «Вам не лишить свободы народа, который всегда считал и считает себя свободным, даже если вы лишите его жизни. Свободным и

---

¹⁸⁷ Полевой материал автора.

¹⁸⁸ Ибрагим ибн Салих ал-Махмуд. Послание к учащимся девушкам. Махачкала, 1998. С. 31-32.

¹⁸⁹ Шарафутдинова Э.Ф. Мусульманская молодежь и неправительственные религиозно-политические организации (НРПО) // Электронная библиотека «Института религии и политики» [<http://www.i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-3858.html>]. 2006. Февр.

¹⁹⁰ Магомадов Л. Они-шахиды // Чеченец. 1996. № 1.

несвободным человека делает он сам. Это право нам даровано Аллахом, милостивым и милосердным. Мы теперь знаем, что нет ничего более реального, приближенного к земному бытию, чем поддержка Всевышним тех, кто выступает воинами на Его пути. Неужели кто-то полагает, что это все возможно забыть, предать и продать за презренные деньги? Нет. Нас ведет наша судьба. Мы покорны своему предназначению. Религия – не игрушка, не средство достижения политических целей. Мы без всякой пощады будем отсекаать руки, которые тянутся к двум главным для нас святыням – к религии Аллаха и к чести и национальным интересам чеченского народа»¹⁹¹. По нашему мнению, хотя сепаратисты говорят о том, что не ставят собой конкретных политических целей, но на деле они активно стремятся к власти, не брезгуя при этом любыми средствами для достижения своих целей.

Из всего этого ясно видно, что исламисты в своих действиях в Чечне и на Кавказе призывали вести борьбу исключительно под религиозными лозунгами. Жестоко звучат слова А. Магомаева, о том, что «если для нравственного очищения нации необходимо будет положить 70% населения, то это нужно будет сделать»¹⁹².

Авторитетный российский этнолог Ян Чеснов пишет: «Беспредел, установленный в Чечне в последние три года, после окончания первой чеченской войны, возник там с ведома российских властей. Чечня бедствует. Это касается не только брошенного на произвол русскоязычного населения. Касается также чеченцев»¹⁹³. Его позиция во многом соответствует действительности. В ходе военных действий в Чечне было убито огромное количество русскоязычных семей. По отношению к ним проявлялась особая жестокость. Радикалы мотивировали свои действия тем, что они, таким образом, совершают джихад. На самом деле конечным результатом их преступлений являлось присвоение квартир и имущества жертв.

---

¹⁹¹ Магомедов Б.В. Я не хочу, чтобы меня кусали дважды из одной норы // Чеченец. 1998. № 6.

¹⁹² Магомаев А. Партия Чечни // Ичкерия. 1998. № 5.

¹⁹³ Джафаров А.И., Курбанов Р.И. Воины Аллаха // Чеченец. 1997. № 11.

Можно заметить, что русские в Чечне, составлявшие 30% населения республики, оказались разобщены и беззащитны в условиях ежедневных расправ и зверств со стороны представителей радикального ислама. Будучи далеки от Христа, они оказались далеки и друг от друга, не оказав чеченским бандитам достойного сопротивления. А, будучи далеки друг для друга, русские оказались далеки и для российской государственности – попросту брошены на растерзание и позор.

В Уголовном Кодексе Чеченской Республики Ичкерия (в ст. 166) утверждается, что «любой человек, незаконно вторгающийся в частную жизнь любого другого лица, что может выражаться в проникновении в дом этого лица без его разрешения, подвергается наказанию в виде тюремного заключения на срок до шести месяцев»¹⁹⁴. «В виде смертной казни или же смертной казни с последующим выставлением на всеобщее обозрение, если его действия сопровождались убийством или изнасилованием и хищением имущества»¹⁹⁵. «Каждый имеет право на жизнь. В Чеченской Республике никто не может быть произвольно лишен жизни»¹⁹⁶.

С приходом к власти исламисты развернули настоящий террор против всех, кто не поддерживал их действия и взгляды, в том числе в отношении служителей культа. После первой войны ими был убит 75-летний имам центральной мечети г. Грозного Х. Яхьяев, 16 июня этого же года, ночью во время сна, в Урус-Мартане убили имама Алхан-юртовской мечети Умара Идрисова. Этот авторитетный религиозный деятель публично заявлял, что сопротивление чеченцев не является религиозной войной, а гибнущие в ходе военных действий боевики не могут считаться «шахидами»¹⁹⁷.

Период шариатского правления в Чечне (1998-99 гг.) можно охарактеризовать временем массового разгула и полной анархии во всех

---

¹⁹⁴ Уголовный Кодекс Чеченской Республики Ичкерия. Грозный, 1996.

¹⁹⁵ Там же. Ст. 168.

¹⁹⁶ Проект Конституции Чеченской Республики, ст. 16. Грозный, 1995.

¹⁹⁷ Акаев В.Х. Ислам и политика (на материалах современной Чечни) // Ислам и политика на Северном Кавказе / Под ред. Черноуса В.В. Ростов н/Д, 2001. № 1. С. 33.

сферах жизни Чеченской республики. Шариатские суды успели вынести множество приговоров. В некоторых случаях мерой наказания по шариатскому суду становился расстрел. Известны несколько таких случаев. По обвинению в прелюбодеянии были расстреляны мужчина и женщина. Были расстреляны молодой человек, убивший беременную женщину в Грозном, и житель селения Бачи-юрт, убивший односельчанина. Шариатским судам предписывалось, помимо расстрелов, казнить людей такими способами, как отсечение головы, побивание камнями, либо способом, «каким преступник лишил жизни свою жертву». Правила гласили, что в тех случаях, «когда обвиняемые подлежат наказанию в соответствии с установлениями шариата или же воздаянием равным», смертной казни могут быть подвергнуты лица, не достигшие восемнадцати лет, и беременные женщины¹⁹⁸. В «чеченское межсезонье» в судебной практике республики действовали статьи о наказании за продажу и употребление спиртных напитков. Уличенный в употреблении спиртных напитков наказывался 40 ударами плетью. Лицо, продавшее ему спиртное, наказывалось тем же способом. Первыми за распитие спиртных напитков были наказаны бичеванием несколько жителей села Ведено. За продажу спиртных напитков была осуждена пожилая женщина-чеченка. Впоследствии эта мера наказания приобрела массовый характер.

Существовал также ряд статей и запретов, относящихся к внешней атрибутике ислама в одежде. Женщинам ни при каких обстоятельствах не разрешалось показываться на улице без покрытой головы, ношение платка стало обязательным для всех, в том числе девочек-подростков. Те, кто не считались с этим, наказывались с особой жестокостью. Им назначались 40 ударов камнями; это называлось «публичное позорное побивание в строю». Выживали после этого немногие. Более легким наказанием, достававшимся

---

¹⁹⁸ См.: Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2004. С. 50-51.

отдельным «счастливицам», было обривание головы наголо¹⁹⁹. Имея возможность наблюдать ситуацию «изнутри» вот уже спустя много лет до сих пор вспоминается с ужасом сцена, увиденная автором данного исследования в шариатском суде Заводского района Грозного. Автору чудом удалось избежать наказания за то, что она была одета «не по норме шариата», но при этом она стала свидетелем наказания «по шариату» молодого человека и девушки, схваченных за то, что они вместе пили кофе в кафе на центральной улице. Молодые люди получили по 40 ударов камнями. Примеры реакции на подобное судопроизводство со стороны судов высшей инстанции Российской Федерации нам неизвестны.

Идеологи исламизации Чечни уверяли, что только внедрение радикальных методов в политике и законодательстве выведет республику из кризиса. Однако традиционному образу жизни чеченцев это абсолютно чуждо. Более того, шариатские судьи, как выяснилось очень скоро, оказались не менее падкими на соблазн, чем те представители светских судов, которых обвиняли в коррупции и взяточничестве. Период шариатского правления в Чечне стал временем разгула религиозно-политического авантюризма, который углубил противоречия между верующими разных конфессий, вызвал раскол в обществе, привел к политическому хаосу и полной дезориентации людей²⁰⁰.

Также необходимо заметить, что если в ходе первой войны в Чечне теракты были единичными, то в период второй войны и в послевоенную фазу мы могли наблюдать планомерную террористическую войну. На начальном этапе своей деятельности исламисты, как правило, направляли свои акции на подрыв зданий, сооружений, объектов железнодорожного транспорта (например, только на участке «Гудермес-Хасавюрт» в 1995-97 гг. было совершено 15

---

¹⁹⁹ Полевой материал автора.

²⁰⁰ Шарафутдинова Э.Ф. Чечня при Рамзани Кадырове: повторение пройденного? // Электронная библиотека «Фонда стратегической культуры» [<http://www.fondsk.ru/article.php?id=105>]. 2006. 5 апр.

террористических актов, сопровождающиеся гибелью людей)²⁰¹. Итогом резко усилившейся экстремисткой деятельности радикалов стало вооруженное нападение 22 декабря 1997 г. на воинскую часть в г. Буйнакске. В результате обстрела были повреждены восемь танков. Далее было нападение банд террористов с территории Чечни в августе-сентябре 1999 г. на Цумадинский, Ботлихский и Новолакский районы Дагестана.

Следует обратить внимание на тот факт, что в последние годы террористические акты совершались против самих же чеченцев. Очень большое количество терактов совершались непосредственно в самой Чечне. Здесь терроризм был фактически направлен против своего гражданского населения. Можно привести несколько примеров, которые данное утверждение доказывают.

Рано утром 6 июня 2003 г. в первом микрорайоне города Грозный был взорван жилой дом, при этом погибло 10 человек, из них 8 детей. За день до инаугурации, в пятницу, погиб заместитель начальника службы безопасности Ахмата Кадырова – Шапрани Байсаров. Его машину взорвали, когда он отъезжал от мечети²⁰². При этом от взрыва он потерял ноги и погиб от потери крови. В недавнем прошлом еще один теракт унес жизнь президента Чеченской Республики А.-Х. Кадырова. Большое количество взрывчатки было подложено под него на стадионе «Динамо» в столице Чеченской Республики. Летом 2005 г. на одной из улиц Грозного около заправки был совершен теракт, в результате которого погибло пятеро чеченских детей. Самое трагичное, что сегодня чеченцы гибнут от рук своих же соплеменников. «Джихад» также проходил в форме диверсий, захвата школ, роддомов, театров с детьми и женщинами, многие из которых являются мусульманами. Имел место захват заложников с целью получения выкупа. Особенно хорошо в республике был налажен чудовищно преступный бизнес, связанный с похищением людей.

---

²⁰¹ Мелешко Н.П. Криминологические проблемы становления правовой системы в России. Ростов н/Д: ИУБиП, 2000. С. 84.

²⁰² Акаев В.Х. Указ соч.

О том, что Чечня все еще политически нестабильна, свидетельствуют следующие события: частые покушения и убийства имамов мечетей на территории республики, убийства и массовые похищения политических деятелей, глав администраций районов и их семей. Все эти преступления совершались, как правило, молодыми людьми, стоящими на позициях радикального исламизма²⁰³.

В своей практике религиозные экстремисты и их последователи использовали различные террористические акции, от массовых захватов заложников (захват 800 заложников в театре «Норд-Ост», 120 из которых погибли, события 1-3 сентября 2004 г. в бесланской школе) до применения смертников-самоубийц, или «шахидов», как чаще их сейчас называют в публицистике.

На самом деле термин «шахид» в исламской традиции не соответствует данной интерпретации. В коранических текстах термину «шахид» дается следующее определение: «...к «шахидам» относятся все умершие насильственной смертью, в числе которых – убитые человеком, животными, погибшие во время стихийных бедствий, эпидемий, утонувшие, отравленные, скончавшиеся во время хаджа и т.д.»²⁰⁴.

Говоря об истоках современного «шахидизма», то следует отметить, что первоначально он приобрел широкое распространение на Ближнем Востоке. В 80-х гг. XX столетия «шахидизм» приобретает массовый характер среди палестинцев. Поскольку Израиль по своей военной мощи несравнимо превосходит палестинцев, то они не находят иной формы борьбы за восстановление своей государственности, избирая методы индивидуального или группового террора.

В период походов мединской уммы, во времена сражения при Бадре, произошедшего между мусульманами и язычниками-курейшитами, «шахидами» считали тех, кто боролся с язычеством (многобожием),

---

²⁰³ Шарафутдинова Э.Ф. Мусульманская молодежь и неправительственные религиозно-политические организации (НРПО) // Электронная библиотека «Института религии и политики» [<http://www.i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-3858.html>]. 2006. Февр.

²⁰⁴ Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 296.

распространяя монотеистичную веру, т. е. ислам. Люди, погибающие на этом пути, назывались «шахидами», т. е. «мучениками за веру» и «погибшими на пути к Аллаху»²⁰⁵. Как мы уже выше упоминали, пророк Мухаммед, согласно многочисленным исламским хроникам и жизнеописаниям, никогда не принуждал кого-либо насильно принимать исламскую религию, он всегда наставлял своих последователей, что это нужно делать убеждением, чтобы человек проникся верой в Аллаха. Если же его не удавалось убедить принять ислам, то в этом случае пророк говорил, что «мы должны идти своей дорогой, а неверный своей» («неверный», «кафир» – человек, не верующий в единого Бога).

С точки зрения мусульманской ортодоксии следует, что мусульманин, осуществивший осознанное самоубийство, не может считаться «шахидом». Шиитское духовенство находит оправдание и обоснование шахидизму, в то время как суннитское духовенство его порицает. Идеологическое обоснование шахидизма встречается в программных установках движения «ХАМАС» («Движение исламского сопротивления»), которое учит своих боевиков: «Аллах велик, и вы – острие его меча, смерть за Аллаха, дорога в рай»²⁰⁶.

Таким образом, современная интерпретация термина «шахид», предлагаемая радикалами, является, скорее, условной и ослабляет религиозный смысл, первоначально заложенный в его содержание. События последних десяти лет позволяют нам говорить, о явлении «северокавказского шахидизма» (данный термин введен в научный оборот северокавказским исламоведом В.Х. Акаевым). Огромное количество терактов в России и на Кавказе совершалось смертниками-самоубийцами, как правило, женщинами. Террористические акты, совершенные в Грозном (27 декабря 2002 г.), Знаменске (12 мая 2003 г.) и Чисхан-Юрте (14 мая 2003 г.), были совершены террористами-смертниками. 5-го июня 2003 г. теракт в городе Моздоке

---

²⁰⁵ Maududi A. Jihad in Islam. Lahore, 1980. P. 67.

²⁰⁶ Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб, 2002. С. 150.

совершила женщина. В результате погибли 18 российских военнослужащих. 29 ноября 2002 г. был совершен теракт женщиной-самоубийцей против коменданта Урус-Мартановского района Чечни Гейдара Гаджиева, в результате которого он погиб²⁰⁷.

Известно, что террористическая организация «Аль-Каида» также активно использует в своей практике женщин-самоубийц, что идет вразрез с воззрениями большинства исламских теоретиков и идеологов. Так, один из египетских фундаменталистских лидеров утверждает, что в истории джихадистских организаций вроде группы аз-Завахири (заместителя бен-Ладена) – это первый случай разрешения женщинам-смертницам участвовать в террористических акциях. «Лучшая служба, которую женщины могут сослужить джихаду, – добавляет он, – заключается в выполнении того, что организация считает женскими обязанностями: быть матерью, женой и домашней хозяйкой»²⁰⁸. Исходя из этого, он полагает, что использование женщин-смертниц в атаках «Аль-Каиды» останется скорее исключением, чем правилом. Однако источник в кругах лондонских исламистов сказал корреспонденту «Аш-Шарк аль-Авсат», что участие женщин в таких операциях не является новой тактикой, более того, оно практиковалось «еще на заре ислама, а затем – в период исламских завоеваний. Это известно из книг Сиры и истории исламских завоеваний. Первой женщиной-шахидкой в исламе была Самийя, известная сподвижница. Была также Насиба бинт Кааб, защищавшая посланника Аллаха в одном из набегов. Были Хавла бинт аль-Азвар, участвовавшая в завоевании страны аш-Шам, известная сподвижница пророка аль-Ханса, ар-Румайда, ансарка Умм Атыйя и многие другие»²⁰⁹.

Однако во времена пророка Мухаммеда такие акции совершались исключительно в защитных целях и носили оборонительный характер. На современном этапе в результате акций, совершаемых женщинами-самоубийцами, происходит не что иное, как преступление. И совершившая

---

²⁰⁷ См.: Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2004. С. 55.

²⁰⁸ Мухаммад аш Шафии. Новые женщины-смертницы: месть, агитация или новая тактика? // Аш Шарк аль-Авсат. 2005. № 11.

²⁰⁹ Там же.

самоубийство берет на себя двойной грех: прежде всего, убивая себя, а также массу невинных людей. Таким образом, можно сделать вывод о том, что радикальные группировки используют представительниц слабого пола в терактах исключительно в политических целях, при этом придавая псевдорелигиозный характер своим действиям.

В своих публикациях и на страницах близких к «Аль-Каиде» интернет-сайтов фундаменталисты упоминают командира чеченских повстанцев Шамиля Басаева, который очень гордился отрядом «черных вдов» – женщин, мужчины которых погибли от рук российских солдат. Фотографии женщин в поясах, начиненных взрывчаткой и в черных одеждах, скрывавших все тело, кроме глаз, стали яркими символами кровавых операций по захвату заложников, совершенных чеченскими «повстанцами» в бесланской школе и в московском театре на Дубровке. Только за четыре месяца 2003 г. шесть из семи операций чеченских смертников были совершены женщинами. 27 женщин взорвали себя, приведя в действие начиненные взрывчаткой пояса, или были убиты российскими военными.

Часто смертниками становятся, протестуя против государственного насилия, по мотивам мести. Но террористы-смертники, как правило, таких целей не достигают. Их действия приводят к очень тяжелым последствиям. Тот, кто решился на самоубийство, не всегда отдает себе отчет в том, что в ходе теракта гибнут ни в чем неповинные люди. Психологическая обработка смертников приводит к обесцениванию собственной жизни.

В «Уголовном Кодексе Чеченской Республики Ичкерия» (утвержденном от 07.08.1996 г.) ст. 133 была посвящена как раз вопросу о самоубийстве: «Любое лицо, совершившее попытку самоубийства, независимо от того каким способом оно пыталось его осуществить, подвергается наказанию в виде тюремного заключения на срок не свыше одного года или штрафа или же обоим наказаниям одновременно»²¹⁰. Однако

---

²¹⁰ Уголовный Кодекс Чеченской Республики Ичкерия. Грозный, 1996.

исламисты активно используют представительниц женского пола в качестве «живых бомб», оправдывая их действия как «жизнь, отданную за Всевышнего». На самом деле это весьма неубедительные оправдания, которые не соответствуют действительности. Из всего этого можно сделать один очень верный вывод: исламисты на практике не подкрепляют свою теорию, причем, как видно из вышеизложенного, первое кардинально расходится со вторым.

Тенденция, которая складывается сегодня на Северном Кавказе, в частности, в Чечне, несет в себе негативные последствия. Если говорить о «северокавказском шахидизме», следует отметить, что организаторы терактов, как правило, привлекают для этих целей представительниц слабого пола. По нашему мнению, это, прежде всего, объясняется принижением положением женщин на Северном Кавказе. Ими гораздо легче манипулировать, а также использовать для совершения данного вида преступления.

Проблема терроризма перестала быть локальной проблемой Чечни, она распространилась по всему Северному Кавказу и сделала очевидной необходимость тотального пересмотра государственной политики на этом направлении.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: – терроризм, приобретая характер регулярного явления, вызывает у людей состояние стресса и ощущение тотальной незащищенности, перерастающие в боязнь и неприязнь людей определенной национальности, отрицательное отношение к людям другого вероисповедания. В атмосфере подозрительности и настороженности эта боязнь превращается в фобию массового характера, порой доходящую до массового психоза. На сегодняшний день ситуация складывается таким образом, что в России фиксируется процесс роста взаимной неприязни между выходцами с Кавказа и русскими. Чеченцы, как и ряд других групп мигрантов с Кавказа, регулярно испытывают на себе

придирки милиции, т.н. ведомственный национализм²¹¹, а также враждебное отношение к себе со стороны представителей других национальностей. Поэтому одной из основных задач в российском обществе на данном этапе является искоренение фобий и интолерантности в массовом сознании граждан²¹².

Как следствие, первоочередной задачей на данном этапе является разработка мер по локализации и блокированию крайних форм проявления исламистского фактора не только в самой Чечне, но и далеко за ее пределами.

2.3. Меры по локализации и блокированию крайних форм проявления исламистского фактора в Чечне

С приходом радикального ислама в Чечне актуализировалась задача по выработке адекватных мер по борьбе с ним не только на территории данной республики, но и на всем Северном Кавказе в целом. Именно здесь присутствует реальная угроза национальной безопасности Российской Федерации, ее целостности и суверенитету.

На территории Северного Кавказа проявился феномен массового выхода части населения из правового пространства и возник район вооруженного сепаратизма. В Чечне и Дагестане современная российская политика совершила наиболее трагические ошибки, допустив массовые жертвы и разрушения, за которые она несет ответственность по сегодняшний день.

Активизация экстремистских сил придала всей ситуации в Чечне столь драматический, кровавый характер, создала ситуацию фактически гражданской войны на Кавказе. Они привнесли в сложную чеченскую ситуацию фактор фанатизма и экстремизма, образовали самостоятельный полюс, который с определенного момента времени стал самостоятельным и неугасимым источником кровавого этноконфессионального конфликта.

---

²¹¹ Бедрик А. Мигранты в помощь // Российская газета. 2007. № 141 (4404). Июль. С. 11.

²¹² Шарафутдинова Э.Ф. Джихад: теория и практика на Северном Кавказе (на примере Чеченской республики) // Научная мысль Кавказа. 2006. № 12. С. 112-119.

На современном этапе в целях недопущения атак терроризма, этнорелигиозного экстремизма различными учеными, исследователями, правоохранительными органами на территории Российской Федерации разрабатывается большое количество мер по недопущению дальнейшего разрастания и пагубного влияния негативных проявлений исламизма на территории Северного Кавказа, и в частности, в Чеченской республике.

Как известно, первой мерой по борьбе с терроризмом на территории ЧР была силовая – контртеррористическая операция, проведенная в Чечне и Дагестане в 1999-2000 гг. По целям и задачам, пространственно-временному размаху и составу привлеченных для ее участия сил и средств она существенно отличалась от всех предыдущих²¹³. Этапы зарождения и развития контртеррористической операции приведены ниже, в таблице № 1.

Этапы развития конфликтной ситуации	Действия экстремистских сил	Действия федеральных органов
1. Этап скрытой подготовки диверсионной и террористической деятельности в регионе.	Создание центров и баз террористической деятельности в регионе. Выработка политической платформы, ее пропаганда в местных СМИ. Устройство отдельных диверсионных атак за пределами региона. Подготовка кадров для террористической деятельности	Прогнозирование обстановки во взрывоопасном регионе. Принятие мер по борьбе с тенденциями и идеологией исламизма. Усиление разведывательной деятельности. Принятие мер по предотвращению акций террористов на территории государства. Требование выдачи руководителей бандотрядов.
2. Этап обострения конфликтной обстановки в регионе.	Проведение террористических акций: захват заложников, засады. Усиление связи с международными террористическими центрами.	Принятие решения на проведение контртеррористической операции с целью ликвидации терроризма как антинародного, антиобщественного явления.
3. Этап эскалации диверсионно-террористической деятельности, вооруженного противоборства.	Переход бандитов к широкомасштабным наступательным действиям за пределами региона.	Ликвидация баз террористов, центров управления. Блокирующие
4. Этап проведения и завершения		

²¹³ Воробьев И., Киселев В. Контртеррористическая операция: анализ, уроки, выводы // Обозреватель – Observer. 2001. № 2 (121). С. 45.

контртеррористической операции.	Переход бандформирований к тактике партизанских действий.	действия по изоляции региона от притока оружия, боевиков. Проведение штурмовых и рейдовых действий.
---------------------------------	---	--

Как видно из вышеприведенной таблицы, данная операция носила исключительно силовой характер. Но мы все уже давно осознали, что одной силой данную проблему не решить, здесь необходимо действовать гораздо шире, привлекать для данной цели разные методы.

Сегодня первоочередная задача всех российских мусульман, как Центрального духовного управления мусульман России (ЦДУМ), так и Координационного центра мусульман Северного Кавказа, и шире – всех мусульман СНГ и зарубежных исламских стран, где большинство исповедует традиционный ислам, помочь хотя бы не в установлении мира и согласия на Кавказе (предполагать то, что мир на Кавказе будет восстановлен в скорые сроки нам представляется наивным), а в процессе блокирования крайних форм исламистского насилия.

Как верно отметил в своем выступлении Верховный Муфтий России и Европейских стран СНГ, председатель ЦДУМ Шейх-уль-Ислама Талгат Таджуддин: «Самое действенное средство против ложного ислама – ислам истинный»²¹⁴.

²¹⁴ Таджуддин Т. Роль традиционного ислама в урегулировании кавказского кризиса // «Угроза ислама или угроза исламу?»: Мат. междунар. конф. М., 2001. С. 31.

Профессор Института востоковедения РАН Роберт Ланда в целях преодоления возникающих в связи с арабо-мусульманским влиянием на ислам в России трудностей предлагает скоординировать совместные меры по блокированию исламского фактора:

- использование имеющегося потенциала для активизации роли России в мировом исламском сообществе, что позволит частично компенсировать утрату позиций на Ближнем Востоке, связанную с развалом Советского Союза;

- придание государственными органами России приоритетного значения исламскому аспекту, что предполагает, в том числе, активизацию усилий на арабском направлении российской внешней политики, улучшение скоординированности путей ее реализации с внутренней политикой российского государства;

- достижение взаимопонимания с арабо-мусульманским миром по комплексу вопросов международного и внутреннего характера, связанных, в частности, с подходами к решению межконфессиональных конфликтов, борьбе с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и этническим сепаратизмом;

- приобретение нашей страной позиций в международных исламских организациях, что позволит существенно повысить участие России в снижении уровня противостояния между исламскими и христианским миром, разрешения региональных конфликтов, в том числе, возникающих на межконфессиональной основе в самой России;

- объединение усилий России и арабских стран по поиску решения проблемы религиозного экстремизма на основе требования о безусловном соблюдении прав человека, уважения чувств верующих всех конфессий, а также

национального суверенитета, и не в ущерб двусторонних отношений с третьими странами²¹⁵.

Данную точку зрения разделяет крупный отечественный специалист в области мусульманского права Л. Сюкияйнен, выдвигая тезис о том, что «противодействие исламскому экстремизму должно происходить при тесном сотрудничестве с мусульманскими странами»²¹⁶.

В свою очередь, авторитетный политолог Л.Л. Хоперская считает, что «для разрешения данной негативной ситуации на территории Чеченской республики, в первую очередь, необходимо разрешить проблему реформирования социальной структуры чеченского общества. Для решения всех сложностей в республике, и, самое главное, их эффективности может быть только одна форма управления в республике – авторитаризм, альтернативы которому в настоящий момент в Чечне нет. Но при этом необходимо отметить, что предложить альтернативные варианты политической стабилизации в условиях внутричеченского кризиса и активной деятельности сепаратистских сил, достаточно сложно»²¹⁷.

Исследователь политических аспектов исламского образования в России Р.Ф. Патеев говорит «о необходимости развития собственной «российской модели мусульманского образования, которая сможет перехватить альтернативу у зарубежных центров в деле религиозного образования российских мусульман. Она должна стать адекватной системой противостояния негативным тенденциям,

связанным с внешним влиянием, и служить основой для снижения межконфессиональной и этнополитической напряженности. Слепая вера

---

²¹⁵ Ланда Р. Россия и ислам – конфликт или взаимодействие? // «Угроза ислама или угроза исламу?»: Мат. междунар. конф. М., 2001. С. 180.

²¹⁶ Сюкияйнен Л. О правовых средствах борьбы с исламским экстремизмом и основных направлениях государственной политики в отношении ислама // Пределы светскости. Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. Верховский. М., 2005. С. 89.

²¹⁷ Хоперская Л.Л. Проблема авторитаризма и политической стабилизации в Чеченской республике // Системные исследования современного состояния и пути развития юга России (природа, общество, человек): Тез. докл. междунар. науч. конф. Азов, 2006. С. 97-98.

людей, становится удобным инструментом манипуляции ими, что и плодит фанатиков»²¹⁸.

Председатель ЮНЦ РАН, академик Г.Г. Матишов считает, что «в интересах национальной безопасности будет полезно создание в ЮФО системы информационного влияния на весь Кавказский регион. Сегодня нужен мощный медиахолдинг на Юге России, нацеленный на расширение конкретных региональных политических и идеологических задач. Средства массовой информации должны активно пропагандировать, например, такие культурные ценности, которые затрагивают интересы всех народов Юга России»²¹⁹.

В своих исследованиях авторитетный отечественный этнолог и исламовед А.А. Ярлыкапов выделяет ряд основных позиций по борьбе с терроризмом:

– Государство не должно избирать в качестве метода борьбы только силовые меры. Работники силовых органов не имеют ясного представления, с чем им бороться, и именно здесь кроется опасность того, что под горячую руку попадутся и невинные. Серьезные недостатки дагестанского закона «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» уже приводят на практике к таким тревожным случаям. Подготовка подобных документов в других регионах и тем более на федеральном уровне должна вестись тщательно и продуманно, чтобы не были повторены те ошибки и просчеты, которые были допущены при подготовке дагестанского закона.

– Большое внимание должно быть уделено молодежной политике, с которой должны быть увязаны меры по увеличению занятости экономически активного населения.

---

²¹⁸ Патеев Р.Ф. Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность. Ростов н/Д, 2006. С. 19.

²¹⁹ Матишов Г.Г. Некоторые актуальные вопросы общественных и гуманитарных наук применительно к Югу России // Актуальные социально-политические и экономические проблемы Южного Федерального Округа. Сб. науч. ст. // Отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2005. С. 11.

– Экстремистские проявления среди мусульман зачастую имеют корни в недовольстве процветающей коррупцией в местных властных структурах. Поэтому одной из первоочередных задач должна стать борьба с коррупцией, которая насквозь пронизывает практически все северокавказское общество.

– Нужно сделать все возможное, чтобы снять с мусульман негативный образ боевиков, террористов и экстремистов. Для этого необходимо отказаться в официальных СМИ от расхожих клише «исламский террорист», «исламский экстремист», иллюстраций статей об экстремизме и терроризме фотографиями людей, совершающих намаз и т.п. Мусульмане весьма болезненно реагируют на них, справедливо выражая свое недовольство.

– Государство должно пресекать попытки придать борьбе с экстремизмом и сепаратизмом характер межконфессионального столкновения. Большой вред наносят кадры с сети мусульманских образовательных учреждений. Естественно, там должны преподаваться основы ислама, а не правила ведения вооруженной борьбы.

– Ошибочной является практика прекращения деятельности всех заграничных исламских фондов в России. Мусульмане России лишаются серьезной материальной поддержки своих заграничных братьев, что может негативно сказаться на положении многих общин. Для избежания раздувания экстремистски настроенными религиозными деятелями антироссийских настроений, подобное прекращение деятельности отдельных исламских организаций должно производиться гласно, с указанием конкретных фактов незаконной деятельности на территории России.

– Грамотная контрпропаганда должна заменить ту, которая имеет место сегодня. Государство вполне могло бы привлечь к этой работе востоковедов, которые имеют возможность найти, перевести и опубликовать грамотные труды мусульманских богословов с критикой

основных положений исламистского и близких ему по духу учений²²⁰.

И.П. Добаев, рассматривая терроризм как разновидность уголовного преступления, выделяет основные направления по борьбе с ним:

- совершенствование правовой базы;
- укрепление и совершенствование деятельности специальных служб;
- усиление борьбы с финансированием терроризма;
- активизация разъяснительной и пропагандистско-идеологической работы.

И как очень верно отмечает далее тот же автор, «... проведению единой согласованной линии в отношении религиозного экстремизма мешают, прежде всего, межконфессиональные расколы, развившиеся в последние годы, а также конфронтация между отдельными религиозными лидерами, в частности, в российском исламе»²²¹.

Исламовед А.В. Малашенко говорит о «... негативном влиянии на Чечню общей ситуации в Северокавказском регионе, для которой характерна слабость местной, а, главное, федеральной власти»²²². С данным утверждением трудно не согласиться.

Р.Т. Курбанов предлагает следующую меру по борьбе с террористическим движением. Заключается она в «легитимации умеренной салафийи, как неполитизированного направления в исламе и перевод решения противоречий между салафией и тарикатом, а также между салафией и светской

властью в плоскость идейных и богословских дискуссий, что будет способствовать снятию накапливающегося потенциала радикализации всего спектра салафитских движений и предотвращению их выхода на ультрарадикальные позиции борьбы за собственное выживание»²²³.

---

²²⁰ Ярлыкапов А.А. Проблема ваххабизма на Северном Кавказе. М., 2000. С. 14-15.

²²¹ Добаев И.П., Немчина В.И. Новый терроризм в мире и на юге России. Ростов н/Д, 2005. С. 62.

²²² Малашенко А.В. Как выбирали в Чечне. М., 2006. С. 28.

²²³ Курбанов Р.Т. Взаимодействие власти и религии в Дагестане: опыт, ошибки, уроки. Ростов н/Д, 2005.

Дагестанский политолог и журналист Г.А. Мурклинская утверждает, существует только один выход из положения, и не о какой легитимации речи быть не может. Вот что она говорит по этому поводу: «Сколько бы и каких бы планов ни предлагалось для решения проблемы терроризма на Кавказе, мы все равно придем к этому варианту решения. Если эти люди не хотят жить по нашим законам, и у них и у нас выбор невелик: мы либо их физически уничтожим, либо они должны уехать туда, где правят их законы. Третьего не дано»²²⁴.

Трагические события в Дагестане (нападение 3 тыс. боевиков Басаева и Хаттаба на военную часть г. Буйнакса в 1999 г.) стали знаковым событием для всего общества России. На данном этапе пришло осознание того, что, все мы имеем дело с большой и серьезной угрозой и это может коснуться каждого из нас. А последовавшие за этим многочисленные взрывы и захваты и заложников на территории всей страны стали наглядным подтверждением данным опасениям.

В связи с этим, Народным Собранием Республики Дагестан 16 сентября 1999 г. был принят закон Республики Дагестан «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» (действует сейчас на территории Дагестана с поправками от 12.05.2004). Российские аналитики, изучив этот закон, пришли к неоднозначным мнениям. Например, А. Игнатенко назвал данный закон своего рода актом самозащиты мусульман. В. Бобровников указывает на нечеткость толкования понятия «ваххабизм» и отмечает опасность, того, что в число сторонников этого течения будут включены противники центрального Духовного управления мусульман Дагестана.

Ключевым элементом закона является тот факт, что в его названии, преамбуле и статье № 1 употребляются выражения «ваххабитская и иная экстремистская деятельность» или «ваххабитские и другие экстремистские

---

²²⁴ Мурклинская Г.А. Религиозный раскол на Северном Кавказе. Пути выхода из тупика. М., 2005.

организации (объединения)»²²⁵. Упомянутая деятельность должна быть запрещена, а организации – распущены. В той мере, в которой речь идет об экстремизме, закон повторяет нормы Уголовного кодекса и в этом смысле соответствует общему законодательству и здравому смыслу. Однако формула «ваххабитская и иная экстремистская» деятельность (или организация) фактически ставит знак равенства между «ваххабизмом» и «экстремизмом». Встает вопрос: а зачем необходимо было в закон вносить термин «ваххабизм»? Если закон призван бороться с экстремизмом, то описания экстремизма, данного в Уголовном кодексе и повторенного в законе, вполне достаточно, чтобы противостоять терроризму, сепаратизму и т.д. По-видимому, упоминание «ваххабизма» позволяет расширительно толковать борьбу с экстремизмом, что может привести на практике к преследованию лиц, исповедующих мусульманское вероучение²²⁶. Данное утверждение представляется нам верным.

Закон о «запрете ваххабизма», разумеется, не входит во все идеологические, социальные и психологические нюансы, не видит той сложной картины, которую представляет исламское радикальное течение. В результате в общественном сознании может сформироваться образ «врага» в лице ислама, что ведет к расколу российского общества²²⁷.

Это конечно не единственная мера по борьбе с данным явлением, которая была принята на территории Северного Кавказа. В самой Чечне давно осознали необходимость выработки мер по борьбе с терроризмом. 4 апреля 2005 г. в Грозном состоялось совещание, посвященное теме «Религиозный экстремизм на Кавказе. Арабо-мусульманское влияние на ислам в Чеченской Республике – проблемы и противоречия. Традиционный ислам – инструмент преодоления религиозного экстремизма в Чеченской Республике». В обсуждении приняли участие представители

---

²²⁵ Закон Республики Дагестан «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» // Мусульмане. № 1(4). 2000. Февр. – март.

²²⁶ Абашин С.Н. Исламофобия в России: о некоторых «субъективных» предпосылках современных конфликтов // Конфликт-диалог-сотрудничество. Бюллетень № 3 (март-май 2000).

²²⁷ Кагарлицкий Б. Полцарства за врага: Против кого будем сплачиваться? // Новая газета. № 27. 2000. 6-9 июля.

общественности, практически все руководство республики, чеченское духовенство. Для противодействия радикализму, муфтий А. Шамаев предложил создать на базе Духовного управления мусульман Чечни специальную структуру. Кроме того, было запланировано создание в Чеченской Республике «антиваххабитского» центра. Председателем Госсовета республики предложено образовать такую структуру и на федеральном уровне²²⁸.

В других республиках Северного Кавказа также принят ряд законов по противодействию религиозному экстремизму. В Кабардино-Балкарской Республике принят закон «О запрете экстремистской религиозной деятельности и ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности», в Карачаево-Черкесии действует закон «О противодействии политическому и религиозному экстремизму», в Республике Адыгея – «О свободе совести и религиозных объединениях», в Республике Ингушетия – закон «О регулировании некоторых вопросов религиозной и миссионерской деятельности в Республике Ингушетия». Губернатором Ставропольского края издано постановление «О мерах по противодействию политическому, национальному и религиозному экстремизму на территории Ставропольского края», на территории Чечни действует указ от 28.04.2007, № 170 «О мерах о противодействию терроризму на территории Чеченской республики»²²⁹ и т.д.

Необходимо отметить немаловажный факт, что со второй половины 2005 г. среди активных участников террористических групп начинают появляться представители интеллигенции: студенты-аспиранты, ученые²³⁰. Это тоже необходимо учитывать в тактике борьбы с радикалами. Ведь гораздо легче вступить в диалог с образованным человеком, нежели с

---

²²⁸ Бережной С.Е. Справка по проблемам предупреждения террористических угроз и конфликтных ситуаций на территории ЮФО. 2005. Январь-март.

²²⁹ См. прил. 4.

²³⁰ Курбанов Х.Т. Эндогенные и экзогенные факторы радикализации ислама на Северо-Восточном Кавказе. Ростов н/Д, 2006. С. 75.

невеждой. И возможность продуктивных переговоров в данном случае имеет большие шансы.

Исламизм обладает определенной мобилизационной идеологией, опираясь на поддержку международных исламистских организаций и других внешних сил, которые предоставляли северокавказским исламистам немалую финансовую, материальную, кадровую и пропагандистскую помощь. Об этом свидетельствует то, что, например, группировку Д. Умарова курировал международный террорист Абу Сейф. Бандформирования в Итум-Калинском районе замыкаются на двух выходцев из Турции и не установленного араба. В разное время на территории Чечни находился ряд представителей «Аль-Каиды», среди которых Абу Хавс, Абу Зейс, Абу Барри, Джабер, Абу Омар. Боевики из других стран составляли значительную часть личного состава бандформирований²³¹.

По данным исследователя процессов радикализации ислама С.Е. Бережного, правоохранными органами выявлено более 100 неправительственных организаций, их филиалов и представителей, действующих на территории Южного федерального округа. Подавляющее их большинство осуществляет сбор разведывательной информации, отдельные причастны к оказанию содействия бандформированиям, действующим на территории Чеченской Республики и других регионов Северного Кавказа²³².

Считаем, что государственным органам Российской Федерации, Южного федерального округа, Чеченской республики необходимо разработать комплексную систему противодействия религиозно-политическому экстремизму, направленную на подрыв безопасности субъектов региона, возбуждение социальной, религиозной, национальной розни, ненависти и вражды. Органам государственной власти, муниципальных образований следует уделять максимальное внимание

---

²³¹ Добаев И.П. Новые тенденции в террористическом движении в контексте геополитических трансформаций на Юге России // «Евразийский проект: кавказский вектор»: Мат. науч.-практ. семинара (Азов 20 сентября 2005 г.). Азов, 2005.

²³² Бережной С.Е. Справка по проблемам предупреждения террористических угроз и конфликтных ситуаций на территории ЮФО. 2005. Январь-март.

идеологическому воспитанию населения. Учитывая масштаб угроз, связанных с распространением экстремизма и терроризма, государством осуществляются меры как законодательного, так и правоприменительного характера²³³.

10 января 2000 г. Указом Президента Российской Федерации утверждена Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2001 г. № 629 утверждена Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 гг.)»²³⁴.

Программа предусматривала внедрение в социальную практику норм толерантного поведения, эффективное противодействие проявлениям экстремизма в обществе, создание основы для снижения социальной напряженности. Она была предусмотрена к осуществлению в три этапа.

Задачей первого этапа (2001 г.) являлась разработка методологических и научно-методических основ профилактики экстремизма и формирования толерантного сознания, привлечение внимания к этой проблеме органов государственной власти, общественных объединений, работников системы образования.

На втором этапе (2002-2003 гг.) предусматривается создание и экспериментальное внедрение механизмов профилактики экстремизма и формирования толерантного сознания, создание организационной базы широкомасштабного использования разработанных механизмов в ряде субъектов Российской Федерации.

---

²³³ При написании данного материала использован доклад рабочей группы президиума Государственного совета Российской Федерации по вопросам противодействия проявлениям религиозного экстремизма в Российской Федерации «О совершенствовании деятельности государственных и общественных институтов по противодействию проявлениям религиозного экстремизма в Российской Федерации». М., 2002.

²³⁴ Постановление Правительства РФ от 25 августа 2001 г. № 629 «О федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 годы)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 36. Ст. 3577.

Задачей третьего этапа (2004-2005 гг.) является активное применение механизмов профилактики экстремизма и формирования толерантного сознания.

Сегодня в России правовую основу борьбы с терроризмом образуют нормы Конституции РФ и Уголовного кодекса РФ, дающие, в частности, юридическую квалификацию понятий терроризма и террористических актов. На борьбу с терроризмом нацелены Федеральные законы № 130 «О борьбе с терроризмом» (2006 г.), № 40 «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации» (1995 г.), постановление правительства Российской Федерации № 1302 «О Федеральной антитеррористической комиссии» (1998 г.

Обеспечить противодействие финансированию терроризма и экстремизма призван Федеральный закон № 115 «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (2001 г.) и т.д.

Оказать адекватное противодействие экстремистской деятельности сегодня должны Федеральные законы № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» (2002 г.), в который внесены поправки от 27.07.2006 и № 2124-1 «О средствах массовой информации» (1991 г.).

Как мы уже выше подчеркивали, немаловажный вопрос – финансирование террористов. Как известно, эта база состоит из двух составляющих: содействия из-за рубежа и использования внутренних источников. Реализация на практике этой меры играет главенствующую роль, поскольку существенно ограничивает финансово-экономические возможности экстремистов и, соответственно, сужает их социальную базу.

То, что чеченские лидеры состояли в тесной связи с главами и элитами некоторых мусульманских государств, ни для кого сегодня не является секретом. Аслан Масхадов поддерживал дружеские отношения с королем Саудовской Аравии Фахдом ибн аль-Азизом ас-Саудом, об этом свидетельствуют следующие слова: «В период моего хаджа

я установил прямые контакты с лидерами мусульманских стран, сумел убедить их оказать централизованную помощь Чечне»²³⁵.

То, что происходило на территории Чечни, начиная с середины 90-х гг. XX в. – результат активной деятельности зарубежных центров экстремистской направленности, поэтому это один из важнейших пунктов по блокированию радикализма на территории Чечни.

Сегодня необходимо особое внимание обратить на исламскую литературу, которая распространяется на территории Чечни. В январе 2007 г. в Чечне была обнаружена листовка, которая содержит призывы радикального характера. В ней вновь звучат призывы борьбы под знаменем джихада о необходимости переустройства общественной жизни. Необходимо подчеркнуть, что подрывная исламистская литература, содержащая прямые или завуалированные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации, возбуждающая межрелигиозную и межнациональную рознь, попадает в страну не только из-за рубежа, но значительная ее часть публикуется непосредственно на территории России (зачастую в Москве и Московской области).

В этой связи заслуживает поддержки экспертиза и оценка, проводимая рядом исламских централизованных организаций (ДУМ Дагестана, Совет муфтиев России) всей исламской литературы, поступающей из-за рубежа и издаваемой в стране.

Представляется целесообразным принять меры по подготовке религиозных российских кадров, сочетающих знание исламского вероучения, и светских дисциплин. Такие кадры могли бы более активно участвовать в просветительской деятельности, в доступном для различных категорий слушателей виде излагая доктринальные толкования ключевых тем и понятий, используемых в риторике сепаратистских и радикальных религиозных организаций (например, «кафир», «такфир», «джихад», «куфр», «шахид» и т.д.).

---

²³⁵ Масхадов А. 100 дней президента. Грозный – СПб, 1997. С. 21.

Необходим глубокий анализ непосредственно самого явления исламизма на Северном Кавказе, в частности в Чеченской республике. Сегодня мы часто слышим, и не только в СМИ, но и по другим каналам, о негативном образе радикализма. Но никто не задумывается о его привлекательной стороне. Ведь многие и сегодня продолжают пополнять ряды радикалов. В чем же притягательность исламизма? На наш взгляд, необходимо акцентировать внимание именно на этом моменте, который до сих пор совсем не исследован и не проанализирован.

На наш взгляд, необходимо уделять особое внимание молодому поколению Чеченской Республики и решить вопрос с безработицей, ведь, как известно, именно молодежь становится жертвами идеологической пропаганды радикалов. Это должно стать первоочередной мерой в данном вопросе. По статистическим данным на 1 июля 2004 г., из всего количества трудоспособного населения ЧР – 553345 чел., трудоустроено – 154590 чел. Таким образом, незанятого населения в три раза больше – 459058 чел.

Несмотря на выше приведенные показатели, хотелось бы отметить то, что в данном направлении российское правительство оказывает активное содействие чеченской молодежи в том, чтобы помочь ей выйти из состояния системного кризиса. Ведь сегодня чеченская молодежь оказалась среди тех, кому не просто нужна, а необходима разноплановая помощь. В этом деле уже имеются положительные примеры. Например, в 2005 г. Минобразованием РФ для молодых чеченцев выделено на 20% больше мест в российских вузах, чем в предыдущем. Однако этого явно недостаточно. Как представляется, нужно направить максимальные усилия на привлечение молодого поколения Чечни в сферу экономики, юриспруденции, медицины, так как из 3 тысяч дипломированных специалистов, ежегодно выпускаемых ВУЗами республики, устраиваются непосредственно в самой ЧР по специальности около пяти процентов. Все остальные уезжают в другие регионы России, за рубеж или пополняют число безработных.

По словам председателя правительства Чеченской Республики по делам молодежи З. Саидова, «... две трети трудоспособной молодежи сейчас не востребовано. Мы рассчитываем, что по окончании наших вузов большая часть выпускников трудоустроится именно в Чеченской республике. В социально-бюджетных сферах – образовании, медицине»²³⁶. По его мнению, для того, чтобы минимизировать процесс криминализации молодого поколения Чечни «... необходимо противопоставить грамотную патриотическую работу, ту, которая перестала проводиться в республике с распадом Советского Союза»²³⁷. В этих целях комитет проводит различные акции, все они направлены на то, чтобы отвлечь и оградить молодежь от антиобщественных действий.

Следует заметить, что в Чеченской Республике все же наметилась относительная стабилизация социально-экономической ситуации. В сфере образования и науки происходят значительные перемены. Например, в Грозном открыт филиал Московской Гуманитарной Академии, функционирует структура Российской академии наук. Работают Чеченский Государственный Университет (ЧГУ), Нефтяной Грозненский Институт (НГИ), Чеченский Государственный Педагогический Институт (ЧГПИ), а также множество других учебных заведений.

На современном этапе ситуация, сложившаяся в Чеченской Республике, все же может быть оценена с разных, порой диаметрально противоположных позиций. В этом российском субъекте многое меняется. Безусловно, этот процесс характеризуется как положительными, так и отрицательными тенденциями.

Наряду с относительной стабилизацией в некоторых сферах общественной жизни, общественно-политическая ситуация в Чечне остается непростой. Некоторые эксперты полагают, что обстановка в самой Чечне, в том числе и на ее окраинах, якобы окончательно стабилизировалась. На самом деле это спорный вопрос. По нашему мнению, на данный момент она

---

²³⁶ Саидов З. Чечня: время молодых энтузиастов // Чеченский меридиан. М., 2005. № 7. С. 9.

²³⁷ Там же.

носит скорее характер затишья, и поэтому делать какие-либо далеко идущие выводы относительно стабильности преждевременно. Мы считаем, что в данном контексте проблемы, прежде всего, необходимо обратиться непосредственно к самим фактам, объективно отражающим данную ситуацию с максимальной степенью правдивости и объективности.

В контексте сказанного следует рассматривать обострение именно военно-политической ситуации в Чечне, несмотря на то, что прикладываются немалые усилия для ее стабилизации. Сегодня от рук бандитов гибнут военнослужащие и милиционеры. Хотелось бы отметить, что только за три сентябрьских дня 2006 г. в Чечне было убито около десяти военнослужащих. Машина, в которой находилось пятеро омонцев, была обстреляна на Старопромысловском шоссе в столице Чечни – г. Грозном. Также убито двое военнослужащих в станице Шелковской. Эти события, как представляется, можно связать с амнистией бывших боевиков. Количество сложивших оружие за последние годы составило сотни человек. До амнистии количество нападений на федеральные силы было минимально низким. Столкновение на границе с Ингушетией в октябре 2006 г., произошедшее между чеченцами и ингушами, наглядное подтверждение тому, что общественно-политическая ситуация накаляется²³⁸.

Особенно тяжело в Чечне сотрудникам правоохранительных органов. Частные диверсии (убийства, похищения) в отношении их продолжают сохраняться. На фоне всего этого в Чечне происходили и происходят случаи правонарушений со стороны федеральной власти. И это сегодня уже не для кого не является секретом. Зачистки, исчезновения людей, систематические нарушения прав человека продолжают сохраняться в ЧР и это, безусловно, формирует у части населения, особенно у молодежи антироссийские настроения. Бывший президент Чечни А.-Х. Кадыров считал, что «данная

---

²³⁸ Шарафутдинова Э.Ф. «Исламский фактор в современной Чечне: повторение пройденного?» // «Перспективы и трудности межконфессионального диалога»: Мат. всеросс. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 5-6 октября 2006 г.).

проблема значительно затрудняет развитие ЧР вперед»²³⁹. Он не раз осуждал данные действия на территории республики.

На ежегодной сессии ПАСЕ, прошедшей в 2006 г., подводя итоги дискуссии, докладчик по Чечне Э. Юргенс заявил, что «в Чечне царит абсолютный террор, страх»²⁴⁰. Участники ПАСЕ пришли к выводу о необходимости возобновить мониторинг состояния прав человека в ЧР. На наш взгляд, Российское правительство не должно допускать к данной проблеме европейские страны, т.к. это внутренний кризис и нашей стране необходимо черпать исключительно свои резервы для разрешения таких негативных моментов. Истинной причиной активизации европейских структур является совсем не борьба за права человека и обеспокоенность за безопасность чеченцев, а геополитические интересы стран Европы на Кавказе.

С этой точки зрения очень интересен «Доклад уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 г.»²⁴¹. В.П. Лукин неоднократно ставил вопрос о создании специальной комиссии для рассмотрения случаев бесследного исчезновения людей и других серьезных правонарушений в Чечне. По его словам «отсутствие такой комиссии ставит под угрозу безопасность в этом районе»²⁴².

В самой Чечне также обеспокоены фактами неправомерных действий в отношении граждан этой республики. Например, в Грозном в июне 2006 г. состоялся первый съезд общественных организаций и объединений Чеченской Республики. В ходе этого съезда была принята резолюция, которая коснулась общественной, политической, социальной ситуации в республике. «Участники данного мероприятия, констатируя все позитивные тенденции в общественно-политической и социально-экономической жизни ЧР, а также признавая роль общественных объединений в данных процессах,

---

²³⁹ Кадыров А.-Х. Выбор пути. Грозный, 2003. С. 72.

²⁴⁰ Цит. по: Музаев Т. Европейская головоломка: ПАСЕ снова критикует российскую политику в Чечне // Объединенная газета. 2006. Февраль. № 2 (85). С. 2.

²⁴¹ См. приложение 3.

²⁴² Доклад уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 г. М., 2006. С. 197.

при этом, учитывая необходимость тесного диалога между властью и обществом, приняли настоящую резолюцию»²⁴³. Во втором пункте резолюции участники съезда требуют уделить особое внимание розыску без вести пропавших, а также включить в действующую парламентскую комиссию по поиску без вести пропавших активных членов общественных правозащитных организаций. По итогам съезда было вынесено предложение обратиться в Правительство, Государственную думу с требованием прекратить репрессии против чеченцев, как в Республике, так и за ее пределами. Античеченская пропаганда в стране приобрела абсурдное содержание и формы.

Опыт показывает, что борьба с внутренней подрывной угрозой должна вестись целенаправленно, с глубокой предусмотрительностью на основе выверенных прогнозов антитеррористического противодействия.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, в контексте данной проблемы, по нашему мнению, необходимо принять следующие меры: – обратить пристальное внимание к проблемам чеченской молодежи, а также максимально задействовать его основную массу в общественную, экономическую, культурную жизнь республики. Сегодня чеченцы активно проявляют себя во многих отраслях культуры: в спорте, живописи, скульптуре, танцах и т.д. Это не должно остаться без внимания;

– прекратить неправомерные действия против чеченцев, как в Республике, так и за ее пределами. В случае продолжения данных явлений Россия вновь может столкнуться с процессами новой реисламизации Чечни и обострения этнического компонента в этом субъекте РФ;

– не связывать множество конфликтов, которые существуют на сегодняшний день одной причиной, а точнее «исламской проблемой», т.к. это ошибочный выход из сложившейся ситуации;

---

²⁴³ Резолюция 1-го съезда общественных организаций и объединений Чеченской Республики. Грозный, 26.06.2006.

- выбор чеченцами адекватной модели социально-политического развития с учетом их социокультурной идентичности;
- создание необходимого количества рабочих мест;
- изучение в религиозных и светских учебных заведениях общих позиций ислама и христианства, как основных конфессиональных систем страны. При этом сделать упор на качество данного образования.
- жители Чечни должны обладать всей полнотой гражданских прав на территории России с одной стороны, все граждане России в любой части российского Кавказа – с другой.

Хотелось бы отметить одну важную деталь, конфликт сохраняется, пока существуют его непосредственные участники, преследующие различные интересы. Задача, которая возникает в этих условиях перед его участниками, состоит в адаптации к новым социально-политическим условиям, здесь необходимо конструктивное взаимодействие. В данном случае необходимо максимально использовать внутречеченские резервы.

В целом же проблема радикализма и экстремизма на Юге России многоаспектна и может анализироваться с разных сторон, но ясно, что ее разрешение предполагает комплексный подход, синтезирующий сочетание экономических, политических, правовых и, в последнюю очередь, силовых мер²⁴⁴.

Выводы:

- Анализ этнополитического процесса, происходившего на территории Чеченской республики с конца 80-х гг. XX в. дает нам основание и возможность проследить его динамику в несколько этапов. В результате проведенного исследования мы выделили шесть фаз в развитии чеченского конфликта, на протяжении которых происходило усиление различных факторов, а также их сращивание в этноконфессиональный фактор, который

---

²⁴⁴ Хоперская Л.Л. Проблема радикализма и экстремизма в Южном Федеральном Округе // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1. С. 36.

и определил его специфику. На современном этапе конфликт все еще находится в стадии политического урегулирования. Отличительной чертой последнего периода является его характер, который принял форму «чеченизации» (разрешение конфликтной ситуации силами самих чеченцев).

– В исследовании практической роли и влияния этноконфессионального и сопутствующих ему исламского и исламистского факторов в чеченском конфликте необходимо определить их связь с такими явлениями как экстремизм и терроризм. Мы определили, что «*терроризм*» – это, прежде всего, один из

способов прихода к власти, предусматривающий обязательное манипулирование отдельными массами людей для достижения данных целей, а также средство пропаганды своих интересов определенными политическими группами. Из этого вытекает следующий вывод: – терроризм, приобретая характер регулярного явления, вызывает у людей состояние стресса, перерастающее в боязнь и неприязнь людей определенной национальности, отрицательное отношение к людям другого вероисповедания. В атмосфере подозрительности и настороженности эта боязнь превращается в фобию массового характера, порой доходящую до массового психоза. На сегодняшний день ситуация складывается таким образом, что в России фиксируется процесс роста взаимной неприязни между выходцами с Кавказа и русскими.

– Первоочередной задачей на данном этапе является разработка мер по локализации и блокированию крайних форм проявления исламистского фактора не только в самой Чечне, но и далеко за ее пределами. В контексте данной проблемы мы определили ряд мер, которые должны помочь в борьбе с этнорелигиозным терроризмом и экстремизмом на территории Чечни и России в целом. Данные меры разработаны с целью недопущения процессов новой реисламизации Чечни и обострения этнического компонента в политическом процессе в этом субъекте РФ, с опорой на традиционную

этнорелигиозную специфику чеченского социума.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На современном этапе этноконфессиональные конфликты и их последствия относятся к числу самых острых и болезненных проблем России и всего мирового сообщества. Исходя из этого, как в теоретическом, так и практическом плане выдвигается необходимость и важность учета взаимосвязи этнонациональных и религиозных аспектов в политических конфликтах, так как наибольшее влияние на реальную жизнь и текущую политику оказывает именно их симбиоз.

Мы рассматривали этноконфессиональный фактор с позиции социально-политического явления. Под *«этноконфессиональным фактором»* мы подразумеваем собирательное понятие, являющееся сложным многоуровневым явлением, вобравшим в себя этническую и конфессиональную составляющие. При рассмотрении данного явления было необходимо ознакомиться с рядом сопутствующих ему терминов и понятий, таких как – *«фактор»*, *«исламский фактор»*, *«исламистский фактор»*. Под понятием *«фактор»* мы определили – мотивацию, содержательную основу какого-либо действия, механизма; *«исламский фактор»* - мы выделили как явление религиозное, теологическое, духовное, политическое, социальное, т.е. аккумулирующее многие сферы жизни общества (научную, общественно-экономическую, политическую, духовную и т.п.); а термин *«исламистский фактор»* включает в себя, прежде всего, политическую активность, в которой ислам является средством воздействия на общество и его сознание. Следствием этой активности является деформация отношений ислама со всем окружающим миром. По нашему мнению, он носит характер сугубо политический, имеющий в своей основе интересы материального характера, нежели духовные и теологические.

Исследование было бы недостаточным без обращения к вопросам ментальности чеченского народа. Для чеченского этноса проблемы идентичности приобрели в нынешних экстремальных условиях наибольшую остроту. На современном этапе можно выделить основные этноправовые институты, генетически вышедшие из этносоциальной организации чеченской общины. У чеченцев исторически сложилась и существовала стройная, хорошо проработанная этносоциальная организационно-управленческая структура, позволявшая достаточно эффективно решать разнообразные вопросы жизнедеятельности всего национального сообщества (нохчи къам – чеченская нация). Необходимо отметить, что тейпово-тукъхумная организация чеченского социума действует и сегодня, занимая весомые позиции в общественно-политической жизни ЧР. Союз девяти тукъхумов вместе с тейпами, не входящими в тукъхумы, образуют нохчи-къам – чеченскую нацию. Этносоциальная иерархия, в которую включен каждый чеченец, предписывает ему свою нормативную систему поведения. Исторически выработанная тейпово-тукъхумная система организации чеченской общности в принципе была в состоянии отправлять всю совокупность функций, которую берет на себя государство.

Вопрос исследования этноконфессиональной организации чеченского социума и ее взаимосвязи с политико-правовой структурой чеченской общины потребовал проанализировать историю исламизации чеченских тейпов. Общеизвестно, что во все времена чеченский народ был очень религиозен. Исполнение мусульманских обрядов и традиций, берущих начало в исламе, и сегодня – неотъемлемая часть местного образа жизни. В своей истории эволюция политических аспектов ислама в Чечне прошла ряд этапов. Как правило, усиление религиозного фактора в политическом ракурсе зачастую приходилось на моменты социально-экономической, культурной, конфессиональной, этнической нестабильности. В ряде попыток построение централизованного исламского государства на территории Чечни не удавалось в силу неразрешимых противоречий ислама со своеобразной

этнонациональной государственностью вайнахов (этот процесс можно было наблюдать в период попыток образования в 1840-х гг. военно-теократического государства – имамата, а также в период двух современных войн на территории ЧР в 90-х гг. XX в.). В рамках такого взаимодействия чеченцы сегодня находятся в рамках симбиозной культуры, опирающейся на двух традициях – этнической и исламской, как мировоззренческой составляющей.

Основной силой, реально влияющей сегодня на сознание людей и формирование общественно-политической ситуации в республике, является традиционный ислам. Сегодня в Чечне идет процесс реконструкции зияртов, мест захоронения известных авлия, шейхов и устазов. Важнейшей особенностью религиозной жизни современной Чечни является массовое паломничество людей к зиярятам святых – важнейшая ритуальная практика мусульман Чечни, символ их вероубеждений. Безусловно, свой отпечаток на ислам в Чечне отложили коллизии, столкновения традиционной культуры чеченцев с радикальными и экстремистскими веяниями. Утверждать то, что в республике больше нет людей, стоящих на радикальных позициях, представляется неверным, но их стало гораздо меньше, чем в предыдущие годы.

Анализ этнополитического процесса, происходившего на территории Чеченской республики с конца 80-х гг. XX в., дает нам основание и возможность проследить его динамику в несколько этапов. Нами выделено шесть фаз в развитии чеченского конфликта, на протяжении которых происходило усиление или ослабление различных факторов, а также их сращивание на определенном этапе в единый этноконфессиональный фактор, который и определил специфику политического процесса в конкретно-исторический период. На современном этапе конфликт все еще находится в стадии политического урегулирования. Отличительной чертой последнего периода является его «чеченизация» (разрешение конфликтной ситуации силами самих чеченцев). В ходе нашего исследования этнополитического

процесса на территории ЧР мы определили, что конфликт в Чечне носил этноконфессиональный характер, поскольку был порожден желанием некоторой части населения этой республики сделать ее независимой, как в этническом (создание независимого суверенного государства), так и религиозном планах (образование исламского государства). Однако когда Чечне фактически была предоставлена независимость, националистически ориентированная элита смогла создать там лишь пародию на государство.

В период второй войны в Чечне противостояние российским войскам проходило под знаменем «джихада». Чечня к этому времени превратилась в зону «горячего» ислама. Самое интересное, что практика ведения джихада исламистами кардинально отличалась от классической в теории «священной войны» мусульман. Внешне привлекательная теоретическая доктрина исламистов (в идеологическом плане использовавшая труды арабийского теолога аль-Ваххаба и его последователей), скрывает за собой кровавую практику, результатом которой стало огромное количество террористических актов и диверсий на территории самой Чечни и Российской Федерации в целом.

С приходом радикального ислама в Чечне актуализировалась задача по выработке адекватных мер по борьбе с ним, не только на территории данной республики, но и на всем Северном Кавказе в целом. Стабилизировать ситуацию и блокировать развитие сепаратизма на этноконфессиональной основе можно только системой долгосрочных мер многопрофильной направленности. Первоочередной задачей на данном этапе является разработка мер по локализации и блокированию крайних форм проявления исламистского фактора не только в самой Чечне, но и далеко за ее пределами. В контексте данной проблемы должны быть разработаны меры, которые должны помочь в борьбе с этнорелигиозным терроризмом и экстремизмом на территории Чечни и России. Эти меры должны иметь целью недопущение процессов повторной реисламизации Чечни и обострения этноконфессионального компонента в политическом процессе в этом

субъекте РФ, с опорой, в том числе, на традиционную этнорелигиозную специфику чеченского социума.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абашинов С.Н.* Исламофобия в России: о некоторых «субъективных» предпосылках современных конфликтов // Конфликт-диалог-сотрудничество. Бюллетень № 3 (март-май 2000).
2. *Абдулатипов Р.Г.* Этнополитические конфликты в СНГ: наднациональные механизмы разрешения. М., 1997.
3. *Абу Амина Биляль Филипс.* Эволюция фикха. Киев, 2001.
4. *Авксентьев А.В.* Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1973.
5. *Акаев В.Х.* Ислам и политика (на материалах современной Чечни) // Ислам и политика на Северном Кавказе / Под ред. В.В. Черноуса Ростов н/Д, 2001. № 1.
6. *Акаев В.Х.* Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2004.
7. *Акаев В.Х.* Религиозно-политический конфликт в ЧР Ичкерия // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 5.
8. *Акаев В.Х.* Северокавказский ваххабизм – разновидность исламского радикализма // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2000. № 3.
9. *Акаев В.Х.* Традиционный ислам и ваххабизм (к религиозно-политической ситуации в Чечне) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2000. № 2.
10. *Акаев В.Х.* Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994.
11. *Акаев В.Х., Вок Г.Б., Керимов М.М.* Ислам в Чечне (традиции и современность). Грозный, 2006.
12. *Акаев В.Х., Вок Г.В.* Кавказ в контексте геополитики. Грозный, 2006.

13. *Алдамова И.В.* Этнополитизация конфликта в Чеченской республике: причины, генезис и постконфликтное строительство. Дис. ...канд. полит. наук. М., 2004.
14. *Ансимов Ю.Н., Алтунин В.Н.* Антитеррористическая деятельность и борьба с экстремизмом: опыт, организация, правовая основа. Майкоп, 2003.
15. *Антонян Ю.М., Давитадзе М.Д.* Этнорелигиозные конфликты: проблемы, решения. М., 2004.
16. *Арбиев П.* Один год из жизни Алу Алханова // ГУМС. 2005, № 2.
17. *Арухов З.В.* Походы мединской уммы // Мусульманская цивилизация, 1415 год хиджры. М., 1998. № 2.
18. *Ахмадов Ш.Б.* Имам Мансур. Грозный, 1991.
19. *Ахмадова Я.З.* К изучению исламской идеологии в Чечне конца XVIII в. (Возвращения имама Мансура) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2001. № 1 (17).
20. *Ахмедов А.* Ислам в современной идейно-политической борьбе. М., 1985.
21. *Бажаяев М.* Нужна ли России Чечня без чеченцев // Вестник ЛАМ. 2001. № 3.
22. *Басханова Л.С.-Э.* Чечня: общественное мнение в условиях этнополитического конфликта. Ростов н/Д, 2004.
23. *Баудинов И.* Армия Ичкерии // Объединенная газета. 2006. № 2 (85).
24. *Беджанов М.Б.* Россия и Северный Кавказ: межнациональные отношения на пороге XXI в. Майкоп, 2002.
25. *Бедрик А.* Мигранты в помощь // Российская газета. 2007. № 141 (4404). Июль.
26. *Бережной С.Е.* Справка по проблемам предупреждения террористических угроз и конфликтных ситуаций на территории ЮФО. 2005. Январь-март.
27. *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война. М., 1994.

28. *Варисов З.В.* Иноверцы под сенью мусульманства // Мусульманская цивилизация, 1415 год хиджры. М., 1998. № 2.
29. *Васильева О.* Звезды, зажженные Дудаевым // Новое время. 1994. № 37.
30. *Верещагин В.Ю., Гавриш Г.Б., Нечепуренко П.Я.* Чеченская этнонациональная государственность: от самобытности к сепаратизму. Ростов н/Д, 2003.
31. *Конгресса народов Ичкерии и Дагестана.* Приложение к газете «Исламская нация». 1998. № 1.
32. *Виноградов В.Б., Межидов Д.Д., Успаев Г.И.* Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
33. *Вклад в укрепление российской государственности:* Беседа с муфтием Центрально-Европейского региона России шейхом Равилем Гайнутдином // VIP. 1996. № 17.
34. *Воробьев И., Киселев В.* Контртеррористическая операция: анализ, уроки, выводы // Обозреватель – *Observer*. 2001. № 2 (121).
35. *Гакаев Д.Д.* Очерки политической истории Чечни (XX в.). М., 1999.
36. *Гакаев Д.Д.* Чеченский кризис: истоки, итоги, перспективы (политический аспект). М., 1999.
37. *Гарсаев В.* Чечня – многонациональная республика // Объединенная газета. 2005. № 26 (82).
38. *Гумилев Л.Н.* История людей и история природы. СПб, 1989.
39. *Денисова Г.С., Радовель М.Р.* Этносоциология. Ростов н/Д, 2001.
40. *Джафаров А.И., Курбанов Р.И.* Воины Аллаха // Чеченец. 1997. № 11.
41. *Добаев И.П.* Геополитика исламского мира на Кавказе // Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственных интересов России. Ростов н/Д, 1998.
42. *Добаев И.П.* Исламский радикализм в международной политике. Ростов н/Д, 2000.

43. *Добаев И.П.* Исламский радикализм: сущность, идеология, политическая практика. Дисс. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д, 2003.

44. *Добаев И.П.* Новые тенденции в террористическом движении в контексте геополитических трансформаций на Юге России // «Евразийский проект: кавказский вектор»: Мат. науч.-практ. семинара (Азов 20 сентября 2005 г.). Азов, 2005.

45. *Добаев И.П., Блохин В.П.* Практические действия по блокированию регионального сепаратизма, выступающего под религиозным прикрытием // Силловые структуры в этнополитических процессах на юге России / Южнороссийское обозрение / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д, 2002. № 12.

46. *Добаев И.П., Немчина В.И.* Новый терроризм в мире и на Юге России. Ростов н/Д, 2005.

47. *Доклад рабочей группы президиума Государственного совета Российской Федерации по вопросам противодействия проявлениям религиозного экстремизма в Российской Федерации «О совершенствовании деятельности государственных и общественных институтов по противодействию проявлениям религиозного экстремизма в Российской Федерации».* М., 2002.

48. *Доклад уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 г.* М., 2006.

49. *Егунов А.В.* Исламский радикализм на постсоветском пространстве: идеологические и организационные аспекты: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2005.

50. *Ельсаев А. А.-Х.* Особенности модернизации политического процесса в условиях социальной депривации (на примере Чеченской Республики). Дисс. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2005.

51. *Епифанцев С.Н.* Этносоциентальная трансформация на Северном Кавказе на рубеже XX-XXI вв. Ростов н/Д, 2005.

52. *Жданов Н.В., Игнатенко А.А.* Ислам на пороге XXI века. М., 1989.

53. *Жумалаева Л.* Востребованный временем // *Лидер эпохи перемен.* Грозный, 2007.

54. *Закон Республики Дагестан «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан»* // *Мусульмане.* № 1(4). 2000. Февр. – март.

55. *Здравомыслов А.Г.* Межнациональные конфликты на постсоветском пространстве. М., 1999.

56. *Ибн Абд аль-Ваххаб.* Китаб аль-кашф (на арабском языке). Бейрут, 1962.

57. *Ибрагим ибн Салих ал-Махмуд.* Послание к учащимся девушкам. Махачкала, 1998.

58. *Игнатенко А.А.* Исламский радикализм как побочный эффект «холодной войны» // *Центральная Азия и Кавказ.* 2001. № 1(13).

59. *Игнатенко А.А.* Мусульманская самозащита от ваххабизма // *Независимая газета: НГ-Религии.* 1999. № 11.

60. *Игнатенко А.А.* Политика государственного терроризма и исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке// «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии. М., 1987.

61. *Игнатенко А.А.* Средневековые поучения владыкам и проблематика власти // *Социально-политические представления в исламе. История и современность.* М., 1987.

62. *Игнатенко А.А.* Халифы без халифата. Исламские неправительственные религиозно-политические организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. М., 1988.

63. *Игнатенко А.А.* Эндогенный радикализм в исламе. Доклад на семинаре в Московском Центре Карнеги. М., 2000.

64. *Исаев Э.А.* Вайнахская этика. Назрань, 1999.

65. *Ислам на территории бывшей Российской империи:* Энциклопедический словарь. М., 1978.

66. *Ислам*. Энциклопедический словарь. М., 1991.
67. *История СССР с древнейших времен до конца XVIII в.* Изд. 2-е. М., 1982.
68. *Кагарлицкий Б.* Полцарства за врага: Против кого будем сплачиваться? // Новая газета. № 27. 2000. 6-9 июля.
69. *Кадыров А.-Х.* Выбор пути. Грозный, 2003.
70. *Кадыров А.-Х.* Мой выбор (записки чеченского лидера). М., 2002.
71. *Кайдаров Р.Е.* Терроризм: возникновение, разрастание, меры противодействия. zharinov@wallst.ru
72. *Клята С.И.* Мусульманский фактор в России XXI века // «Радикальное направление в исламской идеологии»: Мат. всеросс. науч.-практ. семинара (Ростов-на-Дону, 23-24 мая 2006 г.). Ростов-на-Дону, 2006.
73. *Кныш А.Д.* Суфизм // Ислам: Историографические очерки. М., 1991.
74. *Комаров А.С.* Влияние ислама на политическую ситуацию на Северном Кавказе (на примере Чечни и Дагестана). Магистерская диссертация. М., 2001.
75. *Комиссия Говорухина.* Чеченский излом: преступления дудаевского режима против чеченского народа. Грозный, 1995.
76. *Конституции, уставы и договоры субъектов Российской Федерации на Северном Кавказе.* Ростов н/Д, 1998.
77. *Конфликт – Диалог – Сотрудничество* / Междунар. общест. организация «Центр политических и стратегических исследований». М., 1999. № 1.
78. *Коран* / Пер. И.Ю. Крачковского. М., 1990.
79. *Косвен М.О.* Семейная община или патронимия. М., 1963.
80. *Краткий историко-этнографический очерк.* М. – СПб, 1926.
81. *Кудряшова И.В.* Сущность терроризма // Международная безопасность и проблемы терроризма. Учебное пособие / Отв. ред. А.Г. Володин, В.Н. Коновалов. Ростов н/Д, 2002.

82. *Курбанов Р.Т.* Взаимодействие власти и религии в Дагестане: опыт, ошибки, уроки. Ростов н/Д, 2005.

83. *Курбанов Х.Т.* Эндогенные и экзогенные факторы радикализации ислама на Северо-Восточном Кавказе. Ростов н/Д, 2006.

84. *Ланда Р.* Россия и ислам – конфликт или взаимодействие? // «Угроза ислама или угроза исламу?»: Мат. междунар. конф. М., 2001.

85. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883.

86. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Вып. 2. Нальчик, 2002.

87. *Лукьянов А.К.* Взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии. М., 2001.

88. *Лукьянов А.К.* Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М., 2001.

89. *Магомадов Л.* Они-шахиды // Чеченец. 1996. № 1.

90. *Магомаев А.* Партия Чечни // Ичкерия. 1998. № 5.

91. *Магомедов Б.* Я не хочу, чтобы меня кусали дважды из одной норы // Международная независимая газета. 1999. № 6.

92. *Макаров Д.В.* Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000.

93. *Максименко В.И.* Фундаментализм и экстремизм в исламе // Ислам и исламизм. М., 1999.

94. *Малашенко А.В.* Ислам и политика в государствах Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4.

95. *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. М., 2006.

96. *Малашенко А.В.* Как выбирали в Чечне. М., 2006.

97. *Малашенко А.В.* Чечня: выборы посреди террора // Брифинг Московского центра Карнеги. Вып. 8-9. М., 2004.

98. *Мальшева Д.Б.* Конфликты в третьем мире и Содружестве независимых государств (религиозный и этнический аспекты). Дис. ...докт. полит. наук. М., 1997.

99. *Мамакаев М.А.* Чеченский тейп в период его разложения. Грозный, 1973.

100. *Мареченков Ю.* Руслан Хасбулатов. М., 2002.

101. *Масхадов А.* 100 дней президента. Грозный – СПб, 1997.

102. *Матишов Г.Г.* Некоторые актуальные вопросы общественных и гуманитарных наук применительно к Югу России // Актуальные социально-политические и экономические проблемы Южного Федерального Округа. Сб. науч. ст. // Отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2005.

103. *Мелешко Н.П.* Криминологические проблемы становления правовой системы в России. Ростов н/Д: ИУБиП, 2000.

104. *Мельков С.А.* Исламский фактор и военная политика России. М., 2001.

105. *Месхидзе Д.А., Роцин М.М.* Суфизм по-чеченски // Статус-кво. М., 2004. № 2.

106. *Михайлов Г.* Ислам в России // Ислам в России и Средней Азии / Под ред. И. Ерамакова, Д. Микульского. М., 1993.

107. *Музаев Т.* Европейская головомойка: ПАСЕ снова критикует российскую политику в Чечне // Объединенная газета. 2006. Февраль. № 2 (85).

108. *Музаев Т., Тодуа З.* Новая Чечено-Ингушетия. М., 1992.

109. *Мурклинская Г.А.* Ислам и политика в современной Чечне // Завтра. 1999. № 40.

110. *Мурклинская Г.А.* Религиозный раскол на Северном Кавказе. Пути выхода из тупика. М., 2005.

111. *Мухаммад аш Шафхи.* Новые женщины-смертницы: месть, агитация или новая тактика? // Аш Шарк аль-Авсат. 2005. № 11.

112. *Муххамад Шалаби*. Аль Мадхал фи ат-Тариф билль Фикх аль Ислами. Бейрут, 1969.
113. *Мчедлов М.П., Кудряшова М.С.* Вера, этнос, нация: религиозный компонент этнического сознания. М., 2007.
114. *Николаев Р.А., Шабурин А.В.* Интернациональная экспансия // Независимое военное обозрение. 1999. № 12.
115. *Новикова Г.В.* Сильная стратегия слабых. Террор в конце XX века. М., 2000.
116. *Носков Ю.Г.* Религиозный фактор и духовная безопасность. М., 2000.
117. *Нуруллаев А.А.* Религиозный фактор в национальных процессах // Государственно-церковные отношения в России: Курс лекций. Ч. 1. М., 1994.
118. *Нухаев Х.-А.* Евразия между атлантическим и эсхатологическим концом истории // Ведено или Вашингтон? М., 2001.
119. *Нухаев Х.-А.* Русский хугцванг // Ведено ил Вашингтон? М., 2001.
120. *Нухаев Х.-А.* Теория и практика ханифитского традиционализма в контексте российско-чеченского конфликта. М., 2004.
121. *Обращение Временного высшего совета ЧИР* // Россия и Чечня. 1990.
122. *Ольшанский Д.В.* Психология терроризма. СПб, 2002.
123. *Пайн З., Попов А.* Российская политика в Чечне: как она зарождалась, как привела к войне и чем отзовется завтра // Известия. 1995. февр.
124. *Парламент Чеченской Республики. Законы*. Грозный, 1992. Вып 5.
125. *Патеев Р.Ф.* Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность. Ростов н/Д, 2006.
126. *Пауков В.И., Лефко Э.Ф.* Воины Аллаха выбирают Кавказ // Время МН. 1999. 30 августа.
127. *Пожидаев В.П.* Горцы Северного Кавказа. Ингу. Хевсурь. Кабардинцы: краткий историко-этнографический очерк. М. – СПб, 1926.

128. *Политический экстремизм и его профилактика у современной молодежи* / Под ред. А.С. Зайналабидова, В.В. Черноуса. Ростов н/Д, 2003.

129. *Постановление Правительства РФ от 25 августа 2001 г. № 629 «О федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 гг.)»*. М., 2001.

130. *Проект Конституции Чеченской Республики*. Грозный, 1995.

131. *Протокол КНИД № 30 от 10.11.1998 г.* Грозный, 1998. 10 ноября.

132. *Пути мира на Северном Кавказе*. Независимый экспертный доклад. М., 1999.

133. *Рагузин В.Н.* Роль религиозного фактора в межнациональных отношениях. М., 1998.

134. *Резолюция 1-го съезда общественных организаций и объединений Чеченской Республики*. Грозный, 2006.

135. *Российская газета*. 2007. № 62 (4325), 27 марта.

136. *Российская социологическая энциклопедия* / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1998.

137. *Ротарь И.В.* Ислам и война // НГ. 1999. № 3.

138. *Руновский А.* «Кодекс Шамиля» // Военный сборник, 2 (1862). М., 1999.

139. *Руновский А.* Мюридизм и газават. Махачкала, 1996.

140. *Русанова О.А.* Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе. Дис. ...канд. соц. наук. М., 2004.

141. *Рэссилл Д.* Новые подходы к российско-чеченскому конфликту и его урегулированию // Кавказский регион: пути стабилизации. Сб. докл. междун. науч. конф. Ростов н/Д, 2004.

142. *Сааев А.* Борис Ельцин // ГУМС. 2007, № 4.

143. *Сажин В.И.* К вопросу о цивилизациях, исламе и войнах // Ближний Восток и современность. М., 1998.

144. Саид Афанди аль-Чиркави. Сокровищница благодатных знаний. М., 2003.
145. Саидов З. Чечня: время молодых энтузиастов // Чеченский меридиан. М., 2005. № 7.
146. Сборник указов и распоряжений Президента Чеченской Республики (1 ноября 1991 г. – 26 мая 1993 г.). Грозный, 1993.
147. Скакунов Э.И., Зорин В.Ю., Туронока С.Г. Чеченский конфликт. Международные исследования. М., 2001.
148. Словарь иностранных слов. М., 1982.
149. Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.
150. Собрание законодательства Российской Федерации. М., 2001.
151. Современный политологический словарь / Под ред. В.И. Даниленко. М., 2000.
152. Сологуб Д.В. Время шариата // Статус-кво. М., 2004. № 2.
153. Сюкияйнен Л. О правовых средствах борьбы с исламским экстремизмом и основных направлениях государственной политики в отношении ислама // Пределы светскости. Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. Верховский. М., 2005.
154. Таджуддин Т. Роль традиционного ислама в урегулировании кавказского кризиса // «Угроза ислама или угроза исламу?»: Мат. междун. конф. М., 2001.
155. Терроризм: их и наш. pereplet.ru
156. Тишков В.А. Стратегия противодействия экстремизму // Сеть этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 1999. № 23.
157. Томе Э. Ислам и национальный вопрос (национальный и религиозный факторы на Арабском Востоке на современном этапе). Дис. ...канд. филос. наук. М., 1993.

158. *Тощенко Ж. Т.* Чеченский кризис: человеческий потенциал проблемы // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М., 1995. № 10.

159. *Трошев Г.Н.* Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М., 2001.

160. *Тухватуллин Р.* За кого будут голосовать мусульмане? // Независимая газета. 1996. Июнь.

161. *Уголовный Кодекс Российской Федерации.* Выпуск № 11. М., 1996.

162. *Уголовный Кодекс Чеченской Республики Ичкерия.* Грозный, 1996.

163. *Ханбабаев К.М.* Ваххабизм в Дагестане // Ислам и политика на Северном Кавказе. Сборник научных статей. Ростов н/Д, 2001. № 1.

164. *Ханбабаев К.М.* Ислам и проблемы национальной безопасности в Южном федеральном округе. Махачкала, 2006.

165. *Ханбабаев К.М.* Этапы распространения ваххабизма в Дагестане. Ростов н/Д, 1999.

166. *Хасмагомадов Э.* Трансформация социальной структуры и формирование политической элиты чеченского общества // Вестник ЛАМ. 2001. № 3.

167. *Хисматуллин А.А.* Суфизм. СПб, 1999.

168. *Хишам М.* Теоретические основы и практическая деятельность исламских фундаменталистов в Египте. Дис. ...канд. ист. наук. М., 1996.

169. *Хоперская Л.Л.* Проблема авторитаризма и политической стабилизации в Чеченской республике // Системные исследования современного состояния и пути развития юга России (природа, общество, человек): Тез. докл. межд. науч. конф. Азов, 2006.

170. *Хоперская Л.Л.* Проблема радикализма и экстремизма в Южном Федеральном Округе // Гуманитарная мысль Юга России. Ростов н/Д, 2005. № 1.

171. *Черников В.* Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999.

172. *Черников В.* Я был все эти годы с моим народом // Власть и политики. М., 2003 (август-сентябрь).

173. *Черноус В.В., Цихоцкая Н.И.* Как это было... Штрихи к истории концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России // Изв. СКНЦ ВШ. Общ. науки. 1990. № 2.

174. *Чеснов Я.* Чеченцем быть трудно (тейпы, их прошлое и роль в настоящем) // Независимая газета, 1994. 22 сентября.

175. *Чечня от Мансура до Джохара* // Спец. выпуск журнала «Наш Дагестан». 1996. № 1-3 (174-175).

176. *Чудинов С.И.* Терроризм как социокультурный феномен: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2006.

177. *Шарафутдинова Э.Ф.* «Исламский фактор в современной Чечне: повторение пройденного?» // «Перспективы и трудности межконфессионального диалога»: Мат. всеросс. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 5-6 октября 2006 г.). Екатеринбург, 2006.

178. *Шарафутдинова Э.Ф.* «Суфийские структуры в российском исламе (на примере чеченского суфийского вирда Кунта-Хаджи)» // «Мусульманские духовные структуры»: Мат. докл. и выст. на науч.-практ. семинаре (Ростов н/Д, 7-8 декабря 2006 г.). Ростов н/Д, 2006.

179. *Шарафутдинова Э.Ф.* Джихад: теория и практика на Северном Кавказе (на примере Чеченской республики) // Научная мысль Кавказа. 2006. № 12.

180. *Шарафутдинова Э.Ф.* Конфессиональный аспект чеченского конфликта. Магистерская диссертация (рукопись). Ростов н/Д, 2005.

181. *Шарафутдинова Э.Ф.* Мусульманская молодежь и неправительственные религиозно-политические организации (НРПО) // Электронная библиотека «Института религии и политики» [[http:// www.i-r-p.ru / page / stream – exchange / index – 3858. html](http://www.i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-3858.html)]. 2006. Февр.

183. *Шарафутдинова Э.Ф.* Он стоял у истоков возрождения // Аргун Орга. № 57-58. 2006. Июль.

184. *Шарафутдинова Э.Ф.* Чечня при Рамзана Кадырове: повторение пройденного? // Электронная библиотека «Фонда стратегической культуры» [[http://www.fondsk.ru / article. Php?id=105](http://www.fondsk.ru/article.php?id=105)]. 2006. 5 апр.
185. *Шиллинг Е.* Ингуши и чеченцы. М. – СПб, 1931.
186. *Шипилова Н.Н.* Региональные этнополитические конфликты: технологии продуцирования и урегулирования. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2005.
187. *Шихсаидов А.* Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4 (5).
188. *Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России.* М., 1998.
189. *Юсупов М.М.* Трансформационные изломы социальной структуры // Ойла. 1998. № 1.
190. *Яндарбиев З.* Чей халифат? Гаага, 2001.
191. *Яркова Е.Н.* Социокультурные аспекты современного терроризма. tollsty@narod.ru
192. *Ярлыканов А.А.* Проблема ваххабизма на Северном Кавказе. М., 2000.
193. *Яхимчик М.* Две Чечни: утопия или факт? // Завтра. 2003. 18 нояб.
194. *Choueiri Youssef.* Islamic Fundamentalism. Boston, 1990.
195. *Dobaev I.* On the typology of the radical islamic movements // Central asia and the Caucasus. № 3(15), 2002.
196. *Laqueur W.* The Age of Terrorism. Boston, 1987.
197. *Maududi A.* Jihad in Islam. Lahore, 1980.
198. *Sjukijanen L.* Islam vs. Islam. On Islamic Alternative to Extremism and Terrorism // Central asia and the Caucasus. № 3(15), 2002.

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ

CONGRESS OF THE PEOPLES OF ICHKERIA AND DAGHESTAN

Конгресс народов Ичкерии и Дагестана

Тел : _____
Факс: _____

Джохар-Гала

р/сч № _____
банк : _____

12.12. 1998.

Резолюция

Конференции уполномоченных представителей Конгресса народов Ичкерии и Дагестана

Основываясь на анализе Высшего политического совета конгресса, рекомендаций Алимов и представлений ведущих политических деятелей Ичкерии и Дагестана Конфедерация уполномоченных представителей Конгресса народов Ичкерии и Дагестана определила:

- Война, объявленная Россией Исламской умме Кавказа, принимает коварную форму (наркомафия, экономическое давление, преступность, провокационная работа, тяжба концепций и т.д.).
- Кафир не остановится, пока мы не подчинимся его целям или не остановим его силой.
- Исламской умме Ичкерии и Дагестана нанесен серьезный ущерб (идеологический, моральный, психологический и материальный). Тем не менее, она находится в абсолютно инертном состоянии.
- Необходимость принятия срочных мер для предотвращения окончательного тотального уничтожения.

Причины, приведшие к этой ситуации это недостаточный иман, низкая политическая зрелость мусульман Кавказа и беспредельное коварство кафира.

Нет, рабству Исламской уммы Ичкерии и Дагестана!

Нет, империи российской на земле общего Дагестана!

Да, процветанию Исламской уммы Ичкерии и Дагестана!

Да, началу Исламского Халифата на Кавказе!

Руководствуясь вышеизложенным повелением Всевышнего, Конференция уполномоченных представителей Конгресса народов Ичкерии и Дагестана постановляет:

1. Утвердить завоевания Ичкерии в войне 1994-96 гг. как первый шаг Исламской уммы Кавказа на пути полного и бесповоротного освобождения его на пути российского гнета.
2. Иметь в виду, что кафир использовал до конца только один прием (физический) в войне против Исламской уммы Кавказа. Остается еще четыре.
3. Выставить против кафира всю мощь Исламской уммы во имя достижения поставленной цели.
4. Предъявить счет России за многовековое унижение и уничтожение Исламской уммы Кавказа.
5. Для исполнения поставленной цели выполнения воли Всевышнего признать ДЖИХАД как единственное средство защиты Исламской уммы Кавказа и всего мира.

Конференция уполномоченных представителей
Конгресса народов Ичкерии и Дагестана

Приложение 2

Декларация о восстановлении исламского государства Дагестан.

Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного!

Мы, мусульмане Дагестана, официально заявляем о восстановлении независимого государства Дагестан.

Уповая на помощь и милость Аллаха, объявляем о том, что Джихад в Дагестане является обязанностью для каждого мусульманина.

Обязанность каждого мусульманина встать на защиту исламского государства и воевать до полного изгнания кафира с мусульманской территории.

Да поможет нам Аллах!

Аллаху Акбар!!!

Приложение 3

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

по созданию специальной комиссии для рассмотрения случаев
бесследного исчезновения людей и других серьезных
правонарушений в Чечне

Секретарю Совета Безопасности Российской Федерации И.С. ИВАНОВУ

Уважаемый Игорь Сергеевич!

Чеченские руководители неоднократно обращались ко мне с предложением решить вопрос о создании специальной комиссии из представителей силовых министерств и ведомств с участием Уполномоченных по правам человека в Российской Федерации и Чеченской Республике для рассмотрения случаев бесследного исчезновения людей и

других серьезных правонарушений в Чечне. Обращение чеченских руководителей было поддержано Министром внутренних дел РФ Р.Г. Нургалиевым.

На встрече со мной 1 марта 2005г. Владимир Владимирович Путин положительно отнесся к предложению о создании такой комиссии.

3 марта 2005 года я направил Р.Г. Нургалиеву письмо, в котором предложил, чтобы представители заинтересованных ведомств собрались для решения организационных вопросов создания и порядка работы комиссии по рассмотрению вопросов бесследного исчезновения людей и других серьезных правонарушений в Чеченской Республике.

МВД России в направленном мне ответе на это письмо отметило, что круг вопросов, рассматриваемых при разрешении затронутых проблем, выходит за рамки деятельности МВД России и затрагивает интересы ряда государственных структур, работа которых в данном направлении координируется Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Исходя из этого, МВД России считает, что рабочую встречу по вопросам создания и организации деятельности указанной комиссии целесообразно провести в Генеральной прокуратуре Российской Федерации.

14 апреля 2005 года я направил письмо Генеральному прокурору ГФ В.В. Устинову с просьбой высказаться по этому вопросу.

В ответе Генеральной прокуратуры ничего не говорится о создании специальной комиссии. В нем лишь предлагается использовать «Соглашение о формах взаимодействия Генеральной прокуратуры РФ и Уполномоченного по правам человека в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан» от 24.07.1998 г.

Таким образом, вопрос о создании специальной комиссии для рассмотрения случаев бесследного исчезновения людей и других серьезных правонарушений в Чечне зашел в тупик.

В этих условиях считал бы целесообразным обсудить этот вопрос на заседании Совета Безопасности Российской Федерации. Считаю, что отсутствие такой комиссии осложняет борьбу с правонарушениями в Чеченской Республике и ставит под угрозу безопасность в этом районе.

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации

1 июня 2005 года

В. П. Лукин

Приложение 4

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

от 28.04.2007 г. г. Грозный № 170

О мерах по противодействию терроризму на территории Чеченской Республики

В целях реализации государственной политики в сфере противодействия терроризму, минимизации и ликвидации последствий его проявлений на территории Чеченской Республики, эффективного исполнения Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и Указа Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму»:

ПОСТАНОВЛЯЮ:

1. Антитеррористической комиссии Чеченской Республики в своей деятельности руководствоваться законами Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами в области антитеррористической деятельности, а также Положением об антитеррористической комиссии в субъекте Российской Федерации и Регламентом антитеррористической комиссии в субъекте Российской Федерации, утвержденными 1 июля 2006 года председателем Национального антитеррористического комитета.
2. Аппаратом Антитеррористической комиссии Чеченской Республики (далее – Аппарат АТК) определить сектор по обеспечению деятельности Антитеррористической комиссии Чеченской Республики Департамента Администрации Президента и Правительства Чеченской Республики по обеспечению деятельности Совета по экономической и общественной безопасности Чеченской Республики, на который возложить организационное и материально-техническое обеспечение деятельности Комиссии.
3. Утвердить Перечень должностных лиц, входящих в состав Антитеррористической комиссии Чеченской Республики.
4. Утвердить состав Антитеррористической комиссии ЧР.
5. Утвердить Положение об аппарате АТК.
6. Антитеррористической комиссии Чеченской Республики для выработки упреждающих мер адекватного реагирования на террористические угрозы образовать следующие рабочие группы АТК:
  - по обеспечению антитеррористической защищенности объектов промышленности республики;
  - по обеспечению антитеррористической защищенности объектов транспорта и связи республики;

по обеспечению антитеррористической защищенности объектов образования республики;

по обеспечению антитеррористической защищенности объектов здравоохранения республики;

по обеспечению антитеррористической защищенности объектов культуры республики;

по обеспечению антитеррористической защищенности объектов физической культуры и спорта республики;

по обеспечению антитеррористической защищенности объектов потребительской сферы республики;

по обеспечению антитеррористической защищенности объектов жилищно-коммунального хозяйства республики;

7. Рекомендовать главам администраций городов и районов Чеченской Республики образовать антитеррористические комиссии городов и районов Чеченской Республики.

8. Аппарату АТК в месячный срок со дня вступления в силу настоящего указа подготовить и представить на утверждение председателю Комиссии:

типовое положение о постоянно действующих рабочих группах Антитеррористической комиссии Чеченской Республики;

типовое положение и состав антитеррористических комиссий городов и районов Чеченской Республики.

9. Признать утратившими силу:

постановление Главы Администрации Чеченской Республики от 17 января 2003 г. № 44 «О мерах повышения эффективности выполнения Федерального закона «О борьбе с терроризмом»;

ЧР от 23 января 2007 г. № 6 «О внесении изменений в указ Президента Чеченской Республики от 28 августа 2006 г. № 266 «Об утверждении состава Антитеррористической комиссии Чеченской Республики»;

указ Президента ЧР от 3 апреля 2007 г. № 104 «Об утверждении состава Антитеррористической комиссии Чеченской Республики»;

указ Президента Чеченской Республики от 28 августа 2006 г. № 266 «Об утверждении состава Антитеррористической комиссии Чеченской Республики».

10. Контроль за выполнением настоящего указа возложить на заместителя Председателя Правительства Чеченской Республики – Руководителя Администрации Президента и Правительства ЧР А.М. Израйилова.

11. Настоящий указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент
Чеченской Республики

Р.А. Кадыров